ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

8.

Стр.

473. Письма **А. Я. Булгакова** къ его брату изъ Неаполя и Палермо. 1805—1807.

515. Воспоминанія **Н. Д. Богатинова.** (Усиленныя занятія.—Голосѣева пустынь. — Попечительство И. И. Пирогова. — Причины его неудачи. — Баронъ А. П. Николаи. — Учителя. — А. З. Ростовцевъ).

549. **Юрій Никитичъ Бартеневъ.** Отрывки изъ его Крымскихъ дневниковъ. (Жизнь въ Симферополѣ 1843 г.).

581. Замѣтка къ стихотворенію **А. С. Хомякова** „Звѣзды".

584. Изъ писемъ **Ѳ. И. Тютчева.** 1860—1863.

607. Pia desideria (о системѣ классическаго образованія въ Россіи). **Барона А. П. Николаи.** Съ некрологическою замѣткою издателя.

633. О двухъ памятникахъ въ г. Шесбургѣ: генералу Г. Я. Скарятину и поэту Петефи. **П. И. Щукина.**

— О XIII-й книгѣ Жизнь и Труды М. П. Погодина. **Н. П. Барсукова. И. В. Помяловскаго.** (На обложкѣ).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1899.

Библиотека "Руниверс"

НОВЫЯ КНИГИ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Спб. 1899 книга XIII.

Повѣствованіе почтеннаго г. Н. Барсукова продолжается безостановочно. Настоящая XIII книга, удостоенная подобно предъидущимъ Императорскою Академіей Наукъ полной Уваровской преміи, оканчивается 18 Февраля 1855 г., днемъ кончины Императора Николая I.

По интересу сообщаемаго въ этомъ томѣ, онъ нисколько не уступаетъ предшествующимъ и содержитъ въ себѣ обстоятельное повѣствованіе о пережитой Россіей порѣ, начиная съ 1853 г., т. е. съ начала Восточной войны. Въ порѣ этой Погодину пришлось принять видное участіе, преимущественно своими политическими письмами, которыя имѣли широкое распространеніе среди всей читающей Россіи. Въ ходѣ войны этой приняли, какъ и естественно ожидать, всѣ близкія Погодину лица. и разсказъ объ томъ или другомъ ихъ участіи, передаваемый по большей части ихъ собственными словами, составляетъ одну изъ выдающихся прелестей разсказа г. Н. Барсукова. Одною изъ жемчужинъ разсказа являются выписки изъ писемъ Севастопольскаго протоіерея Арсенія Лебединцева, которыми онъ дѣлился съ преосвященнымъ Херсонскимъ Иннокентіемъ, горячо принимавшимъ къ сердцу дѣйствія Русскаго оружія.

Читатель, слѣдя за этими выписками, только жалѣетъ о томъ, что ихъ въ книгѣ г. Барсукова приведено мало. Но разсказъ о Восточной войнѣ 1853 г. не составляетъ исключительнаго содержанія разсматриваемой книги. Она содержитъ не мало и другихъ весьма интересныхъ разсказовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ Погодину. Напримѣръ, разсказъ о празднованіи столѣтняго юбилея Московскаго Университета; въ высшей степени любопытное повѣствованіе объ участіи академика Куника въ занятіяхъ и работахъ по Русской исторіи и хронологіи. объ его стремленіи утвердить изученіе Византіи въ нашемъ отечествѣ; весьма любопытныя и важныя данныя по поводу интересныхъ статей П. И. Бартенева: Пушкинъ въ Южной Россіи и т. д. и т. д. Эти и имъ подобные эпизоды поддерживаютъ постоянно вниманіе и интересъ читателей книги г. Н. Барсукова и дѣлаютъ изъ нея вполнѣ достойное продолженіе предшествующихъ книгъ. Отъ души желаемъ, чтобы почтенный авторъ безпрепятственно окончилъ такъ блестяще продолжаемое повѣствованіе о жизни Погодина.

И. Помяловскій.

27 Іюня 1899 г.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ.

1805-й годъ [1]).

Неаполь, 7 (19) Февраля 1805.

Какая была для меня радость, узнать, что ты готовъ ѣхать въ Москву! Ну, милой мой и безцѣнной Костя, поздравляю тебя отъ всей души: пришла минута столь много нами желаемая. Да препроводитъ тебя Господь Богъ въ путешествіи твоемъ! Наслаждайся удовольствіемъ, коего три года ты былъ лишенъ. Это письмо, можетъ быть, будешь читать въ Москвѣ, сидя въ твоей тепленькой конуркѣ, или у батюшки въ саду; ну гдѣ бы то ни было, все это живѣе приведетъ тебѣ на память того, который къ тебѣ пишетъ.

Пожалуй опиши мнѣ подробно путешествіе твое, пріемъ князя Чарторижскаго, что̀ будетъ тебѣ говорить, ибо вѣрно вспомнитъ Анстетову [2]) рекомендацію; о маменькѣ, какъ ее найдешь, о прочихъ знакомыхъ, а особливо, также то, что̀ узнаешь о Татищевѣ и о всемъ до миссіи нашей касающемся, о Гагариной и о тысячѣ пустякахъ, коихъ теперь припомнить не могу. Изъ Москвы также, милой братъ, навѣщай меня какъ можно чаще письмами; ты можешь себѣ вообразить, какой они будутъ для меня цѣны. Я слѣдую тебя теперь воображеніемъ, а мнѣ кажется, что ты теперь выѣзжаешь въ Москву, что ты у Кузнецкаго моста, встрѣчаешь множество знакомыхъ, у коихъ, видя тебя, лицо перемѣняется отъ радости или удивленія, всякая встрѣча производитъ волненіе въ твоемъ сердцѣ, приближаешься къ Слободѣ [3]), сердце бьется, пріѣзжаешь въ домъ, батюшка на крыльцѣ или въ своей комнатѣ, не ожидая тебя такъ скоро; ты входишь въ его кабинетъ, кидаешься ему на шею, какая минута! Любезной братъ, какое удовольствіе для тебя найти отца благословляющаго тебя за хорошее твое поведеніе, за спо-

---

[1]) См. выше, стр. 5-я.

[2]) Анстетъ былъ однимъ изъ чиновниковъ нашего посольства въ Вѣнѣ, гдѣ тогда служилъ К. А. Булгаковъ.

[3]) Т. е. къ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ были домъ и усадьба Я. И. Булгакова (вѣроятно въ нынѣшнемъ Демидовскомъ переулкѣ).

Библиотека "Руниверс"

койствіе, за радости, кои ты доставлялъ ему вкушать, во все время твоего отсутствія! Вкушай сіи плоды: ты столь ихъ заслуживаешь. Ежели это письмо дойдетъ до тебя послѣ свиданія твоего, то послужитъ нѣжнымъ воспоминаніемъ счастливой той минуты, въ которую совершились желанія твои; ежели же прежде, то умножитъ, можетъ быть, твое нетерпѣніе. Но нѣтъ бѣды. Я нечувствительно предался пылкости моего воображенія, а пришла охота грустить, вспомня, что не могу ни видѣть, ни раздѣлять счастія твоего. Мы здѣсь веселимся сколько можно, хотя и менѣе баловъ противъ прошлогодняшняго; редуты въ С. Карло, за то, гораздо веселѣе. Третьяго дня было болѣе 4.000 масокъ. Я теперь большой пріятель съ Кауницомъ; онъ волочится за сестрой моей княгини, и дѣла его клеятся очень хорошо, sous ma médiation et garantie. У насъ проектъ теперь трактуется: всѣ мы сядемъ на нашъ корабль и поѣдемъ гулять по Неапольскому заливу, объѣдемъ острова и заѣдемъ посмотрѣть Капри. Notre société sera composée d'une cinquantaine de personnes, всякой береть блюдо съ собою.

*

Неаполь, 14 (26) Февраля 1805.

Посольшъ [1]) пишетъ графъ: *Le petit Bulhakow est parti, cela m'a fait beaucoup de peine, car je lui suis attaché; il s'applique etc.* Это должно тебѣ быть пріятно: ты знаешь, что посолъ не очень щедръ на комплименты подчиненнымъ своимъ. Посольша увѣряетъ, что Гриша [2]) болѣе не воротится въ Вѣну, а Рибопьеръ даже вымаранъ изъ миссіи вашей. Она очень грустна. Здѣсь маленькое démêlé. Французскій посолъ требовалъ, чтобъ Дамаса выслали изъ здѣшняго королевства и отняли команду надъ арміею; не знаютъ, какъ и чѣмъ сія претензія кончится. Я не дѣлаю секрета изъ сего, ибо весь городъ о томъ говоритъ. Линевская пріѣхала, но я ея еще не видалъ. Демидова, говорятъ, ужъ въ Римѣ и скоро будетъ сюда. Сегодня послѣдній день карнавала, и я этому радъ: балы у меня по горло уже. Мы съ княгинею... оба просимъ отдыха; кстати Великій постъ подходитъ.. а я думаю говѣть съ Долгорукovыми, благо имѣемъ нашего попа на кораблѣ *Прасковеи*. Можно ли быть столь странною какъ Головкина: поѣхала въ Римъ только за тѣмъ, чтобы провести тамъ послѣдніе три дня карнавала, а тамъ опять сюда воротится. Можетъ быть, это подложная причина, а есть другая настоящая, которую мы не можемъ найти.

*

[1]) Т. е. вѣроятно первой женѣ нашего посла при императорѣ Германскомъ графинѣ Елисаветѣ Осиповнѣ Тунъ († 1806), проживавшей для здоровья въ Неаполѣ, пишетъ изъ Вѣны мужъ ея графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій.

[2]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ?

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, Февраля 21 (Марта 5) 1805 года.

Твоя Демидова[1]) отмѣнно мнѣ нравится: любезна, весела и, что болѣе всего мнѣ пріятно, очень къ тебѣ привязана. Она, Балковы [2]) и Николушка живутъ вмѣстѣ; я отмѣнно часто у нихъ бываю. Всѣ здѣшнія достопамятности очень мнѣ извѣстны и даже прискучили, но для нихъ охотно все еще разъ просмотрю и съ ними всюду поѣду въ званіи Цицерона, o sia Chiacherone. Демидова съ пріѣзда лежала больна въ постели лихорадкою, теперь выздоровѣла и выѣзжаетъ. Мы сбирались было говѣть; но теперь надобно отложить попеченіе, ибо бѣдной священникъ нашего корабля умеръ на этихъ дняхъ.

*

Неаполь, 12-го Марта 1805 г.

Трудно мнѣ отвыкать отъ старой привычки имѣть всякую недѣлю по два письма отъ тебя, но какъ быть? Утѣшаюсь мыслію, что желанія твои совершились, и ты въ Россіи, милой и любезной братъ.

Не повѣришь, какъ я теперь пріятно раздѣляю время между моею княгинею съ Демидовою. Сія очень мнѣ нравится, нрава открытаго и предобраго сердца; я не удивляюсь нимало, что ты ее любилъ и не хулю этого: заслуживаетъ того, время съ нею не видишь какъ проходитъ; вчера пришелъ я къ ней въ 10 часовъ вечера и до трехъ часовъ пополуночи заболтался.

Мы были всѣ на превеселомъ обѣдѣ у Каунпца третьяго дня, а завтра вся наша шайка, и дамы также, ѣдемъ въ Баю и Фузаро ѣсть устрицъ, ce qui n'est pas mon fort du tout, car je les déteste. Дамасъ на дняхъ ѣдетъ и ждетъ только благополучнаго вѣтра; ему дана большая лента св. Фердинанда, и теперь щеголяетъ со звѣздою. Посольша очень грустна; говорятъ, что чрезъ шесть недѣль ворочается въ Вѣну. Я радъ, что подоспѣла сестра Линевская въ столь нужную минуту.

*

Неаполь, 14 26) Марта 1805.

Слава Богу, ты благополучно доѣхалъ до Питера; радуюсь всѣмъ оказаннымъ тебѣ ласкамъ, и посла люблю безъ ума. Мы видимъ теперь, что онъ не таковъ, каковымъ большая часть его полагаетъ. Я про-

[1]) Петръ Ѳедоровичъ Балкъ-Полевъ и жена его (которую далѣе Булгаковъ называетъ Балкшею) Варвара Николаевна, ур. Салтыкова, родная тетка нашего Московскаго князя В. А. Долгорукова.

[2]) Это супруга Николая Никитича Демидова, Елисавета Александровна († 1818), сестра графа Г. А. Строганова, успѣхи котораго между женщинами помянуты даже Байрономъ во 2-й пѣснѣ Донъ-Жуана. Она была тоже счастлива въ мужчинахъ. Графъ Блудовъ говаривалъ: Nos grandes-mères étaient pures de coeur, pas de corps.

Библиотека "Руниверс"

челъ посольшѣ, что̀ ты пишешь о мужѣ, и она была тронута до слезъ. Voilà, dit-elle, ce qu'on gagne à être bon enfant comme votre frère. Я тебѣ признаюсь, что не ожидалъ бы таковыхъ доказательствъ привязанности посла къ тебѣ. Не оставляй ни подъ какимъ видомъ его миссіи: кажется, намъ не должно теперь сомнѣваться, что тебѣ дадутъ жалованье. Благодарю за все, что̀ пишешь о маменькѣ; я бы ей послалъ денегъ съ отъѣхавшимъ вчера въ Петербургъ курьеромъ, но по несчастію батюшкинъ вексель ко мнѣ въ 500 ч. принужденъ былъ отослать Гумпту, ибо онъ адресованъ тебѣ и платежъ долженъ сдѣлаться тебѣ, въ Вѣнѣ, гульденами; просилъ Гумпта все это устроить, несмотря на твое отсутствіе. Я къ маменькѣ пишу довольно часто, но что̀ дѣлать съ почтою, и я объ ней былъ въ безпокойствіи, а въ Четвергъ получилъ вдругъ три письма, изъ коихъ одно 17 Января, каково? Татищевъ ѣдетъ; по твоему письму везетъ еще двухъ; не знаю, что̀ со мною будетъ, но надѣюсь не быть ему безполезнымъ. Демидова говоритъ, что онъ былъ въ нее влюбленъ. Она его встрѣтитъ и скажетъ ему, что любитъ меня очень и что знаться съ нимъ не будетъ, ежели я не буду его фаворитъ. Комиссіи къ знакомымъ въ Петербургѣ не могу тебѣ давать; тебя теперь тамъ нѣтъ, я думаю.

Ты говоришь, что многое говорятъ у васъ; а не пишешь, что̀ именно. Кто объ насъ представлялъ, коллегія ли, князь Чартор. или наши министры? Лучше бы, вмѣсто чина, хорошее жалованье. Я получилъ вдругъ два письма отъ батюшки; онъ, кажется, намекаетъ, что и моя очередь придетъ ѣхать въ Москву, тогда въ Вѣнѣ погощу у тебѣ два раза хорошенько. Да и тебѣ изъ Москвы зачѣмъ спѣшить? Я воображаю, что ты воротишься къ послу черезъ Петербургъ. Мы время славно здѣсь препровождаемъ. Что̀ за женщина эта Демидова, и какъ я ее худо судилъ, покуда только видомъ ее зналъ; право, заслуживаетъ любовь хоть кого. Она была огорчена, что въ письмѣ твоемъ, которое принудила почти все прочесть ей, нѣтъ ни слова объ ней. Она въ большихъ агитаціяхъ, ибо ѣдетъ изъ Парижа вслѣдъ за нею какой-то Гишпанецъ, кажется Pignatelli, который влюбленъ въ нее, и она не знаетъ какъ его принять послѣ того, что̀ было въ Вѣнѣ. Она очень къ тебѣ привязана. Всѣ здѣшнія достопамятности видѣлъ я сто разъ, но ее долгомъ почелъ вездѣ провожать. Вчера были мы въ Казертѣ и до того доходились, что пріѣхалъ я безъ ногъ въ Неаполь отъ усталости. Какъ смѣялись! Мы были пятеро: Д., Балкша, Томасъ, старый абатъ чичероне и я. Сколько разъ тебя поминали! Ко мнѣ изъ Вѣны пишетъ какой-то чудакъ Ротіакобъ, коего въ глаза не знаю, и проситъ, чтобы я заставилъ тебя заплатить Беттерѣ 100 г. и оные ему

Библиотека "Руниверс"

переслалъ. Что я оберъ-полицеймейстеръ что-ли? Je dirai comme la D: Non, ce sont des contes tout cela. Пожалуй напиши мнѣ, подъ секретомъ все, что ты могъ слышать въ Петербургѣ о Карповѣ, особливо въ княжеской канцеляріи и пр. Когда будетъ Татищевъ, куда, думаешь, дѣнется Карповъ?

*

Неаполь, 21 Марта (2 Апрѣля) 1805 г.

Вѣрно увидишь Татищева въ Москвѣ. Что за люди съ нимъ ѣдутъ et de quelle trempe ils sont? Вообще все до миссіи нашей касающееся должно меня интересовать натурально. Мы дѣлаемся теперь спротами: въ Воскресенье уѣхала Долгорукова, въ Понедѣльникъ Балкша съ мужемъ, въ Четвергъ ѣдутъ Демидова и Головкина. Очень мнѣ будетъ жаль Демидову, съ которой я очень тѣсно подружился. Ее нельзя не любить, когда два раза только увидишь; жалуется, что многіе ее ненавидятъ и завидуютъ ей. Cie заставило меня написать ей въ Stambuch на одномъ листочкѣ съ тобою: Vous êtes gentille, aimable, bonne, sensible, vous avez des envieux; soyez plus gentille, plus aimable, plus bonne, plus sensible, et vous les confondrez, et moi je jouirai de votre triomphe. Не знаю, отъ чего въ Россіи имѣлъ я отъ нея такое большое отвращеніе, а теперь люблю ее очень. Она совершенно вбила себѣ въ голову, что ты ее забылъ, какъ я ни увѣряю ее въ противномъ. Elle dit de vous: Oh, à présent il est nuit et jour chez sa belle Dolgorouky. Qu'est ce qu'il trouve donc dans ce petit monstre? Жаль мнѣ очень, что она покидаетъ насъ; провожу ее почты три, что ни съ кѣмъ не дѣлалъ кромѣ съ Гагариными.

*

Неаполь, 28 Марта (9 Апрѣля) 1805 г.

Наконецъ возвратился ты въ Москву, и всѣ желанія твои сбылись. Я право былъ тронутъ всѣмъ тѣмъ, что ты мнѣ говоришь, и мнѣ казалось, что я стою между батюшкою и тобою, что у окошка Фастъ смотритъ будто на термометръ, дабы не показать, что плачетъ, глядя на наше благополучіе; у кровати Александра Петровна потупила глаза на Китайца, вышитаго на завѣсахъ; княгиня сидитъ на большихъ, красныхъ креслахъ, съ платкомъ на носу, который весь покраснѣлъ; князь Сергій говоритъ батюшкѣ, смотря то на одного, то на другаго: эхъ! дюдюшка, да вамъ радоваться должно, посмотрите-ка, какими воротилась молодцами! Въ эту минуту входитъ Біянки, крпчитъ, всѣмъ кланяется, никто ему не отвѣчаетъ. Эта картина такъ сильно представилась моему воображенію, что я только тогда очнулся, что въ Неаполѣ,

Библиотека "Руниверс"

какъ пришелъ Антоніо съ завтракомъ. Теперь узналъ я, что можно быть счастливу мысленно; но какъ жаль, что это счастіе есть одна только минута.

*

Неаполь, 11 (23) Апрѣля 1805 г.

Къ намъ ѣдутъ опять много Русскихъ, т. е. Демидова обратно на все лѣто съ мужемъ (bon!), князь Долгуковъ (ex-Karsakoff) съ женою, Сапіега, двое Яковлевыхъ, Щербатовъ-драчунъ и не помню кто еще. Балкша тоже сюда будетъ, а мужъ ея ѣдетъ въ Россію, проситься въ Китай съ посольствомъ нашимъ. Правду ты говоришь, что рѣдкость найти женщину, которая была бы достойна быть единымъ предметомъ человѣка. У меня съ княгинею пречастыя ссоры за проклятую ея страсть къ игрѣ, а ежели она не броситъ играть, то я ее вѣрно брошу; ибо не повѣришь, какъ больно моему сердцу видѣть молодую женщину, которую люблю, растроивающую свое имѣніе. Всякой день у насъ ссора за это, и я такъ оной встревоженъ, печаленъ, что боленъ даже бываю. Какая несчастная и непзлѣчимая страсть—карты! Какая наука для меня, и какую ненависть имѣю теперь къ игрѣ.

Какъ я радъ, что нашъ безцѣнной Фастъ не перемѣнился нимало, что̀ бы очень меня огорчило и охолодило бы сердце ко всякому чувствованію дружбы. Мнѣ батюшка не писалъ о продажѣ деревни Азанчевскому, и не знаю, сколько душъ. Дай Боже, чтобы это уменьшило долгъ, который столь его безпокоитъ и о коемъ онъ столь часто упоминаетъ. У васъ Екатерина III-я Пушкина*), а мы здѣсь Долгорукую такъ называли.

*

Неаполь, 18 (30) Апрѣля 1805 г.

Повѣрь, братъ, что охоты никакой не имѣю быть камеръ-юнкеромъ: теперь это не важно, и право божусь тебѣ, что лучше предпочту мѣсто секретаря посольства, которое есть цѣль всѣхъ моихъ желаній. Слушай! Министры наши здѣсь довольно часто перемѣняются; при отъѣздѣ всякаго, я бы былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а наконецъ, привыкши быть мною довольными и произведя меня раза четыре, сдѣлали бы и министромъ тѣмъ охотнѣе, что дворъ и дѣла не важны. Такъ ли? Вотъ планъ мой; съ помощію Татищева надѣюсь достигнуть моего желанія. Тогда дамъ пиръ, и хотя не люблю вина, но по твоему вытяну полдюжину бокаловъ Шампанскаго.

*

*) Т. е. графиня Екатерина Алексѣевна Мусина-Пушкина, ур. кн. Волконская.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь. 7 Мая 1805 г.

Я буду проситься курьеромъ въ Вѣну, гдѣ доброй нашъ посолъ меня нѣсколько задержитъ и потомъ отправитъ въ Петербургъ, а ежели ѣхать туда прямо, то когдаже съ тобою пожить? Дороги по Италіи теперь очень вѣрны, по крайней мѣрѣ ужъ давно не слыхать, чтобъ палили. Благодарю за вѣсти Московскія и всѣ твои подробности о домѣ нашемъ: отъ всего этого сердце бьется. Батюшка, кажется, веселъ и предоволенъ нами, пишетъ: «Канцлеръ[1]) меня утѣшилъ похвалою о тебѣ, хвалитъ, да и много, все то, что ты писалъ во время болѣзни Карпова; но сіе да не возгордитъ тебя. Обѣщался мнѣ о васъ обоихъ писать къ кн. Чарторыскому. Я съ нимъ переговорилъ о всемъ, что только можетъ касаться до вашего будущаго блага; увидимъ, что сдѣлаютъ въ Петербургѣ, между тѣмъ радуюсь, что начальники васъ за глаза знаютъ и хвалятъ». Не повѣришь, какъ сіи слова меня порадовали: стоютъ всякаго награжденія. Отгадай, кто къ намъ явился вдругъ. Виленскій знакомый, красноносый и красношекой генералъ Лассій, такойже все чудакъ, пріѣхалъ лѣчиться и началъ тѣмъ, что ложится въ семь часовъ спать, обѣдаетъ въ часъ, по сю пору только мнѣ сказалъ: Бачка! Какъ ты, братица, вырòсъ; приходи обѣдать къ намъ. Пріѣхалъ изъ Рима Щербатовъ, да что-то не взлюбилъ Неаполя и ѣдетъ чрезъ двѣ недѣли, возвращась въ Россію. Скоро будутъ сюда Демидовы, жду ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ, а Балкъ, кажется, раздумалъ ѣхать въ Китай.

Вотъ три года что̀ я здѣсь, а впервой видѣлъ чудо св. Януарія. Удивительно, что въ церемоніи сей, основанной на ослѣпленіи и глупомъ суевѣріи народа, не наблюдается по крайней мѣрѣ благопристойности. Старыя бабы сидятъ на первыхъ мѣстахъ и ругательски ругаютъ бѣднаго святаго за то, что мѣшкаетъ, а не дѣлаетъ чуда; когда же зазвонитъ колокольчикъ, начинаютъ кричать: bravo S. Gennaro, nostro caro, quanto piacere ci fai provare, quanto sei grazioso, amabile, quanto ti vogliamo bene [2]) и другія подобныя глупости. Какая разница въ нашихъ священныхъ обрядахъ, какая у насъ тишина, благоголѣніе, благопристойность, а здѣсь поютъ кастраты, играютъ 200 музыкантовъ, иллюминація, процессіи и пр.

*

[1]) Государственный канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ.

[2]) Т. е. браво св. Януарій, дорогой нашъ, какое удовольствіе ты даешь намъ испытывать, какъ ты милъ и любезенъ, какъ мы тебя любимъ.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 2 (14) Мая 1805.

Ей Богу больно: пишу тебѣ подъ № 119, а ты мнѣ на 102-й только отвѣчалъ въ послѣдній разъ. Спасибо тебѣ, что устроилъ дѣла бѣднаго Приклонскаго.

Приступимъ теперь къ Неаполю. Въ немъ дѣлаются страшныя проказы. L'occasion de départ de Borel me permet de vous parler sans risque de beaucoup de choses. Je ne sais si vous êtes informé de l'accident de Scherbatoff, accident d'autant plus fâcheux que non seulement il blesse les principes du droit des gens et offense Scherbatoff, mais rejaillit sur toute notre nation. La nuit du 9 au 10 un détachement de sbires avec un officier rentra dans la chambre de S., l'arrêta, le fit monter dans une calèche et le conduisit de cette manière, comme un malfaiteur, hors des états de Naples, sans aucun concert préalable avec m-r Karpow. Vous pouvez vous imaginer l'effet qu'un pareil procédé produisit sur un homme *zélé Russe* comme Karpow. Il adressa une note très salée, par la quelle il demande une réparation prompte et telle qu'il sache s'il doit continuer ou cesser l'exercice de ses fonctions auprès de cette cour. Hier on nous a enfin répondu par une note, qui peut passer pour un chef d'oeuvres de platitude, et dans la quelle une phrase détruit l'autre. Les griefs contre S. sont: qu'il ne s'est pas fait présenter à la cour, qu'on a trouvé un fusil chez lui, qu'il ne portait par son uniforme, qu'il venait à Naples pour braver cette cour par sa duel avec Sachs, qu'il avait tué, au moins pas à la Napolitaine par derrière, c. à d. Je vous fais grâce du reste et vous demande si tout cela autorise à traiter un étranger comme un malfaiteur et sans en avertir, ni avant ni après, son ministre; car nous savons tout cela par un homme de la police. Все это приказано королевою въ возмездіе за высылку Сакса изъ Петербурга; а ты, можетъ быть, не знаешь, что онъ былъ ея любовникомъ. Королю сказано все это только вчера. Мы посылаемъ курьера въ Питеръ и увидимъ, какъ Государь это дѣло приметъ. Арестуя Щерб., принесли ему кошелекъ съ деньгами, чтобъ заплатить долги, ежели найдутся; но онъ сказалъ офицеру, чтобъ убирался и онъ, и тотъ кто деньги прислалъ, что онъ долги, которые умѣетъ дѣлать, умѣетъ и самъ платить, что придетъ время, что все это отомститъ, написалъ записку Гагарину и Карпову, сѣлъ въ карету, и его помчали. Не повѣришь, любезный, какъ у меня кровью сердце залпвается отъ подобнаго скареднаго поступка; не должна Россія терпѣть подобныя дерзости отъ державы, которую Алжирцы заставляютъ себя бояться. Я право второй день хожу какъ шальной. Посольша пзволитъ защищать сей

Библиотека "Руниверс"

поступокъ: ты можешь вообразить, какой шумъ мы подымаемъ, мы *Русскіе въ душѣ*. Неаполь сталъ для меня гнусенъ, и не вижу минуты убраться. Я такъ откровенно всѣмъ говорю мой образъ мыслей, что вѣрно дошло до знатной особы, чему я и радъ и готовъ на все; лучше ѣсть Русское . . . чѣмъ Неапольскіе макароны. Записка къ Гагарину была вѣрно въ рукахъ здѣшняго двора, который будетъ коситься на него за дружбу Щербатова.

Къ маменькѣ черезъ Приклонскаго посылаю деньги 50 ассигнацію, которую купилъ на нашемъ кораблѣ у матроса. Пини нашъ воротился изъ Корфу, былъ въ Венеціи, гдѣ видѣлъ Маруція, который тебѣ кланяется, а дочь Бароція большія имѣетъ на тебя претензіи.

*

Неаполь, 9 (21) Мая 1805 г.

Я получилъ третьяго дня письмо отъ батюшки, который говоритъ: «вчера (29 Марта) отпустилъ я брата въ Петербургъ, и поплакали». Вотъ что онъ пишетъ: «Тебя желаю избавить отъ Неаполя, гдѣ нечего тебѣ лучшаго ожидать; а я старъ, дряхлъ и хотѣлъ бы имѣть при себѣ котораго нибудь изъ васъ, даже и для вашей пользы. Глаза мои, кои мнѣ столь вѣрно служили 60 лѣтъ безъ очковъ, начинаютъ худо видѣть, рука ослабѣла, голова также ненадежна. Какъ же мнѣ не желать имѣть при себѣ человѣка, на котораго положиться могу, а гдѣ его найти кромѣ одного изъ васъ?»

Не можешь вообразить, какъ я на Васильчикова*) золъ. Что за фофанъ! Куда дѣвались всѣ мои письма? 11-го сего мѣсяца Татищева всякую минуту ждали въ Тріестѣ, такъ что онъ можетъ быть прибудетъ сюда въ концѣ этой недѣли, и тогда будутъ здѣсь три наши корабля; теперь имѣемъ мы Прасковею, линейный корабль и фрегатъ Венусъ. Сегодня Пини, Николушка, Беттера ѣдутъ обѣдать къ капитану Сотланову и ѣсть щи. Маменька пишетъ, что ожидаетъ тебя всякую минуту. Я послалъ ей денегъ съ Борелемъ, а въ этомъ мѣсяцѣ еще пошлю, ибо буду богатъ. A propos: батюшка пишетъ, что далъ тебѣ для меня 500 ч.; сдѣлай одолженіе перешли изъ оныхъ 100 матушкѣ: это всего короче и лучше, чѣмъ мнѣ отсюда посылать вексель; изъ Вѣны удобнѣе и вѣрнѣе можно доставить деньги въ Петербургъ.

Все идетъ по старому, съ княгинею все ладно, она доброй парень, только страшная игрица, что терпѣть въ женщинѣ не могу. Сегодня должны пріѣхать Демидовы; онъ будетъ брать бани острова Искіи, а

*) Алексѣя Васильевича. Онъ былъ родной племянникъ нашего Вѣнскаго посла графа А. К. Разумовскаго и служилъ въ Вѣнѣ подъ его начальствомъ.

Библиотека "Руниверс"

она я, чаю, амуриться съ Гишпанцомъ Парижскимъ, о которомъ она тебѣ вѣрно говорила, et qui est venu en Italie exprès pour elle.

*

Неаполь, 16 (28) Мая 1805 г.

Ну, братъ, теперь насъ занумерили, и надѣюсь, все пойдетъ какъ по маслу. Все то, что̀ князь Чарторыскій тебѣ говорилъ очень меня обнадеживаетъ и радуетъ; теперь не надобно намъ унывать.

Я матушкѣ много писалъ о желаніи нашемъ, чтобъ она переселилась въ Москву; ежели тамъ Шумлинскіе [1]) докучаютъ, то по крайней мѣрѣ карману ничего не стоятъ, а въ Питерѣ не такъ съ протчею роднею.

*

Неаполь, 9 (21) Іюня 1805 г.

Такъ и быть, умру, но Пинія не отпущу въ Вѣну безъ письма къ любезному и милому моему Костюшѣ. Это заглавіе тебѣ покажется трагично, mais tranquillisez vous. Дѣло въ томъ, что я три ночи не сплю за работою, которую дѣлаю одинъ, Пини будучи занятъ приготовленіями къ отъѣзду; право, не чувствую ни рукъ, ни глазъ. 16 большихъ депешныхъ листовъ исшифровалъ для Государя, да къ князю Чарторыскому еще изрядная кучка. Мнѣ была предложена поѣздка, но я не хочу ѣхать не видавшись съ Татищевымъ, что̀ ему бы показалось нѣсколько странно или неучтиво. Какъ его по сіе время здѣсь нѣтъ, то заключаю, что онъ заѣхалъ въ Корфу.

Виленской нашъ знакомый [2]) далъ мнѣ увѣреніе, что сто̀итъ мнѣ только сказать ему, когда мнѣ хочется, то онъ меня отправитъ въ Петербургъ, и такъ я съ этой стороны очень покоенъ et sûr de mon fait. Я съ нимъ живу очень ладно, меня любитъ и много хвалилъ и рекомендовалъ князю Чарторыскому. Приглашаетъ съ нимъ быть на основаніи, какъ былъ помнишь при немъ П. Я. У. [3]) въ Вильнѣ; все это можетъ устроиться и съ большими для меня выгодами. Это усмотрѣніе заставляетъ меня не торопиться въ Россію, ибо фортуна моя можетъ быть сдѣлана.

*

Неаполь, 14 (26) Іюня 1805 г.

Шпренгпортенъ сумасшедшій человѣкъ и удивительныя дѣлалъ дурачества и проказы въ Корфу. Надобно знать, что жена его увѣряетъ безпрестанно, что брюхата, и въ послѣдній переѣздъ его изъ Корфу въ

[1]) Мать братьевъ Булгаковыхъ въ это время была уже вдовою доктора Шумлянскаго и съ двумя отъ него дочерьми жила въ Петербургѣ.

[2]) Т. е. генералъ Борисъ Петровичъ Лассій, бывшій Литовскій военный губернаторъ, начальникъ Русскихъ войскъ, высадившихся въ Неаполѣ въ первую войну нашу съ Наполеономъ.

[3]) Павелъ Яковлевичъ Убри?

Библиотека "Руниверс"

Венецію, при страшной бурѣ, ей будто сдѣлалось дурно и будто она выкинула, ему показала кусокъ телячьей почки въ чемъ-то выпачканной, говоря, что это выкинутый зародышъ. Онъ повѣрилъ и говорилъ всѣмъ: je vu le petit paquet dont ma femme a été délivrée. Она, кажется, Костромская купчиха. Скажи, имѣетъ ли Турчанинова съ собою еще капельмейстера Итальянца, который вѣрно ее гдѣ нибудь обокрадетъ. Радъ я, что ты съ посломъ со дня на день лучше; ежели чуть здѣсь не такъ пойдетъ, то къ вамъ турну, и давай вмѣстѣ жить. Посольша тебѣ кланяется; она меня представила какой-то Колоредо, пріѣхавшей изъ Вѣны et qui me charge de bien des choses pour vous. Съ Демидовымъ я пріятель; доброй малой, велѣлъ сказать батюшкѣ, что на всѣ его предложенія соглашается, не зная даже, въ чемъ оныя состоятъ; желательно было, чтобъ батюшка скорѣе меня уполномочилъ трактовать то дѣло, а я берусь выходить все то что онъ хочетъ. Écrivez cela tout de suite à papa, car D. reste ici, il paraît, toute l'été. Она сію минуту пріѣхала, и я ея еще не видалъ. Балкша будетъ позже.

О Турчаниновой, это правда, что она сущая фурія; я ея самъ не любилъ. Головкина une bonne femme, а на бѣдную Долгорукую, здѣсь бывшую, напечатали въ Миланскихъ газетахъ преехидную сатиру, въ коей между прочимъ обвиняютъ ее за то, что она смѣетъ себя называть публично пріятельницею Неаполитанской королевы, приверженной къ Англіи и пр.; однимъ словомъ, въ этой сатирѣ помѣщено все, что̀ можетъ только кольнуть самолюбіе женщины, что у ней носъ попугая, языкъ сороки, что въ Парижѣ хотѣла держать bureau d'esprit, который обанкрутился par le manque des fonds.

*

Неаполь, 9-го Іюля 1805 г.

На той недѣлѣ, любезный братъ, воротился я изъ Казертской ярмонки, узнавъ, что здѣсь былъ сигналъ двухъ военныхъ кораблей: я не хотѣлъ, чтобъ Татищевъ, пріѣхавъ, можетъ быть, меня не нашелъ, и вышло, что очень хорошо сдѣлалъ. Весь третьягодняшній день *Крыжой* танцовалъ между Капри и Неаполемъ, ибо былъ почти совершенный штиль, а вчера наконецъ фрегатъ до рейды нашей дотащился. Онъ былъ еще далеко отъ порта, когда я поѣхалъ на встрѣчу Дмитрію Павловичу, но какъ тотчасъ прибылъ и Карповъ, то я съ нимъ много говорить не могъ. Онъ вбѣжалъ тотчасъ въ каюту, вынесъ указъ о прибавкѣ мнѣ жалованья и самъ оный прочелъ. Опъ въ карантинѣ, и мы только подъѣзжать къ нему смѣемъ, что̀ очень безпокойно по причинѣ качки. Сегодня всталъ я пораньше и поѣхалъ къ нему. Узнавъ меня издали, вышелъ онъ въ окошко, и я, держась за корабельную цѣпь, часа

Библиотека "Руниверс"

съ два съ нимъ разговаривалъ путемъ, ибо вчера кромѣ bon jour и adieu ничего не было. Онъ меня такъ обласкалъ, что я не зналъ наконецъ что отвѣчать. Ваше намѣреніе, сказалъ я, есть послать меня скоро курьеромъ? На это онъ отвѣчалъ: Мое намѣреніе? У меня выпудили обѣщаніе это, а я ничего столь не желаю какъ чтобъ вы со мною остались хотя мѣсяца два-три. Потомъ много спрашивалъ о нашихъ здѣшнихъ особахъ, о чужестранныхъ министрахъ, ихъ пребываніи, о образѣ жизни Неапольской, о дворѣ и пр. и пр. Съ перваго разу онъ столь на ласковую ногу себя поставилъ со мною, что я кромѣ хорошаго ничего не предвижу. Далъ мнѣ комиссію людей ему искать, домъ и пр.; взялъ всѣхъ, которыхъ я ему рекомендовалъ. Выйдя изъ карантина (удивительно, что здѣшній дворъ не далъ еще давно приказанія освободить фрегатъ отъ карантины подъ какимъ либо предлогомъ), сойдетъ въ трактиръ Crocella, а тамъ переѣдетъ въ бывшій Скавронской домъ; но вѣроятно, что оный не будетъ для него достаточенъ по малости, и что онъ возметъ другой, о чемъ онъ и мнѣ уже говорилъ, прибавя: je veux vour avoir avec moi.

Ежели вздумается похитителю Франціи и здѣшнимъ королевствомъ завладать, мы куда нибудь да дѣнемся и поѣдемъ ежели не въ Россію, то въ Вѣну. Какъ ты думаешь?

Смерть бѣдной Гагариной *) меня огорчила. Между радостями, которыя думалъ найти въ Россіи, считалъ и на ту: еще разъ ее обнять. Мы какъ бѣшеные другъ друга любили, и я съ нею провелъ здѣсь 8 мѣсяцевъ наиприятнѣйшихъ въ свѣтѣ. Безъ ея малодушія умерла бы она моею. Дай ей Богъ царства небеснаго! Благодарю любезнаго Званцова за приписку; пріятно мнѣ будетъ обнять столь старпинаго пріятеля и товарища.

*

Неаполь, 10 (30) Іюл. 1805 года.

Пишу, чтобъ вывесть тебя изъ заблужденія, если у васъ разнесется слухъ, что мы погибли отъ сильнаго землетрясенія, которое мы ощутили 26-го сего мѣсяца въ 10 часовъ вечера. Бѣды имъ произведенныя чрезмѣрны; всѣ дома, которые не развалились, повреждены. Но столица еще не столько пострадала, сколько окружности, въ Campobasso, Isernia, Avelino etc. страшныя разоренія, и погибло нѣсколько тысячъ душъ. Казертскій славный дворецъ треснулъ, въ Капуѣ завалило цѣлый эскадронъ. Мы всѣ страхъ какъ перепугались. Сидѣли у посольши, какъ вдругъ начали хрустали въ люстрахъ звенѣть, всѣ колокольчики сами собою зазвонили, три потрясенія были отмѣнно сильны. Физикъ Caselli увѣрялъ короля, что если бы продолжилось землетрясеніе еще

*) Это знаменитая княгиня Анна Петровна, ур. княжна Лопухина; она скончалась 25 Апрѣля 1805 года.

Библиотека "Руниверс"

6 секундъ, весь бы Неаполь исчезъ. Вотъ достовѣрное и плачевное извѣстіе; вѣрь только этому, все прочее басни.

Я боялся за посольшу, но она очень хорошо все перенесла; я признаюсь, что меня бросило въ потъ и въ содроганіе, которое не скоро прошло. Что это за чувство, изобразить нельзя; народъ, ходя по улицамъ воетъ, женщины кричатъ безмилосердно, весь городъ еще въ унынін.

*

Неаполь, 1 (13) Августа 1805.

У насъ со дня на день ладнѣе идетъ все. Намедни заболтались мы на балконѣ до полуночи. Спрашивалъ о моей службѣ и удивлялся, что я не болѣе ассессора, прибавя: прошлаго года васъ обоихъ хотѣли произвести, но слишкомъ много передъ вами есть старшихъ; но это не помѣшаетъ намъ выхлопотать при первомъ удобномъ случаѣ чинъ. Je vous promets que cela ne tardera pas à venir, et que nous ne manquerons pas d'occasion и пр. Мы цѣлый день почти неразлучны. Ты знаешь, что Карповъ человѣкъ пречестный, но имѣетъ странный нравъ, и съ нимъ ужиться очень трудно. Д. П. очень его ласкаетъ, когда надоткнется на него, но кажется не пищетъ случаевъ. Политика отмѣнно лѣнивъ и, кажется, veut me laisser maître du champ de bataille, Межаковъ употребляется только для переписыванія набѣло, изъ чего можешь посудить, что большая часть бремени на мнѣ лежитъ, и я теперь удостовѣрился, что съ доброю охотою можно горы ворочать. Въ этой экспедиціи большую часть депешей далъ мнѣ сочинить; это хорошо, но скучно отмѣнно дьявольское шифрованіе и переписываніе. Когда прочелъ я ему проекты двухъ писемъ къ вамъ, прочтя ихъ сказалъ: Славно, сударь; то-то у единороднаго въ Вѣнѣ забьется сердце, когда увидитъ подвиги Неапольской миссіи; теперь прошу тебя переписать, ибо у другихъ завалялся и никогда не поспѣетъ и пр.

Ну, сударь, прошу отгадывать, гдѣ я теперь былъ? Знайте, что въ сію минуту, 10 часовъ вечера, вспыхнулъ Везувій престрашнымъ образомъ. Вся восточная часть неба какъ будто кровью облита, лава менѣе нежели въ часъ дотечетъ безъ сомнѣнія до моря. Что за зрѣлище! Никто не видалъ здѣсь подобной ерюпціи; на улицѣ хоть письма читай. Завтра почта идетъ, я дамъ тебѣ описаніе подробное, а теперь успѣлъ едва намарать пару словъ, покуда печатаютъ пакеты. Порутчикъ Реди остается въ графскомъ распоряженіи, для отправленія сюда обратно. Я тебѣ его рекомендую: бѣдный, но хорошій человѣкъ, служилъ въ старину у насъ и говоритъ по русски. Прошу съ нимъ прислать мнѣ сургучу вашего, который надобенъ и Д. П.; а объ гитарѣ некогда было и по-

Библиотека "Руниверс"

думать, но въ оказіяхъ недостатка не будетъ; между тѣмъ посылаю тебѣ, любезный, струнъ самыхъ лучшихъ запасецъ.

У насъ все береть грозную осанку, и Богъ знаетъ, что будетъ съ нами. Впередъ я тебѣ буду писать лимоннымъ сокомъ иногда, а дабы не заставлять тебя коптить всѣ письма, то знай, что сокомъ будетъ писано только въ тѣхъ, которыя будутъ начинаться словами *любезный братъ*. Ты тоже самое дѣлай въ разсужденіе меня; впрочемъ не буду употреблять это условіе, покуда не получу отъ тебя отвѣта и извѣстія о полученіи сего письма. Эта предосторожность не худа, а я множество имѣю вещей, которыя для тебя крайне интересны, а по почтѣ писать не могу.

*

Неаполь, Августа 1805 года.

Nous étions tous chez l'ambassadrice. Je vois que la c-sse Kaunits me fixe, je lui en demande la raison; elle me dit: pourquoi remuez vous ma chaise? Je n'avais pas ouvert la bouche pour lui répondre, que vient une autre secousse; alors je me lève en criant: c'est un tremblement de terre. Одинъ маркизъ здѣшній, съ нами сидѣвшій, хотѣлъ удерживать, что въѣхала карета на дворъ; но не было никакого сомнѣнія, когда въ люстрѣ, которую качало какъ колыбель, начали звенѣть хрустали, и всѣ колокольчики сами собою зазвонили. Тутъ и маркизъ закричалъ: Dieu! C'est un tremblement de terre terrible. Ah! mon Dieu, dit l'ambassadrice, que faire? Мнѣ первая мысль, которая тотчасъ пришла въ голову, было Лисабонское землетр., отъ котораго срѣзало всѣ дома. Ожидая, что и нашъ провалится, бросилъ я очень непохвально даму и кинулся на улицу, куда также сбѣжалъ съ 3-го этажа Гагаринъ, Беттера и весь трактиръ. Mourir ensemble est un si doux trépas, говоритъ Флоріанъ, но видно ему не случалось быть при землетр. Меня кинуло въ потъ и сдѣлалась тошнота, которая продолжалась два, а въ нервахъ имѣлъ столь непріятное чувствованіе, что не могу тебѣ изобразить. Увидя послѣ посольшу, думалъ, что будетъ меня бранить за то, что ихъ бросилъ и убѣжалъ; но такъ какъ Нѣмки сантиментальны, она меня похвалила, что я въ сію минуту вспомнилъ мою княгиню и тотчасъ къ ней побѣжалъ, et comme cela je me suis fait, sans y songer, un mérite pour une chose qui sûrement était blâmable. Но признаюсь что такая испуга на меня тогда нашла, что кинулся бы вѣрно изъ балкона, ежели бы нашелъ дверь запертою. На лѣстницѣ нашелъ женщину въ обморокѣ, всѣ ее оставили. Татищевъ ей помогъ одинъ, принесу уксусъ и пр. Это тѣмъ прекраснѣе, что это была Француженка, а онъ Русскій министръ. Козловскій тотчасъ бы написалъ стихи. Демидовъ бросилъ костыли, забывъ подагру, и пустился бѣжать. Непонятнымъ сча-

Библиотека "Руниверс"

стіемъ здѣсь убило человѣкъ съ 12 не болѣе, два или три дома провалились, но повреждены почти всѣ безъ изъятія, и нѣтъ сомнѣнія, что ежели бы продолжалось еще секундъ 6, Неаполь бы исчезъ; но слава Создателю, все миновалось, мы всѣ живы, и никому изъ нашихъ ничего не случилось. Gagarin a fort heureusement échappé; car dans la maison de Schitelli, qui est à côté de lui et séparée de sa chambre par une seule muraille, tout est en ruine. Dans la maison de S. Capriola le toit est enfoncé et le 3-me étage très endommagé, также и Скавронской домъ пострадалъ; въ комнатѣ посольши большая также пошлась трещина. Depuis ce jour fatal toutes les plaçes de la ville et la Villa Reale sont remplies des voitures, dans les quelles on a établi des lits pour y dormir pendant toute la nuit, les maisons sont absolument vides; les lazaroni en auraient sûrement profité, si on n'avait mis toute la garnison sous les armes, ils se sont attrouppés devant la cathédrale en criant: Sangue di S. Gennaro esce fuori[1]) lui demandant le miracle. Toute la ville est remplie de processions, de prières, c'est un tintamarre épouvantable. Cette histoire durera encore quelques jours, tant que le peuple ne se tranquillise entièrement; tous les théâtres sont fermés.

Ну братъ, какое мнѣ съ министромъ за житье, какъ мы ладимъ! Нельзя лучше. Онъ ни пылинки отъ меня не скрываетъ, отмѣнно откровенно обходится со мною, и не могу тебѣ описать какъ милостивъ; что бы ни хотѣлъ дѣлать, всегда мнѣ напередъ намекаетъ; дѣла ли, гулянье, пустяки, все пошлите-ка Булгакова! Вчера пришелъ я къ нему въ 7 часовъ вечера, попилъ чаю, потомъ сѣли на балконъ, начали говорить, заболтались до 11 часовъ нечувствительно, а онъ было дома остался, чтобъ многое написать, и принужденъ былъ работать всю ночь.

Полетика [2]) того не показываетъ, но не вѣрю, чтобъ внутренно былъ доволенъ оказываемыми мнѣ Д. П. ласками; впрочемъ его уважаетъ министръ, а онъ мнѣ, сколь могъ примѣтить, кажется человѣкомъ, съ которымъ легко ужиться. Межаковъ все гуляетъ, развѣ когда Карповъ его поймаетъ и заставитъ переписывать. Сей послѣдній здѣсь, я думаю, останется, и Д. П. занимаетъ его разными препорученіями касающимися до здѣшнихъ. Онъ мнѣ пространно говорилъ о выгодѣ здѣсь остаться, прибавя: вы не раскаетесь. И я не сомнѣваюсь, что съ нимъ очень легко я выйду. Ему у двора очень хорошо, и онъ очень запанибрата съ Чарторыскимъ. Сей въ собственноручномъ письмѣ къ Л., который меня ему рекомендовалъ, говоритъ: tout ce que vous me dites du jeune B. lui donne des droits à la confiace de l'Empereur, j'en parlerai à S. M. I.

[1]) Кровь Св. Януарія, покажись!

[2]) Петръ Ивановичъ Полетика, бывшій потомъ посланникомъ въ Америкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Это очень меня порадовало; всѣ сіи по клочкамъ приходящія хорошія рекомендаціи, когда еще прибавится и Татищева, сдѣлаютъ мнѣ добро, по крайней мѣрѣ заставятъ замѣтить и не отказывать первому объ мнѣ представленію.

Всѣ эти дни не выходилъ я со двора, какъ только, чтобы идти къ Дмитрію Павлов. какъ ради дѣла, такъ и по причинѣ опасности на улицахъ: народъ суевѣрный, ни за что ни про что въ ухо свиснетъ. Одну женщину башмашникъ колодкою за мертво положилъ, говоря, что, ходя съ открытою грудью (что проповѣдниками запрещено), женщины раздражали Бога и навлекли землетрясеніе. Они этакъ могутъ подумать, что и соломенная моя шляпа, обшитая черною тафтою, можетъ также навлечь вторичное землетрясеніе. Слуга покорный съ такими чудаками!

Батюшка, говоря о 50 ч., которые намъ давать хочетъ помѣсячно, включаетъ ли тутъ то что намъ идетъ отъ Государя или только свои одни деньги, что составило бы большія богатства? Да притомъ онъ говоритъ: буду намъ давать вмѣсто 40—50, да я 40 никогда не получалъ, а только 25. Пожалуй выведи меня изъ этого недоумѣнія, чтобы я могъ путемъ батюшкѣ отвѣчать, и растолкуй мнѣ новый планъ хорошенько, т. е. вообрази себѣ, что передъ тобою стоитъ князь Александръ Щербатовъ и говоритъ: это смѣшно, какъ можно изъ рублей червонцы дѣлать, и какъ можно вести счетъ съ червонцами, я вѣдь не банкиръ, я почему знаю то, что ни есть, да я знаю и пр.—Каковы же наши Нѣмцы! пойди-ка такъ расшумѣлись, что и не уймешь. Здѣшнихъ грѣшныхъ сильно прижимаютъ общіе враги и заставляютъ кричать *аминь*. Чѣмъ то все это кончится, но приходится терять терпѣніе.

*

Неаполь, (2) 10 Августа 1805.

Вчера отправили мы нашего курьера въ Петербургъ; съ нимъ поѣхалъ также порутчикъ Реди, мнѣ очень знакомый, которому я далъ къ тебѣ письмо и посылку, т. е. гитарныя струны.

Сидимъ мы за работою и очень торопимся, ибо Д. П. хотѣлъ непремѣнно, чтобы курьеръ уѣхалъ къ вечеру; вдругъ поднялся шумъ, всѣ бѣгутъ, народъ кричитъ, спрашиваемъ что сдѣлалось, il Vesuvio butta fuoco, закричали намъ множество голосовъ. Услыша сіи слова заперлась канцелярія, и всѣ бросились на уголъ улицы, откуда виденъ Везувій. Какая картина представилась нашимъ глазамъ! Прошедшая ерюпція ничего въ сравненіи сей. Лава съ вышины кратера до моря (т. е. мили $3^1/_2$) протекла минутъ въ 50. Я бы никогда не повѣрилъ, что огонь можетъ въ самой водѣ горѣть и довольно долго. Татищеву

Библиотека "Руниверс"

безпокоиться было не за чѣмъ, ибо писавши изъ своего кабинета видить Везувій нельзя лучше во всемъ его пространствѣ. Какъ это для меня не новое, то я тотчасъ воротился въ канцелярію и, покуда тѣ разинувъ ротъ смотрѣли, я написалъ тебѣ письмецо, которое тебѣ вручено будетъ порутчикомъ Реди. Д. П. тотчасъ подписалъ бумаги и поѣхалъ съ Кауницомъ, Гагариным и Коллоредо смотрѣть вблизи лаву; сегодня я у него былъ, и онъ восхищенъ тѣмъ, что видѣлъ.

Что мнѣ дѣлать съ Дондуковымъ? Я былъ довольно глупъ, взявъ переслать ему женины брилліянты; чортъ знаетъ, гдѣ они теперь возятся, а между тѣмъ мнѣ бѣда, ежели украдутъ ихъ какъ нибудь. Пожалуй, другъ мой, напиши Бароцію, ежели они будутъ въ Венеціи, чтобы онъ имъ сказалъ, что ежели не напишутъ мнѣ тотчасъ кому или какому банкиру ихъ вручить, я ни за что отвѣтствовать не буду. Я имъ не братъ и не пріятель, чуть въ глаза знаю, не памѣренъ лелеять ихъ пожитки. Ежели въ Вѣну будутъ, скажи имъ это самъ, и вообще старайся развѣдывать, гдѣ они обрѣтаются. Балкинѣ шаль доставлена.

*

Неаполь, (8) 20 Августа 1805 г.

Императоръ прислалъ съ курьеромъ, который привезъ мнѣ письмо твое, прекрасную золотую табакерку, обсыпанную брилліантами, Карпову, и велѣно ему дать кромѣ жалованья 1200 ч. пенсіи. Какъ меня это обрадовало! Давно заслуживалъ это бѣдный нашъ Карповъ.

*

Неаполь, (22 Августа) 3 Сентября 1805 г.

Я былъ увѣренъ напередъ, что слухи о землетрясеніи дойдутъ до васъ чрезмѣрно увеличены. Сіе побудило меня два письма къ тебѣ писать для большей вѣрности; одно послано по почтѣ, другое черезъ курьера; вижу съ удовольствіемъ, что оба до тебя дошли. Но что меня очень тронуло и обрадовало, это поступокъ посла. Я посольшѣ прочелъ этотъ пассажъ; она была въ восхищеніи и довольна, что ты признаешь такъ ласки ея мужа, о чемъ вѣрно ему писать будетъ. Она велѣла тебѣ сказать: puisque ainsi est, quand je reverrai votre frère, il me trouvera un abord froid. Она живетъ съ королевою въ Castellamare, и тамошній воздухъ примѣтно возстановилъ ея здоровье: стала пополнѣе, и локотки начинаютъ становиться покругловатѣе. Мѣсто ею обитаемое называется Quisisana, чего лучше? Въ добавокъ реляціи моей о землятрясеніи прилагаю у сего экстрактъ съ рапорта поданаго оберполицемейстеромъ королю. Ну, что за суматоха! Какъ вспомню, такъ по кожѣ подираетъ. Бѣдному Неаполю досталось: нѣтъ дома безъ по-

Библиотека "Руниверс"

чинокъ. Полно о семъ, да притомъ Реди можетъ тебѣ разсказать все подробнѣе; а я тебѣ его рекомендую. Когда возвратите его намъ, не забудь сургучу прислать, въ коемъ терпимъ нужду. Ну, братъ, что за лады у меня съ Татищевымъ и какъ онъ меня любитъ! Ты говоришь: грѣй желѣзо, а мнѣ кажется, что согрѣлъ да и сковалъ уже. Я былъ не здоровъ на той недѣли: изволилъ дѣтиночка обкушаться. Услыша это къ вечеру отъ княгини (а я у него обѣдалъ въ тотъ день), которая просила его заставить меня взять лѣкарство, онъ ей это обѣщалъ, прибавя, что любитъ меня какъ брата. Можно ли большее сдѣлать увѣреніе? Для меня оно кажется превыше всѣхъ, и я сколько бы ни жилъ, не буду въ случаѣ оное употребить. На другой день подлинно ко мнѣ пришелъ и просидѣлъ часа съ два.

*

Неаполь, 10 Сентября 1805 г.

Третьяго дня было ежегодное великое торжество Piè di Grotto, т. е. что дворъ въ великой процессіи идетъ къ гротѣ Позилипской прикладываться къ мадоннѣ. Вся армія въ парадѣ, подъ оружіемъ, всѣ смотрѣли это у Эллиота, а я обѣдалъ у милой посольши en tête-à-tête. Ея окошки низки, и мы все отмѣнно хорошо видѣли. Была бѣдная печальна, на глазахъ ея можно было читать: вотъ тысячъ семь войска, но настоящаго-то героя, героя моего сердца, нѣтъ. Она мнѣ сказала, что послу написала слово въ слово все то, что ты объ немъ мнѣ говорилъ, и что онъ вѣрно очень будетъ доволенъ видѣть, сколь ты признателенъ. Все у насъ покойно и благополучно, но каналья Везувій все еще шалитъ: теперь течетъ рѣчка сѣрная позади горы; говорятъ, что прекрасно видѣть двѣ сіи полосы, т. е. красную огненную лавы и желтую сѣры. А мнѣ эти прелести начинаютъ быть равнодушны; лучше посмотрѣлъ бы на Грабенъ, на острую Свято-Стефанскую мечеть, вмѣсто круглыхъ изъ лавы табакерокъ. Хоть посмотрѣть бы на круглыя пуговки старушки, къ которой я съ Гришею такъ часто бѣгалъ!

Въ Піедигротской праздникъ былъ передъ Villa Reale цѣлый флотъ, который также много придавалъ торжества. Матросы были по рейдамъ, множество флаговъ украшали мачты, были тутъ два Аглинскіе корабля, нашъ большой фрегатъ, корветъ и много Неапольскихъ. Но жаль, что запрещено было стрѣлять, такъ какъ обыкновенно; ибо боялись, что всѣ сіи пушечные выстрѣлы могли бы повалить дома поврежденные отъ землетрясенія.

*

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, (5) 17 Сентября 1805 г.

Встаю ранехонько, любезный братъ, чтобъ успѣть что нибудь тебѣ написать съ капитаномъ Петромъ Егоровичемъ Александромъ, котораго Дмитрій Павловичъ отправляетъ къ вамъ курьеромъ съ великою поспѣшностію. Хотя онъ у васъ останется не больше дня (ибо Татищевъ проситъ посла немедленно сюда возвратить Александра, а депеши наши послать въ Петербургъ съ кѣмъ-либо изъ васъ), но все-таки рекомендую Александра: человѣкъ примѣрный и достойный. Съ горстью Русскихъ защищалъ онъ здѣсь Портичи противъ нѣсколько тысячъ лазароновъ, Якобинцевъ и Французовъ и разбилъ генерала Шкипану; за это данъ ему Аннинской крестъ и отъ здѣшняго двора орденъ *Св. Константина.*

Вчера была у меня баталія съ Карповымъ, который, какъ ни честный человѣкъ, но изъ такова сдѣланъ тѣста, что ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ съ нимъ сжиться не можетъ, и надобно было мое терпѣніе и кротость, чтобъ такъ долго ладить съ такимъ начальникомъ. Вчера печаталъ я экспедицію въ Корфу; вдругъ пришелъ, спрашиваетъ, что̀ вы печатаете? Письмы въ Корфу. Да какъ это? Я не видалъ, что̀ написано и какъ запечатано, да зачѣмъ же я секретарь посольства и пр? Я отвѣчалъ ему, что не было бы ничего легче быть секретаремъ посольства, ежели бы должность состояла въ печати пакетовъ. Взявъ письмо и оторвалъ конвертъ и отдалъ ему: вотъ извольте смотрѣть, читать, свидѣтельствовать и печатать. Такъ и ушелъ. Онъ, все слѣдя за мною, спрашиваетъ: да кто же запечатаетъ? Я отвѣчалъ, да вы сами сказали что это дѣло секретаря посольства; я васъ увѣряю, что письмы не пойдутъ. Ну вамъ придется дать отчетъ. И такъ я ушелъ. Не повѣришь, что нѣтъ человѣка здѣсь, съ кѣмъ бы онъ не перебранился; такая желѣзная голова, да притомъ такова спорщика свѣтъ не производилъ. Скажи бѣлое, онъ черное, всегда противное; не удивительно, что не умѣлъ себѣ во всю жизнь нажить друзей, а тьму непріятелей. Для меня Богъ съ нимъ. Я вѣрно болѣе всѣхъ здѣсь ему желаю добра, но попрошу Д. П. избавить меня отъ его команды. Мнѣ кажется, что ему не очень пріятно мое первенство у министра, который всѣ дѣла даетъ мнѣ и Полетикѣ; ибо у Карпова слогъ претугой, неплавный и старинный, а его должность совершенно почти только печатать и отправлять пакеты.

Безъ всякаго порядка стану тебѣ теперь разсказывать пиршество наше на корветѣ нашей *Аѳинѣ*, прибывшей недавно сюда изъ Корфы. Капитанъ ея И. А. Баскаковъ позвалъ насъ 12-го къ себѣ на корабль

Библиотека "Руниверс"

завтракать; этотъ завтракъ вышелъ большой обѣдъ, на которомъ всѣ перепились. Былъ тутъ Д. П. Гагаринъ, я, Кауницъ, Карповъ (который подрался съ Николушкой, но все ладно кончилось, и не имѣло бы мѣста, ежели бы не забрало обоихъ) и многіе другіе наши пріятели и офицеры флотскіе. Пили здоровье всего на свѣтѣ, и всякій разъ пушечный залпъ препровождалъ toast. Послѣ обѣда Кауницъ, желая показаться, попросилъ еще вина, взялъ большой стаканъ Шампанскаго, вытянулъ и кинулъ стаканъ въ море; всѣ этому захлопали. Капитанъ съ нашего фрегата *Кутайсова* вдругъ всталъ: Да что, говоритъ онъ, это Нѣмецкая штука; вотъ какъ Русскіе дѣлаютъ! Сказавъ это, вытянулъ туже порцію, да вмѣсто стакана самъ какъ былъ изъ окошка кинулся въ море. Это Кауница удивило. Diable, dit-il; il faut qu'il soit bon plongeur et qu'il sache nager. Лейтенантъ Папа-Егоровъ вскипѣлъ. — Что вы говорите nager? Да я сроду не умѣлъ nager, да вотъ! Сказавъ это, выпилъ свою долю, также бухнулся въ море, и будучи толстъ насилу пролѣзъ въ окно каюты; ежели бы его тотчасъ не вытащили, вѣрно бы утонулъ. Тутъ Кауницъ пришелъ въ восхищеніе. Да и подлинно, что за народъ Русской! Когда, изъ пустяка и бездѣльной амбиціи рискуетъ жизнію своею, что онъ долженъ быть, когда дѣло идетъ о пользѣ государства и о чести націи? Право нѣтъ другого народа, и Кауницъ отъ экстаза плакалъ; не повѣришь, какъ смѣшонъ! Настоящій шустеръ, когда пьянъ. Ну кто молодецъ, закричалъ Д. П., лѣзь на мачту! Гагаринъ и я тотчасъ кинулись и полѣзли на самый верхъ; но голова страхъ какъ кружилась отъ высоты и вина, да и колѣнки дрожали. Однакожъ я всѣхъ менѣе подпилъ; только цѣлый день были на корветѣ и очень весело провели. Ввечеру начали мы между собою танцовать, тутъ сдѣлалось несчастіе: лейтенантъ Мордвиновъ, вальсируя съ Д. П., упалъ и переломилъ себѣ ребро. Одинъ лѣкарь увѣряетъ, что нѣтъ ничего переломленнаго, но между тѣмъ больной не можетъ безъ боли поворотить глазъ. Гагаринъ очень жалѣлъ, что не было тутъ Анстета, qui est sûrement le meilleur compagnon du monde. Въ именины Д. П. будутъ на фрегатѣ обѣдъ, балъ и ужинъ; но я сдѣлаюсь больнымъ наканунѣ: слуга покорный, можетъ и со мною сдѣлаться бѣда, а прибыль не стоитъ несчастія.

*

Неаполь, 1-го Октября 1805 г.

Сію минуту отправился въ Вѣну императрицинъ камердинеръ, съ коимъ Д. П. много писалъ и послалъ графу, и я также къ тебѣ писалъ пространно, но со всѣмъ тѣмъ, любезный братъ, не хочу не сказать тебѣ на всякой случай два слова и черезъ почту. Писемъ отъ тебя по этой почтѣ не имѣлъ. Все у насъ здорово и идетъ хорошо. Д. П. те-

Библиотека "Руниверс"

перь отъ меня вышелъ и велѣлъ тебѣ кланяться, да просить тебя Христомъ Богомъ прислать скорѣе *Perduto l'Arbitro.*

Козловской съ своимъ болтаніемъ надѣлалъ себѣ бѣды, и я знаю, что на него пишутъ графу жалобы; но боюсь, что сдѣлали слона изъ мухи; впрочемъ будетъ наука для него, а намъ это хорошіе примѣры безъ убытку.

Сегодня Д. П. сказалъ мнѣ подъ большимъ секретомъ, что онъ, вѣроятно, будетъ имѣть Лондонскую миссію, почти ему обѣщанную, когда Воронцовъ оставитъ службу; а ты знаешь, что онъ*) только еще годъ тамъ согласился остаться. И такъ мнѣ можетъ быть придется въ Лондонъ ѣхать, ежели не будетъ помѣхи отъ батюшки, ибо тамъ дорого жить, и не знаю, возможно ли будетъ жить, ежели папуша или казна не прибавятъ жалованья.

Полетика какъ-то отсталъ отъ Д. П., который также къ нему, мнѣ кажется, охолодѣлъ; въ противномъ случаѣ не могъ бы рѣшиться отдать его Лассію, у коего правитъ онъ всѣми дѣлами и перепискою. Полетика очень со мною откровененъ, и я съ нимъ autant qu'il le faut. Говоритъ мнѣ, что раскаивается, что оставилъ Петербургъ, куда ѣхать хочетъ первый разъ, что̀ представится случай къ тому. Ежели такъ, то удастся мнѣ тяпнуть секретарское мѣсто.

Демидовъ все еще въ Римѣ, увѣряя, что скоро можно будетъ Русскимъ ѣхать въ Парижъ; я бы желалъ, чтобы попало ихъ туда тысячъ сто да со пятыками вмѣсто кошельковъ съ деньгами, выработанными потомъ нашихъ добрыхъ мужиковъ, кои проматываются безъ пользы

Наше маленькое общество всякій день обѣдаетъ у Д. П., у котораго славный столъ. Вѣнскаго повара онъ сослалъ; рѣдкаго въ немъ ничего не было, а кралъ безмилосердно.

Изъ Корфы прибылъ нашъ шкиперъ *Експедиціонъ*, и на немъ курьеръ къ намъ изъ Петербурга асессоръ Вейдемейеръ, котораго Д. П. удержитъ въ канцеляріи своей до пріѣзда Пиніи; будетъ кому переписывать по крайней мѣрѣ.

*

*) Т. е. графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, близкій родственникъ Д. П. Татищева, бывшій посломъ въ Лондонѣ съ 1785 года и вышедшій въ отставку въ 1806 году, по кончинѣ смерти брата своего, канцлера (ум. Дек. 1805).

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, (7) 19 Октября 1805 г.

Вообрази, что мы ни слова не знаемъ о генералахъ командующихъ нашими войсками. Сдѣлай милость напиши ихъ имена, по крайней мѣрѣ главныхъ. Д. П. съ большимъ любопытствомъ принялъ то, что ты пишешь о Родофиникинѣ и прочихъ и проситъ тебя кушно со мною и со всѣми не лѣниться и писать все, что можешь только узнать объ нашихъ *публичнаго*? Ты чрезмѣрно меня одолжишь, и я надѣюсь, что не откажешь мнѣ это удовольствіе по всякой почтѣ. Пиши о всѣхъ проѣзжающихъ чрезъ Вѣну, объ успѣхахъ соединенныхъ армій, словомъ Pilnuy, panie, o nas, bendziemy wdzieczny iego mosci za wszystko *).

Сегодня пришелъ я къ Д. П., нашелъ его окутаннаго въ волтерскихъ креслахъ, больного горломъ и съ жаромъ. Цѣлый день у него былъ, къ вечеру побѣжалъ на минуту въ театръ къ княгинѣ, посидѣлъ съ нею и воротился къ больному. Говорили, разсуждали; спорщикъ Беттера насъ замучилъ, и мы сѣли, Д. П., Карповъ, Беттера и я, играть въ бостонъ. Ну тутъ-то надобно было видѣть войну между Карповымъ и Беттерою, qui est un peu intéressé en jouant. Я вспомнилъ стихи:

Non son Turco, ni Ebreo,
Son'un povero Ragusco.

впрочемъ доброй, милой и любитъ Русскихъ. Боюсь я очень, что какъ заварится въ Италіи каша, Французы будутъ останавливать всѣ посты, и тогда не знаю, какъ намъ переписываться, что не мало меня тревожитъ. Впрочемъ это не долго продолжится, надѣюсь; ибо Д. П. беретъ уже свои мѣры, дабы завести порядочную и безопасную коммуникацію съ Вѣною посредствомъ пакетботовъ, которые будутъ уже скоро готовы для перевозки пакетовъ нашихъ изъ Барлеты въ Зару, а оттуда черезъ Тріестъ къ вамъ, или изъ Манфредоніи прямо въ Тріестъ. Тогда нечего намъ будетъ бояться; но покуда заведется все, это пройдетъ довольно времени.

*

Неаполь, 12-го Ноября 1805 г.

Здѣшнему почтовому повѣренному въ Римѣ г-ну Рашету предписано брать всѣ мѣры для доставленій сюда Вѣнской, а вамъ Неаполской почтъ, что не будетъ теперь трудно черезъ Анкону, которая Французами оставлена. Сіи господа совсѣмъ вышли теперь изъ Неаполскихъ областей и страшно спѣшатъ соединиться съ Масеною, который, видно, эрцгерцогомъ Карломъ побитъ. Мы здѣсь совершенно какъ въ Сибири: только тѣ вѣсти имѣемъ, которыя угодно Французамъ намъ давать. По ихъ сказкамъ вся Австрійская армія уже истреблена, и

*) Постарайся, панъ, о насъ; будемъ за все благодарны твоей милости.

Библиотека "Руниверс"

намъ грозятъ тѣмъ же. Пожалуй, давай намъ вѣсти и пользуйся всѣми случаями, чтобы писать сюда, почты не пропускай; я не вижу, зачѣмъ имъ до насъ не доходить, какъ скоро будутъ отправляемы моремъ въ Анкону или Менфредонію. Не забудь прислать арію Perdutto l'Arbitro etc. для Дмит. Павл. Я съ нимъ всякой день короче; онъ безцѣнный человѣкъ!

*

Неаполь, 14-го Ноября 1805 г.

Насилу-то рѣшился ты дать намъ нѣкоторыя новости. Скромность твоя конечно похвальна; но нѣтъ, мнѣ кажется, никакого зла сообщать вѣсти, которыя происходятъ на бѣломъ свѣтѣ, которыя печатаются и публикуются: я говорю о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя не зачѣмъ въ секретѣ держать. По сему надѣюсь, что ты и впередъ будешь давать намъ новости и присылать интересные булетины. Послѣдній тобою присланный, хотя и стараго числа, былъ намъ полезенъ: мы сравнили числа съ Миланскими и прочими Итальянскими газетами, Французамъ преданными, и нашли большія разницы и противорѣчія. Такъ-то обманываютъ насъ здѣсь грѣшныхъ. Стишки an Russland's Truppen очень хороши.

То-то будетъ радостей въ Вѣнѣ, когда пріѣдетъ нашъ Государь. Нѣмцы добры, а обхожденіе ласковое нашего ангела пристраститъ къ нему весь народъ; ты увидишь, что Нѣмцы будутъ внѣ себя, и радость ихъ будетъ доходить до сумасшествія. Когда будетъ наша Долгорукая у васъ, кланяйся ей много отъ меня, ея сынъ милый и скромный малый *), а она меня изволила жаловать и любить.

Нельсонъ разбилъ почти въ прахъ Фран.-Гишп. флотъ, который имѣлъ глупость выйти изъ Кадикса. Изъ 33 кораблей только 11 спаслись, всѣ прочія взяты или взорваны на воздухъ Англичанами. Вилленёвъ убитъ, а Гравина ранили въ руку; число умершихъ съ трехъ сторонъ считаютъ до 24 тысячъ; страшно, но за то прощай флотъ Французскій! Нельсона потеря очень незначуща въ сравненія. Это привезъ Гишпанскій курьеръ; но надобно видѣть, что̀ дастъ намъ знать самъ Нельсонъ, который можетъ быть и 11 судамъ не далъ спастись. Теперь бы намъ должно также хорошо поколотить этихъ собачьихъ сыновъ.

*

*) Это князь Николай Васильевичъ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ и оберъ-шенкъ. Его Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1892 года.

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 19-го Ноября 1805 г.

Флотъ и войско наше у насъ въ виду въ Неапольскомъ заливѣ. Картина безподобная видѣть кораблей 100. Сегодня имянины посольши, всѣ обѣдали у Кауница, королева надарила имяниницѣ пропасть бриллiантовъ, серьги, медалiонъ съ портретомъ, султанъ etc., et tout est riche et beau. Я ей далъ перстенекъ съ мозайкомъ. Прощай, весь городъ въ радости, кромѣ шельмей, преданныхъ Французамъ.

*

Неаполь, 22 Декабря 1805 г.

Кардиналъ Фешъ разъсѣялъ слухъ въ Римѣ, что взяли у насъ 25 т. плѣнныхъ, 15 т. убыли и 20 генераловъ также взяли еще, что 3 дня послѣ заключено перемирiе между нами и Французами. Мы не можемъ рѣшиться вѣрить подобнымъ несчастiямъ.

Наши всѣ ушли въ походъ къ границамъ. Дамасова генералъ-квартира въ Chieti, Лассiя въ Теано, а Кретова [1]) въ Lessi. У насъ все, слава Богу, идетъ хорошо; все спокойно, только тревожатъ насъ слухи, идущiе отъ васъ. Ради Бога, побейте дiявола Бонапарта, а то онъ съѣстъ всѣхъ. Кремская побѣда насъ ожившотворила. Дай Боже, чтобы скоро было опять такое же извѣстiе.

*

Неаполь, (9) 21 Декабря 1805.

Съ утра до вечера сидѣлъ я за переписною ратификацiи нашего трактата. Скучная работа, требуетъ всякой осторожности, на пергаментѣ: что̀ соврешь, такъ ужъ не скобли, а переписывай снова. Д. П. сказалъ, что мнѣ данъ будетъ особенной подарокъ отъ здѣшняго двора. То-то взбѣсится Карповъ, коему даже и червонныхъ мало достанется. Насъ обидѣли; ибо князь [2]) пишетъ прислать въ его канцелярiю половину суммы, нашей канцелярiи опредѣленной. Pazienza!

У Карпова была съ Беттерою сцена, которую тебѣ перескажу, не имѣя ничего иного писать. Comme on a parlé français, je vais vous raconter dans cette langue, comment l'affaire s'est passée. On parlait de plusieures choses à table. Il y avait Kaunitz et sa femme, Nicolas et beaucoup d'autres. On mit le chapitre sur Luchesini [3]), et la conversation devint générale. Pozzo dit qu'en présentant à Bonaparte ses lettres de créance, il le harangua en italien pour lui faire sa cour. Je remarquai

[1]) Генералъ Кретовъ, отличившiйся въ послѣдующiя наши войны.

[2]) Т. е. князь Чарторыскiй, тогда, за отъѣздомъ въ деревню графа А. Р. Воронцова, вѣдавшiй наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

[3]) Прусскiй посланникъ въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

que c'était assez gauche de sa part. Pourquoi? demanda Karpow. Parcequ'il rappellait à Bonaparte, dis-je, qu'il était, et aux Français qu'ils avaient un étranger pour maître. Plusieurs personnes me soutiennent. Карповъ разгорячился и говоритъ: Je ne vois rien de gauche dans cela, chacun voit les choses à sa manière. Qui sait dans quel dessein Luchezini a parlé italien à Bonaparte? Bettera alors pris la parole et dit: Mais, m-r K, vous n'avez qu'à suivre Luchesini dans sa conduite à Paris; les bassesses dont il s'est couvert sont une preuve qu'il n'avait jamais voulu braver B-te. Tout le monde ajouta: mais sûrement. K, dominé par son esprit de contradiction, eut de la peine à se contenir; mais le ministre ayant adroitement détourné la conversation, on n'en parla plus. Apres dîné K., ne pouvant digérer d'avoir été réduit au silence, remet le discours sur Luchesini, voulant à outrance prouver qu'il a raison. Bettera s'approchant de lui pour lui parler, lorsque K. lui dit avec humeur: Ah! cela n'est pas à votre portée, laissez en juger ceux qui peuvent le faire, Bettera se fâcha et répondit: Je crois que cela n'est pas à votre portée, puisque vous ne pouvez pas conçevoir une chose sur laquelle tout le monde est d'accord. Тутъ Карповъ пришелъ внѣ себя. Il n'est pas très grand orateur en général et quand il se fâche, l'éloquence et même la parole lui manquent. Il se frotta les mains et balbutia à Bettera avec un regard foudroyant: Vous m'avez compris?—Non, m-r, dit l'autre, je ne comprend pas les pantomimes; parlez moi, et je vous répondrai. К. замолчалъ, и тѣмъ все кончилось.

Пріѣхалъ изъ Гаеты Лизакевичъ, съ нимъ толстый Козловскій, который все такой же болтунъ и запачканой. Все меня комплементами потчиваетъ. Говоритъ, что имѣю un' aria imponente, что обращеніе мое важно и подобныя глупости. Д. П., узнавъ, что онъ не пришелъ къ нему обѣдать, не будучи званъ, велѣлъ къ нему послать печатный биллетъ, звать его обѣдать завтра. Съ Лизакевичемъ жена, Санковская (которую... Португальской повѣренной въ дѣлахъ при королѣ Сардинскомъ) и множество дѣтей.

Я тебѣ не хочу говорить объ Аустерлицкой баталіи, которая поставила здѣсь всѣ умы въ верхъ. Но какъ вѣрить всему, что̀ Французскіе булетины намъ разказываютъ? Покуда свѣтъ будетъ свѣтомъ, подобнаго несчастія наше войско не увидитъ; мы ждемъ съ великимъ нетерпѣніемъ курьера отъ графа. Я тебя увѣряю, что питаю внутренно достовѣрность, что все почти ложь; но здѣсь всѣ, даже и наши, вѣрятъ публикованному Французами.

Разсуди, что Карповъ былъ сегодня у Дм. Пав., жаловаться на Беттеру. J'espère, dit-il, que v. e. ne voudra pas me mettre au niveau d'un

Библиотека "Руниверс"

petit marchand de Raguse. Le ministre lui refusa nette d'entrer dans cette affaire, d'autant plus que K. avait complettement tort, en disant une impertinence et devait attendre qu'on lui en dira aussi. Sa prétention était que Bettera eût la tête lavée etc. C'est comme un enfant qui se plaint à sa maman. Самъ развѣ бы не могъ раздѣлаться съ Беттерою? Получа отказъ, Карповъ вышелъ отъ Д. П. взбѣшенъ; мы думали, что полегитъ прямо къ сопернику, но ничего не бывало: онъ съ нимъ сегодня провелъ вечеръ очень спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Есть ли толкъ въ его поведеніи?

1806-й годъ.

1-го Генваря.

Я теперь одинъ бьюсь какъ собака, ибо Карповъ пересталъ ходить къ Д. П. и мало по-малу посылаетъ мнѣ бумаги, которыя у него. Какой чудакъ, и что онъ этимъ выиграетъ? Боголюбовъ, долженъ будучи ѣхать къ нашимъ въ армію, просилъ Карпова достать ему подорожную; онъ ему отвѣчалъ съ сердцемъ: adressez vous au secrétaire d'état (говоря обо мнѣ); moi je ne me mets de rien.

Новый годъ начинается довольно грустно. Со всѣхъ сторонъ печальныя вѣсти; сказываютъ, что идутъ сюда Французы. Но ежели ихъ не болѣе какъ 30 т., то напрасно трудятся. Между тѣмъ все это меня нѣсколько безпокоитъ. Дворъ перепугался и послалъ трактовать съ С.-Сиромъ въ Римѣ. Увидимъ, удастся ли негоціація, препорученная кардиналу Руффо; а не то придется бѣжать въ Сицилію. Прерываю сіи печальныя мысли, чтобъ сказать тебѣ, что я перешелъ жить въ домъ къ Д. П. Карповъ хотѣлъ нанять сіи покои, но послѣ ссоры бросилъ, и я ихъ тотчасъ взялъ на годъ за 250 дукатовъ съ мебелями, которыя мнѣ принадлежать будутъ и стоятъ конечно 150 дукатовъ. И я и Д. П. оба очень рады. Имѣю пять прекрасныхъ комнатъ съ видомъ на море, городъ и пр., одна даже стоитъ пуста и къ твоимъ услугамъ, ежели пріѣдешь, чего однакожъ теперь не желаю, искренно говоря. Собирался къ тебѣ много писать, но не тутъ-то: княгиня прислала за мною. Чувствую, что найду ее печальною, по слухамъ, которые носятся; жаль мнѣ будетъ ее оставить; но какъ быть? Могу жить съ нею въ разлукѣ, когда не вижу и любезныхъ родныхъ.

*

4-го Генваря

Сей радостный для меня день, противъ всякаго чаянія, получилъ я чрезъ почту письмо твое изъ Ольмица отъ 27 Ноября; хотя и старо, но очень меня обрадовало послѣ долгой о тебѣ неизвѣстности. Сколько бы оно было пріятно намъ всѣмъ, дойдя въ свое время, ибо заключаетъ

Библиотека "Руниверс"

утѣшительныя вѣсти; но какъ быть? Получаю оное болѣе мѣсяца позже. Patience! Стану отвѣчать. Въ пустую мою комнату пустилъ я жить Берепса, а то онъ бѣдной въ трактирѣ проживался. Онъ мнѣ кажется добрый малый и не глупъ. По вечерамъ спжу часто съ нимъ и разговариваемъ о Россіи, Вѣнѣ и пр. Картина твоя о Вѣнѣ жалка и тѣмъ болѣе, что я къ Вѣнѣ очень привержепъ. Повѣрю, какая должна была быть сумотоха въ городѣ. Слава Богу, что ты храбро перенесъ твои куріерскія поѣздки и, хотя не спалъ и бился, не занемогъ. Мы куріеровъ отъ васъ ждемъ какъ ангеловъ; но я боюсь все, что забудете объ насъ, и мы не знаемъ, радоваться ли или печалиться. Ай да Багратіонъ! Вообрази, что мы объ этомъ ничего по сіе время не знаемъ. Пиши чаще подобныя вѣсточки. Нашъ же Лассій (entre nous)... хочетъ убраться отсюда какъ нибудь. Держалъ совѣтъ. Англичане ему вскружили голову отсюда ѣхать. Богъ знаетъ что тогда съ нами будетъ. Одна надежда и была на нашихъ.

Король нашъ показываетъ много духу, хочетъ самъ взять команду арміи своей, ежели бы мы ушли, и Дамасъ ручается, что солдаты его будутъ хорошо драться и хочетъ собою жертвовать. Армія сильно и поспѣшно умножается. Но къ чему все это поможетъ? Ваши меракіе Нѣмцы все подгадили; теперь Бонапарте всѣ свои силы можетъ обратить сюда, и все можетъ быть потеряно. Бѣдная посольша похожа на мертвую, жалка. Боится лишиться навѣкъ Дамаса, оплакиваетъ несчастіе своего отечества, хлопоты, потери графа, печаль королевы etc. Tout cela n'est pas peu de chose. Dieu veillera sur nous, и все надѣюсь какъ нибудь да уладится, между тѣмъ Лассій покрываетъ наши войска стыдомъ. Правду говорили бат.*), что онъ пустой человѣкъ. Хочешь посмѣяться. Послушай, какъ онъ принялъ протчихъ генераловъ по пріѣздѣ ихъ изъ Корфы. Первыя рѣчи, которыя имъ сказалъ, не сказавъ даже здравствуй: «Ну, господа, смотрите, берегитесь дѣвокъ; вотъ Полетика не можетъ избавиться...» Похоже ли это на дѣло, и можно ли компрометировать такъ бѣднаго Полетику? Другой кудесникъ Карповъ образумился и наконецъ явился къ министру, который такъ добръ, что принялъ его какъ будто ни въ чемъ не бывало, но Беттеру противъ прежняго ласкаетъ при немъ.

*

14-го Генваря.

Король подарилъ мнѣ перстень брилліантовый, преславный, въ 1000 дукатовъ, а у насъ стоитъ болѣе 2000; кромѣ того досталось мнѣ 350 дукатовъ. Всѣмъ этимъ обязанъ я не кому иному какъ любез-

*) Т. е. Якову Ивановичу Булгакову, который вѣроятно зналъ Лассія по его службѣ въ Вильнѣ или Варшавѣ.

Библиотека "Руниверс"

ному Д. П.: это вѣрно по его просьбѣ. Къ намъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ Шепелевъ, изъ Аустерлица; теперь узнали мы, какъ происходила баталія. Но что̀ прибыли? Наши ретируются, и Лассію прислано повелѣніе оставить Неапольское королевство. Я боюсь и думать о слѣдствіяхъ, которыя навлечетъ отзывъ войскъ нашихъ. Теперь-то будетъ каша: Французы придутъ, хотя бы и не имѣли то на умѣ, коль скоро узнаютъ, что мы ушли отсюда.

Батюшкѣ пишу чрезъ Пв. Ал. Алексѣева, коего женѣ посылаю въ подарокъ гребень. Ежели вы въ хлопотахъ, то не думайте, что намъ лутче. Теперь въ городѣ страшная суматоха: Французы не далеко отъ Неапольскихъ границъ. Король велѣлъ, чтобы все было готово сѣсть на корабль и ѣхать въ Палерму. Королева, принцъ наслѣдный и вся фамилія еще остаются и не уѣдутъ какъ при послѣдней крайности. Надобно думать, что успѣютъ его отговорить отъ сего несчастнаго намѣренія, ибо Французы скажутъ какъ въ первой разъ: мы короля не прогнали, онъ самопроизвольно уѣхалъ, васъ бросилъ, мы пришли вамъ покровительствовать etc. etc Лассн уже въ Баѣ, и почти всѣ наши войска посажены на суда. Богъ знаетъ что̀ съ нами будетъ. Въ Палерму ли поѣдемъ или въ Россію? Дай Богъ послѣднее, ибо Сицилія или Сибирь все равно: оттуда плохо придется переписываться намъ. Все это очень меня опечаливаетъ. Кто могъ предвидѣть такую перемѣну и хлопоты? На несчастіе наше Д. П. занемогъ и лежитъ въ постелѣ. Онъ очень встревоженъ; кажется, будто для того пріѣхалъ въ Неаполь, чтобы потерять королевство. Между нами сказано, это все бы не случилось, ежели бы наши не бухнули сюда. Король привлекъ симъ на себя ненависть Бонапарта, а въ ту минуту, когда королевство въ опасности, Лассн садится на суда, и дай Богъ ноги! Компрометтировалъ здѣшнихъ, и Д. П. видитъ, что всему сему причиною ревность его къ службѣ, довѣренность, которую умѣлъ здѣсь пріобрѣсть и успѣхъ его переклонить дворъ сей на нашу сторону, тогда какъ Фр. дѣлали ему выгодныя пропозиціи. Онъ видитъ себя невиннымъ образомъ орудіемъ всего зла. Разумѣется, что я все это говорю съ тобою наединѣ. Бѣдная княгиня очень печальна, ибо была уже разъ въ кашѣ сей и знаетъ что̀ это, особливо съ тремя ребятами на рукахъ.

Мы поѣдемъ, я думаю, на фрегатѣ «Михаилѣ», коимъ командуетъ Спаксаревъ; помнишь ты *казеннаго человѣка*, ну! Это онъ самъ. Человѣкъ хорошій, веселый, и славная команда; хорошо и то, что не буду принужденъ ничего здѣсь бросить.

*

Библиотека "Руниверс"

Неаполь, 11 Февраля 1806.

Ну, братъ, пришлось и намъ горе мыкать. Ваши хлопоты миновались, теперь наши наступили. Вообрази цѣлый городъ въ волненіи, уныніи, всѣ бѣгутъ, всѣ ѣдутъ, король уже въ Сицціи, королева съ принцессами амбаркируется сегодня и ѣдетъ также въ Палерму; съ нею посольша, которая очень огорчена не имѣть объ графѣ никакого извѣстія; наслѣдный принцъ и принцъ Леопольдъ ѣдутъ въ Калабрію, и мы съ ними, т. е., Д. П. и я. Карповъ и прочіе отправляются моремъ въ Палерму. Не знаемъ, гдѣ еще учредитъ принцъ главную квартиру свою, въ Катанцаро или въ Матерѣ.

Французы завтра входятъ въ Неаполь. Я тебѣ не могу описать унынія городское; жалко смотрѣть особливо на народъ, который въ отчаяніи. Однакожъ будь покоенъ, ибо я не разлученъ отъ Дмитрія Павловича, а ты знаешь, какъ онъ меня любитъ. Въ первый разъ буду вести жизнь лагеря. Съ принцемъ 17 т. войска, и говорятъ, что вся Калабрія возстаетъ противъ Французовъ.

*

Мессина, 1 Апрѣля 1806.

Мы рыскаемъ по дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ дорогамъ. Множество было съ нами приключеній смѣшныхъ и печальныхъ; разъ чуть не попались въ плѣнъ, въ другой подосланы были люди, чтобы насъ ограбить, но мы обманули нашихъ хозяевъ, которые затѣяли эту шуточку: сказали имъ, что поѣдемъ одною дорогою, вмѣсто того поѣхали другою. Я многое пишу батюшкѣ, ты оное прочтешь и избавишь меня отъ лишняго писанія. Впрочемъ, когда увидимся, прочтешь мой журналъ, въ коемъ все увидишь, а я оный съ самаго пріѣзда моего въ Неаполь все продолжаю вести.

Англичане также съ моря теперь блокируютъ Неаполь. Бѣдный Дамасъ въ отчаяніи, что все пошло столь худо; но онъ не виноватъ: вездѣ подвергался большимъ опасностямъ, рекруты бросили ружья, бѣжали, съ ними даже одинъ полковникъ; другіе послѣдовали сему примѣру. Дамасъ остался съ одною гвардіею, которая дралась очень хорошо цѣлые три часа и кончила штыками. Принца не было въ дѣлѣ, слѣдовательно и мы тамъ не были. Basta. Двѣ стычки въ мѣстахъ которыя похожи были по мѣстоположенію на Швейцарскія, гдѣ чортъ не могъ предвидѣть, что Французы пройдутъ, рѣшили кампанію и отдали обѣ Калабріи Французамъ. Le canal de Messine est devenu comme le pas de Calais, qui sépare deux pays ennemis. Крѣпость Гаета, въ коей

Библиотека "Руниверс"

принцъ Филипстальской командуетъ, покрываетъ себя ежедневно славою и отвѣчаетъ ядрами на всѣ предложенія Французовъ войти въ переговоры. Самъ Іосифъ осаждалъ ее, но былъ отогнанъ съ большею потерею. Эта крѣпость долго будетъ держаться; ибо, имѣя море, удобно снабжается провіантомъ. Весь Неаполь въ негодованіи, и Іосифъ, боясь лазаронцовъ, да и присланъ будучи противъ воли своей, писалъ къ брату, прося переселиться въ Римъ подъ предлогомъ, что Неапольской воздухъ вреденъ его здоровью. На банкировъ наложенъ налогъ въ полтора милліона дукатовъ. Ахъ! Да ежелибы наша кампанія въ Калабріи удалась, я увѣренъ, что народъ, узнавъ это, перерѣзалъ бы всѣхъ Французовъ въ Неаполѣ. Лазаронцы сдѣлали пѣсенку: Bonaparte se non parte, passa quai, ma assai; коль скоро на улицахъ трое говорятъ.. тащутъ ихъ въ тюрьму яко бунтовщиковъ, и тамъ заведена превварварская полиція какъ въ Парижѣ. Вотъ что мы знаемъ о Неаполѣ. Французы вѣрно не то по свѣту разглашаютъ. Изъ Корфы получили мы курьера, что Славянскіе народы добровольно пошли въ наше подданство и вооружаются противъ Французовъ, Бокка-де-Катаро, наши и прочія мѣста, отданныя вашимъ миромъ Франціи.

Мы скоро поѣдемъ осмотрѣть главные города Сициліи, потомъ воротимся сюда, сядемъ на фрегатъ и маршъ въ Палерму, гдѣ Карповъ повѣреннымъ въ дѣлахъ покуда; тамъ и Пини etc. Здѣсь у меня только и забавы, что театръ, гдѣ представляютъ ораторію прекрасную *Zaira*, музыка славная di Federici. Primadonna мила, поетъ хорошо, мы всѣ въ нее влюблены. Д. П. ужасно милъ, ласковъ, любитъ меня какъ брата; особливо въ эту дорогу мы очень сблизились и сдѣлались такими друзьями, что ничего другъ отъ друга не таимъ. Онъ не даетъ князю Адаму покою, чтобы меня произвели.

*

Мессина, 26 Апрѣля 1806.

Сюда не успѣли мы пріѣхать, какъ король пригласилъ Дм. Павл. проводить его до Сиракузы, а съ нимъ и меня. Дорога сія была очень пріятна: вездѣ былъ король принимаемъ съ восторгомъ, и вездѣ давали намъ славные праздники, балы, фейерверки и пр. и пр. Особливо въ Катаніи мы очень повеселились. Ну, братъ, что за городъ, un petit Pétersbourg, славные дома, славныя, длинныя, прямыя, широкія, хорошо вымощенныя улицы; что ваша Вѣна въ сравненіи—дрянь! Les femmes y sont jolies, traitables, mais leurs manières sont singulières, наши Ярославки. Вездѣ жили мы съ королемъ и все время проводили съ нимъ Онъ веселъ, любезенъ, только встаетъ съ солнцемъ лѣтнимъ, съ цыплятами, обѣдаетъ въ полдень, въ Катаніи далъ балъ, въ которомъ мы от-

Библиотека "Руниверс"

лячился. Д. П. не пропустилъ ни единаго контраданца. Я бы очень здѣсь распространился о нашихъ приключеніяхъ, ежелибы былъ увѣренъ, что письмо дойдетъ вѣрно, но готовься читать десть моего маранья съ любезною посольшею. Она поѣдетъ къ вамъ, коль скоро будетъ фрегатъ, который Д. П. для нея выписываетъ изъ Корфы. Съ нею вѣроятно поѣдетъ и Дамасъ.

Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, отправимся мы въ Палерму сухимъ путемъ. Ну, братъ, я изъѣздилъ верхомъ тысячи двѣ верстъ со дня, что̀ оставилъ Неаполь, и растолстѣлъ какъ быкъ; вообще я, ты знаешь, неслабаго сложенія, но здѣсь сталъ я еще здоровѣе, свѣжѣе, плотнѣе; жары всѣхъ ослабѣваютъ, а мнѣ такъ лучше отъ нихъ.

Вообрази, кто ко мнѣ входитъ въ эту минуту? Твой образъ Беттера. Какъ же я его обнялъ! Ему стало скучно въ Палермѣ, пріѣхалъ, чтобы найти судно въ Рагузу, и Д. П. его не пускаетъ и понуждаетъ возвратиться въ Палерму съ нами. Славной compagnon de voyage. Тебѣ велитъ много кланяться.

*

Палермо, 2 (14) Іюня 1806.

Намедни королева пригласила Д. П. и меня на рыбную ловлю (du thon). Долго бы описывать это странное и кровопролитное зрѣлище. Рыба престрашная, хвостомъ однимъ можетъ человѣка убить. Потомъ былъ обѣдъ. Не могу тебѣ сказать, сколь королева, принцы и принцессы ласковы были со мною, а все, чтобы угодить Татищеву, такъ какъ онъ меня любитъ. Играли въ макао, и ея в—во меня обыграла. Въ Неаполѣ большіе мятежи, народъ не можетъ видѣть Французовъ и возстаетъ, дворяне же ведутъ себя какъ шельмы. Дюкъ С.-Теодоро сдѣлалъ себя церемонимейстеромъ Іосифа, вотъ тебѣ реестръ камергеровъ новыхъ и пр. Гаета хватски защищается, теперь Массена принялся за эту крѣпость. Сидней Смитъ прехватъ: чуть Іосифа не увезъ изъ Фавориты, гдѣ былъ балъ, овладѣлъ островомъ Капри и пугаетъ очень Французовъ.

*

Палермо, отъ 19 (31) Мая 1806.

Мы часть дороги изъ Мессины сюда сдѣлали съ королемъ наипріятнѣйшимъ образомъ; все обходилось безъ церемоніи, по солдатски: но задъ бѣдный мой отбило такъ отъ верховой ѣзды, что принужденъ былъ сѣсть въ летигу (родъ кареты навьюченной на двухъ пребольшихъ мулахъ). Ну братъ, что̀ за городъ Катанія! И какъ мы тамъ повеселились. Что̀ за женщины! Всѣ были мы влюблены, начиная отъ царя до послѣдняго слуги. Д. П. обѣщался своей туда воротиться, и мы со-

Библиотека "Руниверс"

вершимъ это путешествіе въ Іюлѣ, ежели ничто не помѣшаетъ, тѣмъ болѣе что многихъ достопамятностей не успѣли осмотрѣть, а ихъ немало. О Палермѣ намъ такъ много всѣ наговорили зла, что намъ городъ полюбился. Прогулки здѣсь прекрасны и лучше Неапольскихъ, но все протчее какъ сравнить съ *любезнымъ моимъ Неаполемъ*, по которомъ тоскую безпрестанно. Я пріѣхалъ сюда въ подагрѣ, но только дней 6 не выходилъ; теперь здоровъ, но хочу рѣшиться брать Терминскія бани. Онѣ цѣлительны для ревматизмовъ и ежели боль отъ нихъ не пройдетъ, то стало въ самомъ дѣлѣ подагра, и тогда нечего дѣлать какъ терпѣть боль два-три раза въ годъ. Татищева домъ здѣсь безподобный, первый въ городѣ; я живу у него.

*

Палермо, 29 Іюля 1806.

У насъ все идетъ славно, слушай. Стуартъ высадилъ войска въ Калабріи, разбилъ въ прахъ Regnier, взялъ 3000 плѣнныхъ съ генераломъ Compaire. Калабрійцы всѣ взбунтовались противъ Французовъ и гонятъ ихъ. Regnier, говорятъ, умеръ въ Катанцаро отъ ранъ. Сидней Смитъ завладѣлъ крѣпостію Lamanta, 400 ч. гарнизона плѣнные, кромѣ того адмиралъ взялъ 2 знамя, 8 пушекъ и множество съѣстныхъ припасовъ. Каковы же господа милорды! Въ Неаполѣ большая суматоха, Іосифу худо приходится, и ежели Наполеонъ не пришлетъ армію, изъ коей надобно будетъ пожертвовать 10/т. для взятія Гаеты, придется Французамъ оставить королевство, ибо вездѣ бунты и неповиновеніе. Что за хватъ князь Филипстальской! Ранили бѣднаго сильно бомбою въ голову; сказали было, что смертельно, но онъ велѣлъ сказать королю, чтобъ его высочество было спокойно, что Гаета не сдастся никогда, но не могъ еще писать, ни ходить; заставляетъ себя таскать на носилкахъ, какъ Карлъ XII, и самъ вездѣ даетъ распоряженія. Гдѣ вашимъ вшивымъ Австрійцамъ съ нимъ равняться? Мы получили славныя новости изъ Корфы, наши тамъ дѣлаютъ чудеса, тебѣ это же должно быть извѣстно; но вотъ все таки печатный листъ, dont le rédacteur est m-r le conseiller Alex. Bulgakow. Здѣсь пять дней продолжалось празднество (ежегодное) въ честь св. Розаліи, покровительницы города; были иллюминаціи, скачки, фейерверки, гулянье и др.

*

Палермо, 25 Сентября (6 Августа) 1806.

Ежели Строгонова*) въ Лондонъ, то стало быть Татищеву туда не ѣхать; но мнѣ тѣмъ лучше, ибо батюшка того, кажется, не желалъ. Лондонское мѣсто было для него назначено, и безъ отставки князя

*) Графа Григорія Александровича. Онъ не получилъ этого мѣста: его занялъ князь Ливенъ.

Библиотека "Руниверс"

Адама теперь бы имѣлъ повелѣніе туда ѣхать. Въ тотъ же день, что ты мнѣ сообщаешь о перемѣнѣ въ министерствѣ, получили мы циркулярное письмо князя о назначеніи Будберга на его мѣсто и пр. Это большая потеря для насъ. Адамъ былъ другъ Дм. Павл. и ничего ему не отказывалъ; это бы сдѣлало мою фортуну. Но такъ и быть. Я даромъ ничего не требую, а что заслужу, то всякій министръ долженъ мнѣ выдать. Будбергъ меня зналъ въ Неаполѣ и очень даже былъ ласковъ ко мнѣ; но онъ былъ тогда путешественникъ, а не министръ. Спасибо за Антрегову книжку; я ея тотчасъ не читалъ, послалъ Дм. Павл. въ деревню; онъ говоритъ, что хорошо писана; еще не возвратилъ ее мнѣ.

*

Palerme, le 19 (31) Octobre 1806.

Mon cher ami. Je vous écris de chez le marquis de S-t Clair. Это здѣшній князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, понимаешь? Доброй малой, съ коимъ я очень друженъ. Je trouve ici m-r de Matheus, officicer Suédois qui part ce soir même pour Vienne; cela fait que ma lettre ne sera pas bien longue. J'ai beaucoup bu à table, cela fait que ma lettre n'aura pas le sens commun.

Знай подъ секретомъ, что меня представилъ Дм. Павл. въ секретари съ 1800 жалованья; писалъ о томъ своеручно Будбергу и въ такихъ выраженіяхъ, что способу нѣтъ отказать. Не пиши о томъ папашѣ: вдругъ его обрадуемъ лучше.

*

Палермо, 9 (21) Ноября 1806.

Ты знаешь, что Дм. Павл. просился въ отпускъ на годъ и что это время хотѣлъ провести въ Вѣнѣ, какъ для собственнаго своего удовольствія, но болѣе еще чтобы мнѣ угодить. Государь велѣлъ его просить остаться здѣсь еще нѣсколько времени, покуда не рѣшится судьба здѣшняго двора, послѣ чего дастъ ему мѣсто приличное его дарованіямъ и услугамъ, оказаннымъ уже отечеству. Я это желалъ бы тебѣ утаить, такъ какъ и батюшкѣ, но подумалъ, что совѣстно продолжить твою мечту. Придется намъ еще здѣсь пожить; но, дабы доставить себѣ возможность по прошествіи зимы и худого мореплаванія пріѣхать къ вамъ курьеромъ, былъ я заступникомъ Полетики и упросилъ Дмитрія Павловича позволить ему сюда пріѣхать, о чемъ Полетика стороною велѣлъ меня просить. Дм. Павл., по свойственной ему добротѣ, все прошедшее забылъ и писалъ Полетикѣ пріѣхать, ежели хочетъ, безъ чего мнѣ бы отсюда не вырваться никогда: ибо Дм. Павл. одному всѣмъ ворочать никакъ нельзя, а мои товарищи здѣсь совершенно безполезны.

Библиотека "Руниверс"

Агличане дѣлать чудеса перестали, бросили Калабрію, услышавъ о нашемъ мнимомъ мирѣ и воротились всѣ въ Мессину. Теперь Калабрійцы одни дерутся съ Французами и ихъ славно щелкаютъ; въ послѣднемъ дѣлѣ взяли 300 плѣнныхъ, коихъ большая часть привезена сюда же; всѣ голы, босикомъ и худо кормлены. La reine, qui fait du bien même à ses ennemis, touchée de leur état, les a fait habiller et chausser à ses propres frais. Ils ont été sensibles à ce procédé généreux et viennent de lui adresser un sonnet pour la remercier. Je vous en enverrai copie, si le tems me le permet. Скажи это посольшѣ: ее это обрадуетъ, ибо она другъ королевы. Берегите ее; съ прискорбіемъ слышу отъ тебя о худомъ ея положеніи, но надѣюсь, что покой все возстановитъ; такое путешествіе, какъ ея, хоть кого бы разстроило. Дѣла Французовъ въ Неаполѣ конечно идутъ очень дурно, и ихъ вся надежда на томъ основана, что Наполеонъ все поправитъ своими побѣдами и дерзостію. Чѣмъ-то все это кончится? Мы опять поздно подоспѣемъ и будемъ имѣть похвальную надменность драться съ меньшимъ количествомъ войскъ, подеремся хватски, но потеряемъ Европу. Оставимъ размышленія, отъ которыхъ грустно должно дѣлаться Россіянину. Во время Якова Ивановича Турки инако говорить смѣли съ Россіею; теперь одинъ Себастіани (кажется) борется съ 100/т. Русскихъ, кои на границахъ Турецкихъ и завладѣть бы могли всею землею, прежде нежели Бонапартъ узнаетъ, что они идутъ.

*

Мессина, 13 (25) Декабря 1806.

Сюда пришла эскадра Русская подъ командою командира Игнатьева, пять кораблей, фрегатъ, два корвета и шлюпъ. Дм. Павл., узнавъ объ этомъ, тотчасъ сюда качнулъ по курьерски, имѣя нужду обо многомъ поговорить съ Игнатьевымъ. Меня взялъ съ собою. Эскадра уходитъ сегодня же въ Корфу, и я азардую тебѣ это письмо черезъ Моцениго: авось либо дойдетъ. Ну, что за эскадра! Удивленіе! Какіе корабли! Что за хваты, всѣ капитаны, вся молодежь! Корветою *Флорою* командуетъ Андрея Семеновича Кологриваго братъ, Владимиръ, молодецъ бойкій и прелюбезный. Они насъ славно угощали; были пиры, стрѣльба, концерты etc. etc. Между ними есть капитанъ Лукинъ, престрашный силачъ. Онъ себя прославилъ въ Англіи, гдѣ съ 30 матросами завоевалъ цѣлый портъ Чернесъ, двухъ Агличанъ поднялъ на воздухъ, держа въ каждой рукѣ по одному за бакенбарды, стукнулъ ихъ головами и бросилъ въ ровъ. Онъ ломаетъ талеръ надвое такъ, какъ нашъ братъ пряникъ. Вчера праздновали мы рожденіе Государево. Изъ девяти судовъ жарили такъ, что Мессинѣ хуже пришлось, какъ во время земле-

Библиотека "Руниверс"

трясенія. Французы сдѣлали новое нападеніе на Калабрію, которая у насъ въ виду. Вчера ночью сожгли они три селенія. Не повѣришь, какъ больно и жалко было смотрѣть на эти иллюминаціи! Господа Англичане здѣсь руки сложа сидятъ. Ихъ 20000, и они равнодушно на это смотрятъ. Изъ Реджіо бѣгутъ сюда на баркахъ бѣдные обыватели. Солдаты заперлись въ крѣпость, les masses ont pris les armes pour aller à la rencontre des Français. Чѣмъ-то это кончится? Послѣ завтра возвращаемся мы въ Палерму, куда мнѣ смертельно хочется: безъ Евангелистки*) тоска, а она отпустила только на десять дней. Мы сюда махнули въ 37 часовъ 180 миль, каково это? Частію водою, частію верхомъ. Отсюда беремъ съ собою Монклара, который у насъ погоститъ въ Палермѣ мѣсяца два, а здѣсь ему нечего дѣлать при гросмейстерѣ. Этотъ молодецъ мнѣ еще подтвердилъ, что дастъ крестъ; но чортъ знаетъ, когда его признаетъ папа, который труситъ Бонапарта.

1807-й годъ.

Палермо, 4 (16) Генваря 1807.

Я ѣздилъ съ Дм. Павл. въ Мессину, гдѣ была эскадра наша, изъ Балтики пришедшая. Изъ Мессины писалъ я тебѣ и теперь, пользуясь первымъ случаемъ, пишу тебѣ черезъ Корфу, куда сегодня отправляемъ фрегатъ *Венусъ*. Не буду распространяться въ семъ письмѣ, ибо оно поздно до тебя дойдетъ; такъ-то говорится, а какъ примусь тебѣ писать, то не умѣю уже перестать. Прилагаю письмо къ батюшкѣ, изъ онаго ты многое до меня касающееся узнаешь. Можно ли усерднѣе о братѣ своемъ просить, какъ Дмитрій Павловичъ обо мнѣ? Я не сомнѣваюсь, что эта рекомендація произведетъ желаемое дѣйствіе. Тогда мнѣ будетъ лафа: 1500 брюхатыхъ рублевъ въ годъ, да и дорога моя сдѣлана. Попасть только на эту стезю.

*

Палермо, 21 Марта (12 Апрѣля) 1807.

Я тебѣ премного обязанъ за вѣсти объ нашихъ успѣхахъ; продолжай ради Христа писать о новостяхъ всѣхъ вообще. Ты право смѣшонъ: какъ дѣлать секреты изъ того, что̀ надобно трубить Русскимъ по всей вселенной? И опять, какъ можешь ты думать, что я въ какомъ либо случаѣ тебѣ компрометирую? Дмитрій Павловичъ именно велитъ мнѣ тебя бранить за воздержность твою. Écrivez (me dit-il) à votre frère qu'il est comme Bühler qui, le lendemain de la mort du prince

*) Такъ называетъ Булгаковъ свою Итальянскую возлюбленную.

Библиотека "Руниверс"

Potemkine, disait à ses amis à l'oreille que son altesse était très malade [1]).

Наше отечество въ прежалкомъ положеніи. Сидней Смитъ пишетъ отъ 2-го Марта, что онъ высадилъ войска, прогналъ Турокъ, посланныхъ изъ Азіи на помощь Дарданелей, завладѣлъ батареями, заколотилъ пушки, сжегъ и ждетъ только Сенявина (ушедшаго изъ Корфы съ 8 корабл., 4 фрегат. и пр.), которому оставляетъ завладѣть Царьградомъ и драться съ Турецкимъ флотомъ; а самъ пойдетъ куда? Это загадка! Говорятъ, покорить Египетъ. Первыя извѣстія изъ Архипелага будутъ весьма интересны. Аманъ! Аманъ! Дадутъ имъ Амана: у Сенявина всѣ капитаны прехваты, не уступятъ хоть самимъ Англичанамъ.—Сколь ни люблю Куракина, желаю для тебя и для службы, чтобъ графъ у васъ остался, и это вѣроятно: ежели по сю пору тотъ не бывалъ, то не будетъ совсѣмъ [2]).

Политика вѣрно ушелъ въ Дарданелы съ Сенявинымъ, и такъ адресуй пожалуй письмы твои черезъ Пеллегрини къ Моченигѣ, а еще лучше къ Манзѣ, ибо изъ Тріеста очень часто идутъ суда въ Мессину; я къ тебѣ такимъ же манеромъ писать теперь буду. Пожалуй сообщай, какія награжденія кому даны, кто изъ знакомыхъ въ арміи отличаются и пр. Теперь Аустерлицъ заглаженъ на вѣчныя времена; долго Бонапарте на всякую музыку пѣлъ это слово. И у насъ заведутся пѣсенки на Пултускъ, Морунгенъ, Ейлау. Ай да казаки! Французы про нихъ говорятъ, что они людоѣды. Манифестъ о милиціи писанъ безподобно [3]) и долженъ распалять сердце всякаго Россіянина. Мы читали съ восхищеніемъ все то, что ты пишешь объ энтузіазмѣ, у насъ царствующемъ.

Кауница здѣсь очень мало уважаютъ: король не любитъ, а королева трактуетъ какъ шалуна; да и положеніе его таково. Надобно посмотрѣть, какъ съ нашимъ обходятся, да и какъ нашъ себя ведетъ. Я право другого Дмитрія Павловича не знаю на свѣтѣ. Я право съ тобою не могу быть фамильярнѣе какъ съ нимъ. Цѣлой день мы вмѣстѣ, другъ отъ друга ни малѣйшей бездѣлки не утаиваемъ. Что бы я ни захотѣлъ, все для меня сдѣлаетъ, во всемъ требуетъ всегда мое согласіе или мнѣніе, а неограниченная его довѣренность и дружба ко

---

[1]) „Напишите, сказалъ онъ мнѣ, вашему брату, что онъ, какъ Бюлеръ, который на другой день по кончинѣ князя Потемкина на ухо говорялъ своимъ друзьямъ, что его свѣтлость былъ очень боленъ".—Это баронъ Карлъ Яковлевичъ, родной дядя столь извѣстнаго Москвѣ барона Ѳедора Андреевича Бюлера, который, какъ видно, и походилъ на него.

[2]) Князь Куракинъ, на пути въ Вѣну, задержанъ былъ заключеніемъ мира въ Тильзитѣ.

[3]) Не такъ объ этомъ манифестѣ отзывался В. А. Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу („Р. Архивъ" 1895. вып. 2-й).

Библиотека "Руниверс"

мнѣ даютъ мнѣ вѣсь въ городѣ и у двора. Всѣ министры меня любятъ. Что дѣлаетъ Поццо de fameux? Онъ въ военной службѣ. За чѣмъ у васъ? Ты просишь мой журналъ. Авось либо надумаю прислать его съ Радіемъ. Все боюсь, чтобъ не пропалъ, и не потерялись мои труды; а онъ тебя позабавитъ. Кланяйся премного отъ меня Дамасу. Всѣ его пріятели вспоминаютъ объ немъ очень часто и любятъ его.

*

5 (17) Апрѣля 1807 г.

Англичане напакостили въ Дарданелахъ, пробились туда, но что̀ пользы? Чѣмъ идти тотчасъ на столицу, Арбутнотъ кинулъ якорь у Iles des Princes и началъ трактовать. Les Turcs ont amusé le tapis pendant trois jours et gagnèrent ainsi le tems précieux. Ils mirent la capitale en état de défense et réunirent devant les murs 15 vaisseaux de ligne, qu'on fit venir de Bouyouk-déré. Les Anglais, craignant d'être attaqués par des forces trop sérieuses, opérerent leur retraite et eurent beaucoup à souffrir du feu des battreries en repassant les Dardanelles. Seniavine s'est uni à eux 3 jours après à Ténédos; il proposa à Duckworth d'aller à Constantinople, mais celui-ci refusa, voulant qu'on s'empara avant tout des châteaux des Dardanelles pour assurer sa retraite. Il a fait voile vers l'Égypte, laissant aux 8 vaisseaux de Seniavine tout le poids des opérations aux Dardanelles. Nous ne savons quel partie prendra notre v.-amiral. En attendant les Anglais ont pris déjà Alexandrie avec la perte de 2 officiers et 5 soldats. Quel massacre!

Si Italinsky eût été un jeune homme, aimant la gloire et méprisant les dangers, il se serait embarqué sur notre escadre, aurait passé les Dardanelles avant les Anglais et forcé les Turcs à la paix sans leur laisser le tems de respirer. Est-il possible qu'un seul homme l'emporte lui seul sur toute une armée, qui a envahi déjà la moitié de la Turquie et sur une escadre de 8 vaisseaux? Sébastiani a de génie et de l'adresse; on ne saurait le nier.

*

Палермо, 9 (21) Апрѣля 1807.

Вчерашній день былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ моей жизни, милой и любезной братъ: отъ тебя перваго узнаю я, что меня сдѣлали секретаремъ посольства. Я тебѣ не могу описать радость мою: я плакалъ такъ, какъ то бываетъ при радостномъ свиданіи послѣ долговременной разлуки; стыдно сказать другому, но тебѣ открываю мою слабость. Размышленіе умножило мое благополучіе. Я представлялъ себѣ удовольствіе батюшкино, поздравленія ему дѣлаемыя о нашихъ успѣхахъ въ службѣ; воображаю себѣ утѣшенную его старость видѣть труды

Библиотека "Руниверс"

свои непотерянными и обѣщанія наши при отъѣздѣ изъ Россіи ему данныя исполненными; представилъ себѣ любезнаго Константина, удѣляющаго пріятелямъ общую радость; прибавь къ этому открывающуюся мнѣ дорогу, особливо ежели Неаполь Россіею возвратится законнымъ своимъ государямъ; все это такъ далеко завело мое воображеніе, что я нашелся счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Вообрази себѣ, что я сплю; меня будятъ, подаютъ мнѣ газеты. Выругавъ моего jaquet (je m'en suis donné un depuis que le коротконогой генералъ n'a sa tête pleine que de ses rôles, ses comédies, ses répétitions etc.), я опять заснулъ. Сплю, меня еще будятъ; бѣшусь на мальчика, не понимаю его смѣлости. Mais il était sûr de son fait. C'è, dit-il, una lettera de le fratello. Dov'è?. Въ одну минуту колпакъ очутился на полу, сонъ исчезъ, открываю твое письмо (т. е. копію твою съ батюшкинова письма № 45); первыя слова: *здравіе и почтеніе г-ну секретарю посольства.* Давай одѣваться скорѣй, бѣгу безъ штановъ въ капотѣ на низъ къ Дмитрію Павловичу, давай его цѣловать. Онъ еще въ постелѣ. *Комедія!* Qu'est-ce que vous avez, dit-il, ну! Что качнулъ, небось, Л....шталь? Dites donc! — Какая тутъ Л....? Дѣло въ томъ, что передъ вами стоитъ вашъ секретарь посольства съ удрученною подъ 1500 рублями мошною.—Шутишь?—Какая тутъ шутка? Вотъ и указъ батюшка прислалъ. Не повѣришь, какъ это обрадовало Дмитрія Павловича; началъ меня цѣловать и поздравлять. Я ему говорю: вы это все сдѣлали, а онъ отвѣчаетъ: какой чортъ я, ты самъ заслужилъ etc. За обѣдомъ пили Шампанское за мое здоровье; всѣ сердечно радовались. Карповъ, особливо Пини, кажется, недовольны, но должны въ кожѣ лопать и молчать, ибо попрекнуть ни тотъ, ни другой не могутъ: оба слишкомъ знаютъ, что они съ пріѣзда Дмитрія Павловича въ Неаполь и не прикоснулись къ работѣ, я все одинъ дѣлалъ. Всѣ одно только и говорятъ: «стоилъ того Булгаковъ, печего сказать». Королева велѣла мнѣ сказать черезъ маркиза Сенъ-Клера, что очень радуется опредѣленію, которое оставляетъ меня прочно при ея дворѣ, и поздравляетъ меня.

*

Палермо, 1 (13) іюня 1807.

Отправляется какой-то офицеръ, именемъ Цукати, въ Корфу. Дмитрій Павловичъ посредствомъ Моцениги пишетъ къ Сенявину. Ты можешь себѣ представить, милой и любезной братъ, съ какимъ восхищеніемъ я пользуюсь симъ случаемъ, чтобы къ тебѣ писать, полагая, что письмо это найдетъ тебя здороваго и благополучно прибывшаго въ Тенедосъ. Куда тебя обстоятельства не заносили? Неаполь, Корфу, Тенедосъ! Авось либо попадешься и въ Сицилію; сердце мнѣ предска-

Библиотека "Руниверс"

зываетъ эту радость; эта радостная мысль не выходитъ у меня изъ головы. Дмитрій Павловичъ меня въ томъ обнадеживаетъ очень. Поццо между прочимъ къ нему пишетъ: Bulhakow est avec moi; c'est un véritable bonheur pour moi de l'avoir; je vous écris peu, car il dira le reste à son frère, auquel il écrit etc.

Лордъ тебѣ кланявшійся называется (не вспомню): онъ пустился было воевать въ Египтѣ волонтеромъ; ихъ тамъ отмуштровали славно, отпала волонта, и онъ опять сюда явился. Ништо имъ! Зачѣмъ не дождаться Сенявина, пройти вмѣстѣ Дарданеллы и задавить Турокъ? А то отъ жадности надѣлали много шуму въ Европѣ своимъ проходомъ, не умѣли дѣло кончить и оставили все на нашихъ плечахъ, забыли общую выгоду, погнались за своею въ Египетъ и ништо взяли: изъ 5 т. человѣкъ едва, сказываютъ, 200 осталось въ живыхъ измѣною Мамалуковъ. Изъ Сициліи послано туда два полка на подкрѣпленіе.

Спасибо за подробности о нашихъ офицерахъ въ Корфу: между ними есть прехорошіе ребята и мнѣ хорошіе пріятели. Это хорошо, что изъ Петербурга тебѣ велѣно ѣхать съ Поццо, стало быть тебя запумерли (comme disait le petit Richter à Moscou); вамъ вѣрно дано препорученіе и ежели удастся, то будетъ и тебѣ награжденіе какое-либо. Ваша посылка, я думаю, посъ Италинскому, который поступилъ какъ баба. Зачѣмъ занесло его въ Мальту? Приличнѣе было ѣхать въ Корфу, поторопить Сенявина, предупредить Англичанъ, самому ѣхать къ Дарданеллямъ, не терять времени какъ Арбутнотъ и отомстить Себастіани, который угрозами и обѣщаніями умѣлъ взять верхъ надъ министромъ государства, какъ Россія, имѣющая половину Турціи въ рукахъ. Ну ужъ, братъ, показалъ бы Туркамъ Русской духъ Татищевъ, ежели бы онъ тутъ случился.

Французы по сіе время поютъ Аустерлицкую баталію, которая з.....ха въ сравненіи съ Ейлаускимъ дѣломъ. И такъ не надобно унывать славить нашихъ героевъ: мы печатаемъ здѣсь подробности сей побѣды. Ты увидишь это изъ прилагаемаго у сего экземпляра. Взятіе Тенедоса мы также напечатали со всевозможнымъ для Англичанъ снисхожденіемъ.

Италинской къ намъ пишетъ, что его совсѣмъ забыли et qu'il attend des ordres sur sa destination ultérieure. Dites-moi quelque chose sur Polética, est-il avec vous à Ténédos?... Бюллетины Французскіе наполнены вздорами; называютъ нашего Государя un jeune obstiné, qui ne veut pas le repos de l'Europe. Особа пріѣхавшая изъ Мальты въ Мессину увѣряетъ, что Италинскій собирается ѣхать въ Лондонъ. Этотъ старикъ съ ума сходитъ отъ Англичанъ.

Библиотека "Руниверс"

Палермо, (13) 25 Іюня 1807.

Намъ сегодня дали знать, что Аглинской корабль идетъ въ Тенедосъ, я пользуюсь симъ случаемъ съ восхищеніемъ, чтобы къ тебѣ написать. Мы 13-го сдѣлали большую экспедицію къ Дм. Никол., коему препроводили черезъ Корфу пакеты отъ Чичагова. Вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, что въ Лондонѣ произошла большая перемѣна въ министерствѣ: вся Фоксова шайка къ общему благополучію слетѣла, всѣ почти министры въ чужихъ краяхъ перемѣнены. Дугласъ отозванъ, на его мѣсто опять Левизонъ Говеръ; на мѣсто Адера къ вамъ въ Вѣну графъ Пемброкъ; сіи два посла прежде отправятся въ армію къ Императору нашему, а оттуда по своимъ мѣстамъ. Къ Прусскому королю назначенъ лордъ Пажетъ, а Артуръ Пажетъ ожидается всякій день сюда; пробывъ здѣсь мало времени, послѣдуетъ онъ въ Тенедосъ, дабы трактовать съ Портою. Къ Сенявину идутъ 4 Агл. корабля съ 4 т. войска, сіи назначены для покоренія острова Scio; такимъ образомъ запрется сношеніе со Смирною. Теперь все пойдетъ хорошо, а то право плохо было приходилось, по милости Агличанъ. Система низверженныхъ министровъ клонилась къ постыдному миру, и они всячески работали, чтобы внушить намъ отвращеніе къ войнѣ.

Алопеусу обѣщано, что будетъ высажено въ скоромъ времени 14 т. Агл. войска въ Германіи, а къ Государю Императору посланъ планъ на апробацію; обѣщано также, что будетъ дано повелѣніе Фоксу содѣйствовать въ усиліяхъ здѣшняго двора для покоренія Неапольскаго королевства. Мы имѣемъ здѣсь на рейдѣ пять кораблей, изъ коихъ Formidable, Royal Souvereign и Windsor Castle трехдечные; ожидаются другіе три корабля.

Въ Польшѣ и Пруссіи ничего не происходитъ. Les lettres les plus récentes et officiales qu'on a de Vienne sont du 30 May. Ruffo dit que l'Autriche est vivement pressée; sa diète doit finir le moi Juin, l'empereur reviendra à Vienne fort content des Hongrois, Stadion le précède. R. ne doute pas que l'A. finira par se déclarer; car sa médiation, froidement accueillie par nous et la Prusse, n'opère rien. Il paraît qu'on s'est pénétré chez nous de la vérité, que tout traité avec Bonap. est une duperie. On est extrémement disposé à de grands efforts, on veut un *oui* ou *non* de l'Autriche, et dans le dernier cas on est résolu de prendre des mesures, pour parvenir au but proposé sans sa coopération. Le grand plan d'opération militaire et politique a été tracé par notre Empereur et le roi de Prusse; ils se sont convenu le 26 Avril de ne pas déposer les armes que le but ne soit atteint. On travaille à y faire

Библиотека "Руниверс"

accéder François. Dans cette convention rien n'a été oublié jusqu'au prince d'Orange. On y garantit l'intégrité de l'Empire Ottoman. Qu'en dites vous? Все это большая тайна, и знай про себя. Вообрази, всѣмъ мы отдаемъ свое да съ прибавкою Пруссіи и Австріи, первой въ Германіи, второй въ Италіи, а себѣ мы не беремъ *ничего*. Bonaparte s'est retranché et fortifié d'une manière formidable; mais il manque de tout pour sa subsistance. On croit avec raison que Benigsen veut l'affamer. Quoiqu'il en soit, son inaction depuis que tous les renforts lui sont arrivés, doit tenir à des motifs d'une importance majeure; il n'a pas perdu son tems: avec 70 m. hommes il agirait sûrement avec 340 m., s'il le fallait. Bonaparte a écrit une lettre pour arrêter l'effusion de sang et se rapprocher. Benigsen a répondu: je suis ici pour me battre et non pour négocier, je n'en ai pas les pouvoirs. Dantzig jusqu'au 20 May, d'après les rapports français, réfusait de se rendre; on en est à la troisième parallèle, et les Fr. menacent de donner assaut. Neise, Graudenz, Colberg résistent toujours. 20 m. Russes ont été embarqués à Pillau; ils vont dans la Poméraine Suedoise pour prendre les Français au dos.

Mille choses à cher Pozzo-di-Borgo de ma part. J'ai envoyé partout pour chercher son oncle et lui faire savoir, qu'il y avait une occasion pour Ténédos, mais on n'a pas pu le trouver. En attendant dites lui qu'il se porte fort bien. Д. П. s'est intéressé pour son fils, qui sera placé dans l'état-major. Ne laissez échapper aucune occasion pour m'écrire et écrivez moi beaucoup. A propos: imaginez, qu'un officier d'ici a percé le petit valet de chambre du ministre, Василій, de trois coups d'épée, et savez vous pourquoi? Basile donnait sur le quai le bras à une femme; l'officier avec sa canne leva la jupe de celle-ci; Basile dit: m-r, cette femme n'est pas une p. . . . Cela a suffi pour faire déployer à l'officier son *courage* contre un désarmé. Экой народъ! Le pauvre blessé souffre, mais il vivra. L'officier est arrêté, la punition sera exemplaire.

Кланяйся нашимъ хватамъ капитанамъ. Глаза Европы обращены на нихъ, и я увѣренъ, что ежели Турки осмѣлятся выйти, ихъ поколотятъ свойски. Французы разглашаютъ, что капитанъ-паша сбирается выйти съ нами драться и взять обратно Тенедосъ; однимъ словомъ, газеты наполнены всякимъ вздоромъ.

*

Палермо. (5) 17 Ноября 1807 г.

Мы имѣемъ извѣстіе, что наши прошли Гибралтаръ 16-го Октября, направляя путь къ океану. У насъ была страшная письменная война съ Англичанами и съ здѣшнимъ дворомъ. Баратынскій пришелъ въ Мессину съ двумя кораблями. Агл. генералъ Moore отказалъ имъ входъ въ портъ и другимъ тремъ суднамъ, пришедшимъ на другой день подъ

Библиотека "Руниверс"

нашимъ флагомъ. Мы съ симъ посылаемъ курьера въ Петербургъ, т. е. до Тріеста, препоручая Пелигриви доставить пакетъ Куракину. Его же сіятельство пошлетъ все къ Будбергу съ первою курьерскою оказіею по просьбѣ нашей. Куда бы охотно я пустился, да и Д. П. охотно бы самъ отпустилъ!

Куда какая славная школа была для меня все это время, что работалъ съ Д. П.; ежели бы не потерялъ я два года съ Италинскимъ, а особливо два другіе съ Карповымъ, а тотчасъ бы попалъ въ настоящія руки, теперь бы не поддался бы ни одному изъ моихъ коллеговъ-секретарей. Но на что хвастать? Только и оправданія, что пишу тебѣ, а это у меня какъ разговоръ съ самимъ собою. Что это за человѣкъ Дм. Павл.! Я благословляю ту минуту, въ которую назначили меня въ Неаполь, puisque les événements, le sort devaient l'y amener aussi.

*

Палермо, 11 Декабря 1807.

У насъ здѣсь теперь фрегатъ *Венусъ*; сѣлъ бы на него и пустился бы въ Тріестъ! Этотъ фрегатъ отправленъ къ намъ Сенявинымъ, который со всею своею эскадрою намѣренъ зимовать въ Лиссабонѣ и послалъ отыскивать остальныя суда, предписывая имъ идти также въ Лиссабонъ на зиму. Пришествіе этого судна весьма встревожило здѣсь всѣхъ: думали, что онъ пришелъ насъ отсюда увезти; но теперь успокоились. Мы составляемъ теперь общество на подобіе Московскаго Благороднаго собранія, mais en petit, и имѣемъ большіе проекты веселиться въ этотъ карнавалъ: всякій день будетъ съѣздъ, и разъ въ недѣлю танцовать; мы устроили маскарадъ, кадрили, théâtre de société etc., будетъ весело; но для меня главное веселіе будетъ пріѣздъ Радія и счастливѣйшій день тотъ, въ который пущусь въ Москву черезъ любезную Вѣну.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. Д. БОГАТИНОВА [1]).

Отъ глубины души благодарю Бога: гдѣ, я ни занимался, я находилъ должную оцѣнку моего усердія и въ этомъ нравственную поддержку въ трудѣ. Въ семействѣ кн. Васильчикова я былъ принятъ очень любезно: часто оставляли меня обѣдать; приглашали на домашніе спектакли, которые давались на Французскомъ языкѣ въ домѣ гражданскаго губернатора Гессе (отца). Въ день именинъ моихъ въ 1861 году сама княгиня [2]) подвезла къ моему скромному жилищу своего сына Сережу поздравить меня. Другой разъ, когда я просилъ у нея позволенія въ воскресный день прочесть ея дѣтямъ и ближнимъ ея знакомымъ Жуковскаго «Агасѳеръ», она сама пріѣхала за мною съ Сережею, посадила меня съ собою, а Сережа сѣлъ противъ, и такъ въ открытомъ фаэтонѣ я проѣхалъ городомъ въ ихъ домъ. Тутъ были собраны въ предобѣденное время ея дѣти: дочери Софія, Вѣра, Сережа, еще нѣсколько дѣвицъ и сама княгиня. Собрались и усѣлись за работы, кто вышивать, кто плести тамбуромъ, а я читалъ. Были въ большой залѣ. Но я не замѣтилъ, чтобы чтеніе мое производило должное дѣйствіе. Это слишкомъ высокія матеріи для людей этого класса. Если бы я читалъ имъ сатиру Щедрина, или Некрасова, или какую комедію, вышло бы другое совсѣмъ. А Агасѳера слушали, скучая... поднимались... выходили... и я радъ былъ скорѣе окончить и ждалъ съ нетерпѣніемъ приглашенія дворецкаго къ обѣду: «кушать готово!» По себѣ я судилъ о другихъ. Для меня Агасѳеръ былъ высокимъ даромъ незабвеннаго Жуковскаго; я думалъ этимъ даромъ дѣлиться со всѣми... и ошибся. Больше уже я не запкнулся о такомъ воскресномъ чтеніи.

Княгиня Васильчикова особенно стала ко мнѣ расположенною послѣ того, какъ прочла мою повѣсть: «Юношеская любовь». На другой день ея старшая дочь, моя всегдашняя собесѣдница, передаетъ мнѣ: «Maman всю ночь продумала про эту повѣсть, такъ она на нее подѣйствовала». У княгини родилась даже мысль пригласить меня ѣхать

---

[1]) См. выше, стр. 423.

[2]) Урожденная княжна Щербатова. Супругъ ея князь Ларіонъ Ларіоновичъ былъ тогда Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Н. Б.

Библиотека "Руниверс"

съ ними на вакаціонное время за границу въ Лондонъ, такъ прокатиться, или, если поѣздка не состоится, пожить съ ними въ ихъ имѣніи, гдѣ-то въ Тамбовской или Рязанской губерніи. Планы эти однако сами собою рушились; тѣмъ не менѣе я до самого прекращенія своихъ занятій въ ея домѣ пользовался ея особеннымъ вниманіемъ. 3-го Мая 1862 г., князь и княгиня праздновали свою серебряную свадьбу, впрочемъ, очень скромно, въ семейномъ кругу. Въ числѣ немногихъ къ обѣду былъ приглашенъ и я; а послѣ обѣда они оба предприняли поѣздку въ свою загородную дачу по Житомирскому шоссе, съ Сережею и младшею дочерью. Пригласили и меня. Князь сѣлъ на козлы править лошадьми, подлѣ себя усадилъ и меня. Такъ я и проѣхалъ съ нимъ по городу. На возвратномъ пути, желая возможно ближе подвезть меня къ дорогѣ на Подолъ, князь такимъ же образомъ, усадивши меня съ собою на козлахъ, провезъ по Старому Кіеву до зданій присутственныхъ мѣстъ, гдѣ я и распростился съ нимъ, глубоко благодарный за такой необычайный знакъ вниманія и расположенія ко мнѣ. Съ глубокою горестью я оплакалъ кончину этого достойнаго, незлобиваго человѣка. Князь въ Октябрѣ, присутствуя на работахъ на этой самой дачѣ и оставшись въ сырую погоду довольно долго на воздухѣ, простудился, получилъ злокачественную жабу въ горлѣ и скончался 12-го Ноября 1862 года. И по смерти его я продолжалъ заниматься съ Сережею до осени 1863 года, уже въ частной квартирѣ на Крещатикѣ, по прежнему пользуясь тѣмъ же радушіемъ и расположеніемъ княгини; она не разъ и теперь приглашала меня къ своему столу, послѣ котораго я оставался въ гостиной въ числѣ ея гостей, но уже ни разу не напрашивался на чтеніе, помня свой первый, охладившій мой пылъ, опытъ. Впрочемъ, разъ я читалъ ей и ея ближнимъ знакомымъ, также послѣ обѣда, свою подробную записку объ учрежденіи въ Межигорьи (мѣстность вверхъ по Днѣпру отъ Кіева верстахъ въ 8, вблизи древняго Вышгорода) учебнаго заведенія для образованія народныхъ учителей съ пріютомъ при немъ. Записку эту я составилъ послѣ предварительныхъ бесѣдъ съ княгинею по этому предмету и по ея приглашенію; ибо хотя княгиня и была уже теперь и не во главѣ благотворительныхъ учрежденій, но продолжала поддерживать свое прежнее значеніе благотворительницы, и ей потому показалась моя мысль возможною къ осуществленію; но когда я развилъ ее въ запискѣ, она тогда же признала ее неосуществимою, на чемъ дѣло и кончилось. Записка эта должна быть, кажется, между моими набросками.

Я упомянулъ, что и въ праздники я отлучался изъ дому для чтеній. Такъ было не разъ въ этотъ періодъ моей жизни. Помню, въ Суб-

Библиотека "Руниверс"

боту на первой недѣлѣ Великаго Поста, пріобщившись Св. Таинъ и подкрѣпившись чаемъ, я немедля отправился въ Гимназію, испросивъ прежде согласія инспектора (тогда князь Василій Дмитріевичъ Дабижа) на чтеніе своимъ ученикамъ въ пансіонѣ чего-либо назидательнаго, чтобы святой этотъ день дѣти были хорошо настроены и въ домашней жизни. Пришелъ, собралъ собственно своихъ учениковъ и читалъ имъ: «Сраженіе со зміемъ» Жуковскаго. Мои ученики внимательно слушали; но тутъ же были и прочіе, изъ другихъ классовъ, гдѣ я не занимался. Въ притворенную дверь стали постукивать, затѣмъ кто-то изъ толпы выкрикнулъ что-то оскорбительное на мой счетъ, въ родѣ «ханжа»... или что-то въ родѣ этого, не помню. Это глубоко меня огорчило, и съ тѣхъ поръ я уже ни ногою въ пансіонъ. Такъ отвѣчала на мою безпредѣльную готовность служить просвѣщенію сердца свѣтомъ нравственнаго вліянія.. Однако, въ этой безпорядочной толпѣ мальчиковъ, дурно воспитанныхъ, были дѣти и съ добрымъ, благодарнымъ сердцемъ. Одинъ изъ моихъ учениковъ этого еще періода моей жизни долженъ былъ оставить Гимназію и перешелъ въ другое заведеніе. Мать его, совершенно незнакомая мнѣ женщина, надзирательница Левашовскаго Института, прислала мнѣ на память прекрасно вышитую закладку въ книгу при письмѣ, въ которомъ въ теплыхъ и искреннихъ словахъ выражала свою благодарность за сына, за доброе нравственное руководство имъ. Другой мальчикъ переведенъ былъ въ Варшаву, слѣдуя за семьею, туда переселившеюся; пришедши ко мнѣ на квартиру, онъ со слезами прощался со мною, прося писать къ нему.

Но такая кипучая дѣятельность въ первые годы моей службы, такая неутомимая и разнообразнѣйшая, усидчивая, напряженная работа безъ должнаго покоя, а особенно неправильность въ питаніи, не могли не отозваться на моемъ здоровьѣ. Еще, когда я кончилъ Университетъ и просилъ мѣста у Ребиндера, онъ подозрительно отнесся къ моему исхудалому болѣзненному виду и выразилъ опасеніе, по силамъ ли для меня будетъ моя учительская служба. Но все-же я началъ служить бодро, выносливо, даже не особенно берегся, не боясь ни холода, ни непогоды, ни вѣтровъ. Только одинъ разъ въ глубочайшій снѣгъ, помню въ Четвергъ, я не пошелъ въ Гимназію, еще въ Липкахъ, и то потому, что былъ всего только одинъ послѣдній урокъ. А такъ я не зналъ препятствій, которыя удержали бы меня дома, хотя и нужно, и даже не нужно было идти по службѣ изъ дому. Въ новый годъ, напр., я разъ по глубочайшему снѣгу, безъ пути и дорожки, пробирался въ гору въ Липки, сталъ привѣтствовать съ новымъ годомъ помощника попечителя (тогда г. Могилянскаго), хотя никто и никогда и не поставилъ

Библиотека "Руниверс"

бы мнѣ этого въ долгъ непремѣнный. Такъ и въ тотъ разъ, когда я ходилъ послѣ пріобщенія Св. Таинъ читать въ пансіонъ, былъ солнечный весенній день, распустило отъ жару, ручьи текли по улицамъ и горному спуску, грязь; но ничто меня не удерживало. Я не кутался, хотя уже и носилъ калоши, еще съ Университета, когда, на третьемъ курсѣ, вдругъ на одной изъ лекцій схватились у меня въ ногѣ ревматическія невыносимыя боли, послѣ чего я и сталъ носить калоши, но именно съ этой только поры, не раньше. Шарфа на шеѣ вовсе не носилъ; о зонтикѣ, если не для дождя, и подумать не допускалъ, почитая употребленіе зонтика мужчиною дѣломъ женоподобія. Конечно, нечего уже и говорить о перчаткахъ, которыхъ я никогда не носилъ, хотя и имѣлъ одну пару черныхъ, и пару бѣлыхъ, такъ, для приличія, держа ихъ въ рукахъ, когда необходимость заставляла надѣвать или форменный мундиръ, или черный фракъ, которымъ, противъ моего желанія, все-таки пришлось обзавестись: ибо, будучи учителемъ въ семьѣ Васильчиковыхъ, получалъ частыя приглашенія то на балъ къ князю, то на домашній спектакль. Только уже въ этихъ случаяхъ я и надѣвалъ свой черный, ненавистный мнѣ фракъ. Но все это время я довольствовался и зимою только ваточнымъ толстаго сукна пальто, не думая вовсе баловать себя мѣхами. Мнѣ ни по чемъ стоило сдѣлать большіе переходы, напр., съ Подола прямо въ Корпусъ или въ Лавру. Извощика—никогда. Но, усиленныя занятія въ этотъ необычайно-дѣятельный періодъ моей жизни разстроили мое здоровье, которое стало уже года черезъ три по началѣ службы подвергаться простудѣ. Грудь у меня, впрочемъ, болѣла еще съ Университета. Странная боль, безъ кашлю, ноетъ, томитъ, тяжелитъ, сосетъ точно что̀; такъ разбаливалось, что я, приходя домой и едва подкрѣпившись пищею, бросался въ постель и безмолвно пролеживалъ въ ней довольно, пока пересиливалъ эту томительную боль въ груди *). Къ этому стали присоединяться и простуды. Разъ я простудилъ горло, отъ горла вся шея стала болѣть, въ горлѣ деретъ, лишь стану говорить; урокъ дать было для меня мука: слюна такъ и валитъ, щекочетъ въ гортани. Это во время Н. И.

*) Доктора совѣтовали мнѣ гулять побольше у берега Днѣпра, вдыхая водяные пары. И я бывало по цѣлымъ днямъ проводилъ у Днѣпра. Совѣтовали вмѣсто чаю завтракать грушами. Такъ и дѣлалъ: уходя съ ранняго утра на берегъ Днѣпра, я запасался грушами и съѣдалъ ихъ по десятку. Совѣтовали подниматься на гору и тамъ оставаться подолгу, на совершенно чистомъ воздухѣ, и это я дѣлалъ. Гора Флоровская подъ бокомъ. Взойду и провожу здѣсь бывало цѣлые часы. Сюда порой моя матушка не разъ приносила мнѣ то завтракъ, то въ полдникъ грушу или что либо молочное. Хорошо помню, что здѣсь, гуляя на горѣ, я съ увлеченіемъ прочитывалъ статью: „Генрихъ Песталоцци“ въ Ж. М. Н. Просв., гдѣ такими яркими красками представленъ этотъ мужъ непоколебимой воли и сердца, пламенно любившій дѣтей... Обаятельное на меня дѣйствіе производило это чтеніе! Образъ этого героя добра влекъ меня къ себѣ.

Библиотека "Руниверс"

Пирогова. Я пошелъ къ нему. Онъ прописалъ мнѣ порошки. Помогло... Но вскорѣ стала мучительно болѣть шея. Болѣе двухъ недѣль я просидѣлъ дома, и съ той только поры я сталъ употреблять шарфъ, и безъ него уже ни шагу съ наступленіемъ холоднаго времени до лѣта .. Но худшее еще было впереди. Въ 1861 году, проводя вакацію въ Голосѣевѣ, я купался въ тамошнемъ пруду, купался усердно, по два раза, иногда даже по три раза. Было 20-го Іюля, день сырой, дождливый. Я все таки, покупавшись утромъ, пошелъ купаться и послѣ обѣда; шелъ дождь, вѣтрено было. Въ водѣ, чтобы согрѣться, я старался дѣлать усиленныя движенія. Пришедъ домой, я вскорѣ почувствовалъ сильную боль въ груди. Въ тотъ день или на другой была баня для митрополита. Поздно вечеромъ я пошелъ въ баню и здѣсь, по чьему-то умному совѣту, а своего ума, какъ видно, тогда не имѣлъ, вытеръ грудь перцовкою. Не зналъ, какъ переночевалъ. Не дождавшись конца вакаціи (тогда уже съ 1-го Августа), я 24-го Іюля возвратился въ Кіевъ, и на другой же день открылась у меня кровь горломъ. По назначенію одного Подольскаго врача, къ которому ходилъ на домъ, я пилъ микстуру, отъ чего кровь перестала показываться. Но 1-го Августа нужно было идти въ Университетъ на пріемныя испытанія, тогда по распоряженію Пирогова производившіяся учителями Гимназіи для посторонннхъ лицъ, не бывшихъ въ гимназіяхъ. Такихъ было множество, полная первая громадная аудиторія. Нужно было, возвышая сильно голосъ, съ большимъ напряженіемъ диктовать въ этой наибольшей во всемъ Университетѣ аудиторіи. А послѣ диктовки еще пришлось экзаменовать. Пришелъ домой около $3^1/_2$ часовъ, и лишь сдѣлалъ шагъ въ комнату, какъ польется кровь, тазъ подставили. Но 4 или 5-го Августа опять пришлось идти въ корпусъ съ Подола за полученіемъ жалованья (тогда по третямъ выдавалось). Былъ жаркій страшно день. Не успѣлъ вернуться, какъ опять и еще сильнѣе полилась кровь. Ровно два мѣсяца я пролежалъ въ постели, не выходя изъ квартиры. Доброе семейство Давыдовыхъ прислало ко мнѣ, узнавъ о моей болѣзни, своего домашняго врача, профессора *Сергія Петровича Алферьева*. Онъ подробно освидѣтельствовалъ и нашелъ, что не столько расширена у меня грудь, сколько въ моемъ кровотеченіи обнаружился геморой, которымъ, дѣйствительно, я сталъ къ тому времени страдать.

Алферьевъ удивился неудобству занимаемой нами квартиры въ гигіеническомъ отношеніи и настоятельно совѣтовалъ перемѣнить квартиру и, оставивъ Подолъ, переселиться въ верхнюю часть города. Дѣйствительно, воздухъ на нашемъ дворѣ и возлѣ былъ крайне неблагорастворенъ. На дворѣ монастырской гостинницы постоянно оста-

Библиотека "Руниверс"

навливались подводы съ лошадьми богомольцевъ, масса богомольцевъ здѣсь ночевала, отхожихъ мѣстъ хорошихъ вовсе не было; вблизи гора и тутъ же уличное, естественное, такъ сказать, отхожее мѣсто для всей этой многолюдной толпы богомольцевъ. Воздухъ стоялъ предурной. Пробившись два мѣсяца, я уже долженъ былъ отказаться отъ лишнихъ уроковъ въ Корпусѣ, вообще къ этому времени мои частные уроки значительно сократились; остались только въ Корпусѣ, но уже только около 7 или 8, да у князя Васильчикова. Уже сталъ я ѣздить въ Гимназію и даже домой на извозчикѣ. Перемѣнять квартиру къ зимѣ нельзя было, и мы рѣшили перезимовать и уже въ будущемъ 1862 году года непремѣнно нанять квартиру въ верхней части города. Для насъ, отъ рожденій Подолянъ, для матушки особенно, любившей храмъ Божій, гдѣ она ежедневно продолжала бывать и утреню и вечерню, оставить Подолъ, оставить его благоговѣйно совершаемое богослуженіе въ храмахъ Академіи и Семинаріи, съ ихъ стройными хорами пѣвчихъ, для меня съ сестрою оставить мѣсто, гдѣ протекли наше дѣтство и большая часть юности, было великимъ подвигомъ и страшнымъ дѣломъ. Да и средства наши были еще очень не велики, несмотря на значительную поддержку частныхъ уроковъ. Положительно страшила насъ мысль покинуть нашъ тихій, мирный уголокъ, гдѣ мы прожили 9 лѣтъ въ невозмутимомъ покоѣ, гдѣ такъ все дышало внутреннимъ миромъ и счастіемъ, страшила мысль перейти въ совершенно чужой намъ кругъ людей. Здѣсь-то все это время моего учительства у матушки были искреннія сердечныя знакомства въ Флоровскомъ монастырѣ; у меня не переводились добрыя знакомства въ Академіи: съ ректоромъ ея о. *Іоанникіемъ* (нынѣ митрополитъ Московскій), съ инспекторомъ, покойнымъ архимандритомъ *Меѳодіемъ*, скончавшимся *3 Іюля 1862 г.*, съ преемникомъ его архимандритомъ *Сильвестромъ*, тогда еще только профессоромъ, нынѣ ректоромъ Академіи, съ профессоромъ *Иваномъ Игнатьевичемъ Малышевскимъ* и *Василіемъ Ѳедоровичемъ Пѣвницкимъ*. Всѣ, словомъ, связи, и нравственныя, и житейскія, привязывали насъ къ Подолу. Но нужно было все это принести въ жертву благоразумію, требовавшему подумать о серьезно разстроившемся моемъ здоровьи, да и о здоровьи сестры моей, которая все это время продолжала по прежнему серьезно недомогать малокровіемъ и другими недугами, такъ что вынуждена была въ 1860 году съ ранняго лѣта поселиться съ нашею доброю знакомою (женою протоіерея Дашкевича) въ Голосѣевѣ, гдѣ и прожила все лѣто, что ее значительно подкрѣпило. И мы рѣшили съ наступленіемъ лѣтняго времени перейти поближе къ Гимназіи. Средства мои теперь, хотя и незначительно, все же увеличились. *Съ 21-го Января 1861 года* я опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ и сталъ по-

Библиотека "Руниверс"

лучать нѣсколько высшій окладъ жалованья. А съ 1862 года жалованье еще болѣе увеличилось, вслѣдствіе вообще увеличенія жалованья учителямъ гимназій до 900 рублей. Къ этому времени попечитель Пироговъ былъ переведенъ въ Одессу, а вновь назначенный на его мѣсто баронъ де-Витте, поселившійся на короткое время въ попечительской квартирѣ въ Гимназіи, вскорѣ оставилъ ее, нашедши ее очень неспокойною по слабому здоровью своей жены. Такимъ образомъ, открылась обширная квартира въ самой Гимназіи, которую тогдашній директоръ гимназіи *Александръ Карловичъ Деленъ* рѣшился предоставить въ пользованіе двумъ семействамъ изъ преподавателей Гимназіи и еще семейству окружного инспектора *Михаила Ивановича Тулова*. Я особенно усердно просилъ директора дозволить мнѣ помѣститься въ Гимназіи, на что и получилъ согласіе; другой же въ сосѣдствѣ со мною поселившійся былъ преподаватель словесности *Василій Ивановичъ Лучицкій*. Въ Сентябрѣ 1862 года мы перешли въ нашу новую квартиру.

Съ грустью я оставлялъ тотъ мирный, тѣсный уголокъ, гдѣ протекла моя почти вся студенческая трудовая жизнь, исполненная для меня такихъ дорогихъ воспоминаній. Среди скорбей и всяческихъ лишеній, выпавшихъ на долю нашей сиротствующей семьѣ, какъ ощутительно являлась намъ благодѣющая рука Божья въ разнообразномъ попеченіи о насъ! Какъ настраивалась здѣсь душа любить Бога и въ этой святой любви находить жизнь для себя и высочайшее наслажденіе! Какими порывами духа воспитывался я здѣсь, въ этой скромной обстановкѣ, къ жизни для блага ближнихъ! И сколько, о сколько было въ моей юношеской жизни здѣсь незабвенныхъ часовъ высокаго восторга и религіознаго воодушевленія!

Здѣсь отдыхалъ я душою и отъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыми такъ щедро дарила меня моя служба въ Гимназіи въ пору попечительства Пирогова, отъ тѣхъ нравственныхъ огорченій, которыя систематически-разсчитанно готовилъ мнѣ въ эту несчастную пору каждый часъ моего пребыванія въ Гимназіи при исполненіи моихъ обязанностей. Здѣсь, большею частью стоя у комода, я писалъ (и записывался далеко за полночь) свои первыя сочиненія, выше исчисленныя, и жилъ, о какою богатою жизнью духа, углубляясь въ это царство гармоніи, мира и истины. Словомъ, здѣсь девять лѣтъ жилось такою роскошною, богатою жизнью духа, что воспоминаній объ этомъ періодѣ самыхъ подробныхъ, будь они записываемы, стало бы на всю дальнѣйшую жизнь.

Здѣсь же, никогда не забуду я этого, Богъ приготовлялъ меня Своими чудными откровеніями въ моей будущей судьбѣ. Разъ снился

Библиотека "Руниверс"

мнѣ сонъ: у св. иконы я привѣшивалъ дорогую лампадку съ тремя стаканчиками, затеплилъ ихъ всѣ и молился предъ св. иконою горячо. Проснувшись, я ни сестрѣ, ни матушкѣ не сказалъ о снѣ; но самъ въ себѣ я растолковалъ его такъ: это Богъ открываетъ мнѣ, что я останусь одинъ въ мірѣ и буду молиться за всѣхъ изъ моей милой семьи, которые, по судьбамъ Божьимъ, должны раньше меня оставить этотъ міръ. Такъ и было. Похоронивъ отца, я послѣдовательно похоронилъ матушку и сестру, и теперь долженъ приносить о нихъ горячія молитвы къ Богу, о нихъ, такъ любовно, съ такимъ попеченіемъ заботившихся о моей жизни. Здѣсь же я видѣлъ и другой сонъ. Я всхожу на корабль и отплываю съ нимъ отъ берега, и оказывается, что я главный распорядитель и управитель этого огромнаго судна, плывущаго теперь уже на широкомъ просторѣ водъ. Не исполнился ли и не исполняется ли и нынѣ этотъ многознаменательный сонъ, когда я стою во главѣ цѣлаго учебнаго заведенія и веду его, какъ его главный управитель? Да, здѣсь, еще въ 1861 году, я уже предавался мечтамъ объ учительскихъ институтахъ (такъ думали прежде назвать заведенія для приготовленія сельскихъ учителей), уже писалъ подробныя записки объ устройствѣ этихъ учебныхъ заведеній, горѣлъ желаніемъ посвятить себя на служеніе народу въ лицѣ приготовляемыхъ для него учителей; здѣсь уже сознательно, средп воздымавшихся волнъ душевнаго боренія, я принесъ въ жертву этой, овладѣвшей моимъ духомъ, идеѣ самыя дорогія и чистыя земныя привязанности и влеченія, которыя, какъ они ни были дороги, чисты и благородны, но (я это видѣлъ ясно) могли бы очень помѣшать мнѣ остаться тѣмъ, чѣмъ я былъ доселѣ и чѣмъ считалъ для себя обязательнымъ, въ силу моего внутреннѣйшаго стремленія, и остаться. Здѣсь, такимъ образомъ, полагалось начало, опредѣлялся путь, установился характеръ, ясно намѣчались цѣли всей дальнѣйшей моей жизни, всей моей жизненной судьбы.

И съ этимъ тихимъ пріютомъ блаженной юности я разстался въ Сентябрѣ 1862 года. Когда я послѣ того проходилъ въ Флоровскій монастырь мимо этого нашего жилища, когда и теперь, бывая въ Кіевѣ, прохожу мимо него, я впиваюсь глазами въ эти три окошечка мезонина и сердечно молю Господа принять мою благодарную молитву за Его великія милости, явленныя мнѣ и нашей семьѣ въ этомъ мѣстечкѣ. «Кто Богъ великій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса!» я говорю невольно, поднимая взоръ свой къ этимъ незабвеннымъ для меня окошечкамъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ новое свое жилище я имѣлъ утѣшеніе внести уже порядочную библіотеку, составившуюся у меня въ этотъ же первый періодъ моей службы. Я не жалѣлъ денегъ на книги, и изъ средствъ, которыя пріобрѣталъ отъ частныхъ уроковъ, немного у меня оставалось собственно про запасъ. Въ это время мною пріобрѣтены сочиненія: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго, Батюшкова, Козлова, Кольцова, Грибоѣдова, Записки Охотника, почти всѣ имѣющіяся въ моей библіотекѣ Французскія книги. Отъ Давыдовыхъ получилъ я въ это же время въ даръ полное собраніе сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго 6 т., собраніе сочиненій Шатобріана (иллюстр.), Du perfectionnement moral Degérando. Библіотекарь Кадетскаго Корпуса безплатно снабдилъ меня «Журналомъ для дѣтей» съ 1858 по 1863 годъ, въ мою собственность, книгою Разина «Міръ Божій». Библіотекарь пансіона первой Гимназіи тоже передалъ въ мою собственность «Журналъ для дѣтей» съ 1855 года по 1857 годъ. Въ это же время я пріобрѣлъ «Творенія св. отцевъ» за 11 лѣтъ, Слова св. Іоанна Златоустаго на Евангелиста Матѳея и на посланіе къ Римлянамъ, Записки на книгу Бытія, Училище благочестія и много другихъ книгъ. Никогда послѣ уже я не употреблялъ столько денегъ на книги, какъ въ это золотое время моей жизни, когда я вовсе не думалъ о будущемъ, вовсе не хлопоталъ собрать что-либо про запасъ, безраздѣльно отдаваясь въ своихъ мысляхъ единому удовлетворенію высшихъ стремленій любящаго сердца.

Съ грустью я покидалъ свое жилище на Подолѣ, гдѣ душа моя жила такою полною, цѣлостною жизнію, и грусть моя еще болѣе усиливалась отъ сознанія, что есть кое-что, за что я долженъ и упрекнуть себя въ это незабвенное время моей жизни. Я говорилъ уже, что за это кипучее время, живя въ семьѣ, собственно я мало жилъ для семьи, мало дѣлилъ свои досуги въ общеніи семейной жизни, ибо досуговъ у меня и не было почти вовсе, мало разговаривалъ даже съ матушкою и сестрою. Только ихъ неизсякаемая любовь могла прощать мнѣ это мимовольное отчужденіе въ моихъ отношеніяхъ къ себѣ. И я никогда не слышалъ упрека отъ нихъ. Покорно подчинялись онѣ этой необходимости и дорожили моимъ покоемъ, въ которомъ я такъ нуждался.

Даже вакаціонное время мое не сближало меня съ семьею. Только въ 1857 году я проводилъ вакацію въ городѣ, съ 1858 же года за весь этотъ періодъ жизни моей на Подолѣ постоянно вакацію проводилъ я въ пустынѣ *Голосѣевѣ*, покидая семью на цѣлый мѣсяцъ, иногда и болѣе. О милый мой, незабвенный Голосѣевъ! Какимъ благомъ отъ Бога былъ для меня ты! Тутъ освѣжались и укрѣплялись мои тѣлесныя силы; тутъ крѣпились и мои духовныя силы въ полномъ уединеніи

Библиотека "Руниверс"

среди прелестнѣйшей мѣстности. Еще съ дѣтства, какъ я уже разсказалъ выше, я нерѣдко проводилъ здѣсь дни съ матушкою, посѣщавшею съ нами схимниковъ Ѳеофила и Парѳенія. Будучи уже студентомъ, тоже я былъ здѣсь съ матушкой въ 1853 году, когда матушка моя здѣсь схватила и горячку себѣ, какъ о томъ выше разсказано. По окончаніи Университета, послѣ подачи прошенія Ребиндеру объ опредѣленіи на должность, я здѣсь провелъ нѣсколько дней, между прочимъ и 15-ое Іюля, въ самомъ монастырѣ вмѣстѣ съ студентомъ Академіи іеромонахомъ Кирилломъ, о которомъ выше сказано. Въ это время я удостоился быть допущеннымъ къ митрополиту Филарету, который припомнилъ мою фамилію, ровно годъ тому назадъ слышанную имъ на актѣ Университета, когда меня вызывали получить медаль за сочиненіе и когда онъ меня пожелалъ видѣть. Узнавъ, что я посвящаю себя учительству, онъ вынесъ мнѣ св. икону финифтевую и съ сердечнымъ участіемъ призвалъ на меня Божье благословеніе. Съ того времени завязались у меня кое съ кѣмъ изъ братіи пустыни знакомства. Въ 1858 году я попыталъ счастія, нельзя ли мнѣ прожить здѣсь мѣсяцъ вакацій. Нужно было обратиться за дозволеніемъ къ начальнику пустыни, іеросхимонаху Моисею, человѣку суровому, мало разговорчивому. Однако я рѣшился просить его, и къ моей радости, онъ позволилъ мнѣ занять одну оказавшуюся тогда свободною келію подлѣ холодной церкви. Тутъ же другую, пообширнѣе, занимали студенты Академіи Сербы, іеромонахъ Моисей, священникъ Николай и еще два нашихъ Русскихъ студента: Лебединскій и Дмитрій Захарьинъ. Весело и беззаботно въ ихъ обществѣ я провелъ здѣсь мѣсяцъ. Вмѣстѣ обѣдали въ братской трапезѣ и гуляли по лѣсу. Такъ какъ я не имѣлъ, кромѣ трапезнаго, другого содержанія; то иногда, готовя самъ себѣ въ своей келіи молочную манную кашицу, угощалъ ею и своихъ сосѣдей. Былъ я тутъ и на послушаніи. Въ это время перебирался изъ одного помѣщенія въ другое начальникъ пустыни. Онъ и меня привлекъ къ переноскѣ, и я вмѣстѣ съ послушниками помогалъ. Побывавъ въ церкви и напившись чаю, я уходилъ обыкновенно въ лѣсъ или садъ монастырскій, и тутъ почти весь день проводилъ на свѣжемъ воздухѣ. Незамѣтно прошелъ для меня этотъ мѣсяцъ, и 27-го Іюля я возвратился домой, найдя мою квартиру всю убранную цвѣтами, радующую своею чистотою и удобствомъ. Послѣ тѣсной келейки моя квартира показалась такою роскошью, исполненною такой красоты! И однако, сердце мое тосковало по Голосѣевѣ, по его чудной природѣ, по его невозмутимой тишинѣ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія новыхъ вакацій, чтобы спѣшить сюда, подъ кровъ св. обители, и здѣсь съ наслажденіемъ предавался полнѣйшему уединенію среди тишины

Библиотека "Руниверс"

лѣса и монастырскаго парка. Стремленіе къ монастырю еще съ лѣтъ отрочества, уступившее мѣсто въ пору Гимназіи и Университета болѣе сознательному отношенію къ закону религіозной жизни, все же не ослабѣло въ душѣ моей настолько, чтобы міръ иночества сталъ для меня чѣмъ-то чужимъ; напротивъ, я всегда находился подъ вліяніемъ строя монастырской жизни, жилъ съ дѣтства въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ монастырями, то съ Братскимъ, то съ Флоровскимъ, даже въ гостинницѣ этого послѣдняго; весьма часто посѣщалъ Лавру, питая душу свою чуднымъ богослужебнымъ чиномъ въ обители, ея умилительнымъ пѣніемъ; имѣлъ здѣсь непрерывно добрыя знакомства, поддерживавшія во мнѣ глубокое уваженіе къ иночеству; преимущественно любилъ слушать службу Божью въ монастыряхъ; здѣсь и говѣлъ въ пору студенчества почти каждый постъ; этому св. обычаю я оставался вѣрнымъ и во весь періодъ жизни на Подолѣ до 1862 года, уже будучи учителемъ. Монастырю я былъ свой человѣкъ съ дѣтства. Оттого и Голосѣевъ влекъ меня къ себѣ неотразимо и далъ мнѣ за эти годы столько духовнаго счастія, столько пролилъ мира въ мою душу, столько счастливѣйшихъ, сладостнѣйшихъ ощущеній испытало мое сердце въ его чудной тишинѣ, что въ теченіе года, предаваясь кипучей дѣятельности и уставая отъ нея чрезмѣрно, я только и мечталъ о днѣ, когда буду имѣть счастіе увидѣть свой родной мнѣ по духу Голосѣевъ. Здѣсь я провелъ вакаціи 1859 г., когда имѣлъ здѣсь же счастіе познакомиться и съ Елисаветою Алексѣевною Кублицкою, 1860 и 1861 г. все лѣто въ самомъ монастырѣ, а въ 1862 году уже провели со мною лѣто здѣсь матушка и сестра въ хатѣ одного изъ монастырскихъ рабочихъ. Хорошо было мнѣ здѣсь и въ 1862 году; но, живя внѣ монастыря, хотя и вблизи его, я уже не могъ предаваться всецѣло тому обаянію тишины и безмолвія, какое охватывало мой духъ въ годы моего пребыванія въ самомъ монастырѣ. Здѣсь я былъ господинъ своего времени, и не только днемъ, но до глубокой почи могъ бродить по саду и монастырю, вдыхая въ себя, такъ сказать, духъ этого внутренняго мира, этого истиннаго счастія. А душа этого-то и жаждала; ей нужна была сила, въ это время особенно, которая поднимала бы ее въ область свободы, возносила горѣ, учила «горняя мудрствовать, а не земная»; ей нужна была чрезвычайная помощь благодати Божьей, и здѣсь я находилъ ее въ обиліи.

День свой начиналъ я ежедневно молитвою въ храмѣ Божьемъ, предъ св. иконою Божьей Матери, предавая Ей свою жизнь и близкихъ моему сердцу, въ храмѣ же и подлѣ храма и оканчивалъ свой день. Да, здѣсь всюду былъ раскинутъ нерукотворный храмъ Бо-

Библиотека "Руниверс"

жій. Гуляю въ саду — проходитъ монахъ, читаетъ Псалтырь; иду на другую дорожку — сюда черезъ оврагъ со стороны пасѣки доносится горячая молитва молодого пасѣчника на служеніи: «Царица моя преблагая, надежде моя, Богородица!»; тамъ монахъ работаетъ въ саду и поетъ священную пѣснь. Гуляешь въ саду во время службы, издали слышишь умилительное пѣніе церковное, отчетливо разливающееся въ чистѣйшемъ воздухѣ пустыни и ее окружающихъ садовъ. И самому хочется молиться и плакать отъ притока святыхъ чувствъ. И я горячо молился въ этомъ мѣстѣ молитвы. Въ ожиданіи воскресной обѣдни, подъ звуки благовѣста, я имѣлъ обычай, оставаясь въ саду, прочитывать акаѳистъ Воскресенію Христову, тогда впервыя напечатанный при «Странникѣ», кажется, или въ «Духовной Бесѣдѣ». А когда зайдетъ солнце, и спустится на землю чарующая своею прелестью ночь теплая, ласкающая, въ этой невыразимой тишинѣ я много, много разъ обойду кругомъ церкви монастыря, въ молитвенномъ настроеніи, тихо ступая по деревянному помосту; тутъ часто читалъ я свои вечернія молитвы «на сонъ грядущій», повергаясь на колѣни со всѣхъ четырехъ сторонъ св. храма. О, горячо, пламенно молился я тутъ, въ эти незабвенныя минуты моей жизни! Полною грудью я впивалъ въ себя мягкій, теплый воздухъ, а душа моя не знала предѣла своему незапному восторгу въ этой чудной тишинѣ св. храма. Въ день отъѣзда, когда уже подвода съ моими вещами стояла у воротъ монастыря, поджидая моего выхода, я заходилъ въ церковь и здѣсь приносилъ предъ царскими вратами свою послѣднюю молитву, прося Божьяго благословенія на трудъ, Божьей просвѣщающей, вразумляющей благодати и помощи на жизненномъ пути, и изъ дому Божьяго прямо пускался домой, но думалъ не такъ: «здѣсь домъ мой, а теперь я иду изъ него временно дѣло дѣлать, назначенное мнѣ Богомъ до дня возвращенія.» Въ полнотѣ высшаго неземного счастія, чувствуя глубоко Божье благодѣяніе, я повторялъ себѣ, оглядываясь на монастырь: «Аще забуду тебѣ, Іерусалиме, забвена буди десница моя! Аще не помяну тебѣ, аще не предложу яко въ началѣ веселія моего!» «Умереть бы здѣсь!» такъ думалъ я, прощаясь съ моимъ милымъ Голосѣевымъ и приникая мыслію къ концу жизненнаго пути, на который я выходилъ теперь снова, послѣ мѣсяца отдыха и такой плодотворной для жизни подготовки подъ сѣнію св. обители. Съ такимъ настроеніемъ я входилъ въ наше мирное жилище, въ нашъ мірской монастырь, встрѣчаемый ласкою и любовью матушки и сестры, которыя въ 1858—1861 г. изрѣдка навѣщали меня въ моемъ уединеніи, пріѣзжая съ утра на обѣдню и проводя со мною цѣлый день до вечера.

Библиотека "Руниверс"

Періодъ съ 1857 по 1862 г. чрезвычайно богатъ воспоминаніями не только изъ моей личной жизни, но и общественной дѣятельности, моихъ служебныхъ занятій и отношеній. Думаю, каждый изъ пережившихъ эту несчастную пору внутренней жизни Россіи, пору страннѣйшей неурядицы во всемъ, что относилось къ умственной жизни и дѣятельности, сохранилъ немало воспоминаній, которыя могли только въ эту именно пору и зародиться въ душѣ Русскаго человѣка. Это пора, о которой можно бы выразиться: «все подвинулось къ чему-то, оторвавшись отъ стараго порядка, понеслось, понеслось безтолково, кувыркаясь, осклабляясь, плюя на прошлое, мотая головою на волѣ и продѣлывая иногда премерзкія вещи.» Въ это время уже заваривалась каша въ землѣ Русской, начинался хаосъ, повсюду ослаблялись власть и подчиненіе. Въ мірѣ литературномъ, далѣе въ мірѣ учебномъ, скоро оказалось такое замутнѣніе жизни отечества! И я въ это время тоже работалъ, служа своимъ идеаламъ въ этой страшной сумятицѣ, охватывавшей и дѣтскій, т. е. мой исключительный міръ. Настрадался я вдоволь, изныла душа моя!

По переходѣ въ новое зданіе и по окончательномъ водвореніи въ немъ послѣ дворянскаго бала въ честь Государя Императора, о которомъ я выше упоминалъ, учебныя занятія пошли своимъ порядкомъ. За выходомъ въ отставку Любимова, исправляющимъ должность директора Гимназіи былъ до конца учебнаго года Т. И. Пристичъ, а инспекторомъ В. Д. Дабижа. Явились новыя лица и въ составѣ учащихъ. Учитель математики Рощинъ переведенъ въ Петербургъ, т. е. (какъ шелъ слухъ) ему предложили увольниться, замѣтивъ его неблагонадежныя отношенія къ ученикамъ, его вольнодумныя рѣчи и внушенія. На его мѣсто поступилъ изъ Петербурга учителемъ математики *Петрушевскій*, по болѣзни вынужденный оставить Петербургъ; другимъ учителемъ математики опредѣленъ *Паліенко* изъ Чернигова.

Учебныя занятія при Т. И. Пристичѣ шли въ порядкѣ: ученики не баловались, учились прилежно, а кто лѣнивался, Т. И. не скупился такого угощать и розгами, часто посѣщалъ классы, вникалъ въ родъ занятій. Посѣщалъ изрѣдка классы и Н. Р. Ребиндеръ. Разъ, побывавъ на моемъ урокѣ въ 3-мъ, кажется, классѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и поправилъ мою ошибку въ выраженіи. Я сказалъ: говорю *за* волка; онъ исправилъ: «нужно говорить про волка, о волкѣ». Мирно, покойно прошелъ этотъ учебный 1857—1858 годъ, вмѣстѣ съ своимъ предшественникомъ, моимъ первымъ служебнымъ годомъ 1856—1857. За все это время воспоминаніе останавливается на одномъ характерномъ случаѣ. Наступила Пасха 1857 года. Было дано отъ началь-

Библиотека "Руниверс"

ства свѣдѣніе, чтобы собрались на поздравленіе попечителя съ праздникомъ. Къ 9 или 10 часамъ стали собираться въ квартирѣ Н. Р. Ребиндера въ Липкахъ. Въ числѣ поздравляющихъ вижу, священникъ Богдановъ, въ то время временный настоятель университетской церкви, діаконъ и причтъ этой церкви тоже въ передней въ ожиданіи входа въ залу, по докладу о томъ попечителю. Входимъ. Н. Р. Ребиндеръ, тогда еще лютеранинъ, видно не ожидавшій церковнаго привѣта, принимая насъ, суетится, обращается къ дворецкому, вынимаетъ деньги. Это, значитъ, платить причту за поздравленіе! Больно, жутко стало на душѣ. Другихъ отношеній нѣтъ къ священнику и причту, какъ только денежныхъ; другой заботы нѣтъ, какъ только избавиться поскорѣе отъ этого непрошеннаго посѣтителя. О въ какомъ приниженномъ положеніи должны были очутиться священникъ и діаконъ, когда служитель вынесъ имъ *плату* за поздравленіе, точно подачку выпрашивавшему ее нищему! Какое оскорбленіе должны были вынести въ эту минуту передъ лицомъ собравшагося ученаго общества скромные служители церкви, пожелавшіе, конечно, по собственному личному расположенію, поздравить начальника округа отъ лица церкви! Собрались профессора, учители гимназій. Жена Ребиндера*) пригласила всѣхъ въ столовую разговѣться. Столпились у стола; но его роскошное убранство, его обильныя яства тотчасъ стали предметомъ отзывовъ, въ которыхъ проскользнуло неуваженіе къ этому доброму обычаю православной старины. «C'est une coutume patriarchale» слышу я изъ устъ одного профессора. Немногіе стали отвѣдывать настольныхъ яствъ и печеній, другіе такъ только стояли, дополняя собою эту патріархальную картину. Я въ томъ же числѣ.

Ироническій, тонкій отзывъ ученаго мужа, конечно, не особенно былъ пріятенъ добросердечной хозяйкѣ, доброй православной женщинѣ. Несомнѣнно, она имѣла причину пожалѣть, что столько трудовъ и заботъ потрачено съ тѣмъ, чтобы, какъ выходило, показаться предъ ученымъ сословіемъ Кіева людьми патріархальными. Видно Кяхта не Кіевъ, и что въ Кяхтѣ (гдѣ Ребиндеръ былъ до того градоначальникомъ) считается необходимымъ закономъ каждаго православнаго семейства, и простого, и знатнаго, то въ Кіевѣ только «coutume partiarchale». Въ 1858 году уже не было у Ребиндера ничего подобнаго. Но были, какъ я упоминалъ, вечернія собранія нѣсколько разъ, куда приглашались и учители. Не на всѣхъ я бывалъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ одинъ изъ пожилыхъ преподавателей 1-й Гимназіи, *Ѳ. А. Токарскій*, сѣдой и лысый толстякъ, человѣкъ очень почтенный, уже черезчуръ

*) Дочь декабриста князя Трубецкаго и правнука статсъ-секретаря Екатерины Великой Козицкаго.

Библиотека "Руниверс"

усердно плясалъ съ молодежью; усердіе это однако было истолковано не въ пользу стараго плясуна, и онъ получилъ вскорѣ назначеніе инспекторомъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, что для него было сущимъ наказаніемъ, ибо должность учителя математики, которую онъ занималъ дотолѣ, была въ то золотое время доходная должность: онъ имѣлъ у себя пансіонеровъ, давалъ частные уроки ученикамъ за высокую плату. На его-то мѣсто и поступилъ *Паліенко*, о которомъ выше я упомянулъ.

Разъ какъ-то, еще не сблизившись съ моимъ добрымъ Григоріемъ Ѳомичемъ Постоловскимъ (см. выше), я заночевалъ послѣ одного изъ такихъ вечеровъ, которые въ то время устраивались для учениковъ на праздникахъ Рождества Христова, у жившаго въ то время въ гимназіи *Петрушевскаго*. Тамъ же, вмѣстѣ съ нимъ, жилъ и другой учитель, *Должиковъ*, оба холостые, занимали по комнатѣ и помѣщались въ зданіи по должности воспитателей, которую занимали. Тогда, не помню уже, по чьей волѣ, къ занятію должностей воспитателей, въ видахъ поднятія значенія воспитателя во мнѣніи учениковъ и также въ видахъ возвышенія нравственнаго вліянія на учениковъ пансіона, приглашались преподаватели, и изъявили на то согласіе: Должиковъ, Петрушевскій, немного позже *Паліенко* и *Ростовцевъ* (послѣдній раньше поѣздки своей за границу съ ученою цѣлью). Вотъ у Петрушевскаго съ Должиковымъ я и заночевалъ, боясь поздною ночью возвращаться на Подолъ. Пришли. *Петрушевскій* тотчасъ же раздѣлся, легъ въ постель и, уже лежа въ постели, съѣлъ принесенный имъ съ вечера апельсинъ. Должиковъ тутъ же предо мною, нисколько не стѣсняясь посторонняго человѣка, сбросилъ рубаху, надѣлъ ночную. Для меня, воспитаннаго въ строгихъ правилахъ православно-церковной жизни, впервыя представился случай вблизи наблюдать людей, жившихъ въ иномъ духѣ, внѣ законовъ православнаго семейнаго чина. Безъ молитвы вечерней, безъ знаменія креста, улегшись ѣсть апельсинъ и тутъ же отойти ко сну: видѣть это въ наставникѣ юношества было крайне больно. Не менѣе поражала меня свобода и нестѣсненность обращенія: сбрасывать рубашку предъ постороннимъ человѣкомъ, хотя можно было легко сдѣлать это въ другой комнатѣ, тутъ сказалось для меня и неуваженіе къ гостю, предъ которымъ хозяинъ не чинится, и развязность отношеній, которая обнаруживала вообще слабую степень наблюденія за собою. То-то, я думалъ, получить воспитаніе въ казармѣ на казенный счетъ: и стыдъ притупляется! И я сердечно благодарилъ Бога за благо семейнаго воспитанія, которое спасло меня отъ многаго такого, чего истинная благовоспитанность ни допустить, ни извинить не можетъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ наступленіемъ 1858—1859 учебнаго года я вдругъ лишился двухъ добрыхъ и незабвенныхъ моихъ благотворителей. Н. Р. Ребиндеръ, какъ я писалъ выше, былъ переведенъ въ Одессу, а на его мѣсто назначенъ Н. И. Пироговъ; но еще прежде Т. И. Пристичъ тоже оставилъ 1-ую Гимназію и былъ назначенъ директоромъ Немировской гимназіи. Сердечно простившись съ тѣмъ и другимъ, память о которыхъ незабвенна для меня навсегда, я остался одинъ-одинешенекъ между людьми, съ которыми я не имѣлъ ничего общаго ни по образу жизни, ни по взглядамъ и убѣжденіямъ, свидѣтельство чему приведено выше. Я стоялъ среди моихъ сослуживцевъ особнякомъ и нынѣ, какъ и въ первый день моей службы. Мѣсто директора еще Н. Р. Ребиндеромъ было предоставлено профессору Университета, А. К. Деллену, инспекторомъ при которомъ продолжалъ оставаться еще около году *В. Д. Дабижа.* Александръ Карловичъ уже зналъ меня съ поры моего студенчества, и мнѣ отрадно было думать, что новый начальникъ, примѣрно-порядочный, именно поддержитъ строгій порядокъ въ заведеніи, какимъ онъ соблюдался при Т. И. Пристичѣ. Но прибылъ Н. И. Пироговъ, и съ нимъ постигло нашу Гимназію величайшее бѣдствіе; да, я думаю, и всѣ учебныя заведенія округа. Роковое положеніе человѣка, думающаго творить добро и творящаго мимовольно зло. И это положеніе всего попечительства Пирогова. Несомнѣнно, онъ хотѣлъ одного только добра, но выходило противоположное: зло, величайшее зло.

Сразу онъ поднялъ все на ноги. Образовались педагогическіе совѣты при участіи всѣхъ преподавателей съ правомъ голоса. Оживилась учебная и литературная дѣятельность преподавателя: въ циркулярахъ по управленію округомъ стали печататься разныя мнѣнія, сужденія, и др. работы преподавателей; обращено было вниманіе на усиленіе учебной части; воспитательная часть совершенно переворочена, уничтожены тѣлесныя наказанія; опредѣлены строгія степени наказаній и взысканій и строгая послѣдовательность, введена своего рода отчетность въ системѣ взысканій: за что какое наказаніе можетъ или не можетъ быть назначено. Учащіеся привлекались къ самостоятельнымъ работамъ, къ сочиненіямъ для чтенія на литературныхъ бесѣдахъ, Пироговымъ же учрежденныхъ по воскреснымъ днямъ. Для поднятія уровня образованія учителей учреждены *кандидаты-педагоги*, которые, по окончаніи Университета, должны были извѣстное время (не помню, два или три года) пристроиться къ той или другой Гимназіи, присутствовать на урокахъ преподавателей и самимъ, въ случаѣ надобности, давать уроки. Учреждены конкурсы для занятія учительскихъ должностей. Эти кандидаты-педагоги, да и всѣ желавшіе занять должность учителей,

Библиотека "Руниверс"

должны были дать въ присутствіи многочисленнаго комитета, съ попечителемъ во главѣ, пробный урокъ въ одной изъ Кіевскихъ гимназій. Словомъ, поднялась такая кипучая дѣятельность въ округѣ, какой едва ли когда и занятъ былъ до того учебный міръ нашъ. Но одновременно съ симъ развилась и такая распущенность въ дисциплинарномъ отношеніи, какой тоже, уже вѣрно можно сказать, дотолѣ не видалъ учебный міръ. Дисциплина страшно упала. Учитель не въ правѣ былъ наказать ученика, да и не учитель только, а инспекторъ и директоръ, не подведши сначала его проступка подъ ту или другую установленную ступень проступковъ; онъ могъ сначала только прибѣгнуть къ выговору, потомъ къ выговору же усиленному, и т. д., пока доберется до болѣе чувствительнаго взысканія. За проступки опять могли назначаться только избранныя и указанныя взысканія. Словомъ, воцарились такая строгая *законность* на бумагѣ и *беззаконіе* въ жизни заведеній, что законъ вовсе пересталъ быть закономъ. Таблица проступковъ и взысканій представляла такую законно-строгую регламентацію, предъ которой оказывались безсильны или вѣрнѣе безпомощны опытные педагоги. Бѣда была въ томъ, что таблица эта не могла изобразить и развить по отдѣламъ всѣ виды проступковъ до послѣдней мелочи. Обнаруживались проступки далеко не предусмотрѣнные ни совѣтами гимназій, ни самимъ организаторомъ всей этой регламентированной путаницы, и нельзя было подъ страхомъ отвѣтственности судить и наказывать этотъ ново-явленный проступокъ, какъ подведши его насильно подъ ближайшій къ нему по существу. Школа обратилась въ судилище, гдѣ законъ сталъ на мѣсто воспитательнаго вліянія и сердечныхъ искреннихъ отношеній. И это сразу, вдругъ почуяли мальчуганы; сразу вдругъ все дурное, исковерканное домашнимъ воспитаніямъ, испорченное разнородными вліяніями, все вдругъ подняло голову, окрѣпло, зашумѣло, заволновалось, прихватило черезъ верхъ распущенности. И дисциплина школы вдругъ до нельзя упала. Дошло дѣло до того, что ученики уже прямо къ попечителю стали ходить съ жалобою на директора; на бѣднаго же, безгласнаго учителя уже и не обращали вниманія: ибо они вдругъ сообразили, что̀ онъ имъ можетъ сдѣлать, когда и совѣтъ долженъ еще поломать голову, что̀ подвести подъ извѣстный разрядъ проступокъ мальчугана, прежде чѣмъ назначить ему какое нибудь самое ничтожное наказаніе. На бѣду, при подобномъ, понятно непредвидѣнномъ самимъ Пироговымъ, разрѣшеніи въ жизни его геніальныхъ преобразованій, не было (что касается нашей Гимназіи) никакого противовѣса этому печальному направленію отуманенной призракомъ свободы и законности мысли учениковъ, ни въ директорѣ, ни въ инспекторѣ гимназіи. А. К. Деллень, прекраснѣйшій, добрѣйшій

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ, былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ нѣженъ, чтобы поддержать авторитетъ власти въ заведеніи. В. Д. Дабижа, инспекторъ, тоже прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, былъ слишкомъ высокъ по своему княжескому положенію, слишкомъ аристократъ, чтобы унижаться до мелочей школьной обыденности, чтобы досматриваться до этихъ мелочей и заниматься ими серьезно-самоотверженно. Да вскорѣ онъ получилъ новое назначеніе въ Одесскомъ учебномъ Округѣ, мѣсто окружного инспектора, и на его мѣсто Пироговъ выписалъ своего новаго инспектора изъ Чернигова, *А. Ѳ. Андріяшева*, котораго въ лицо не зналъ, но который передъ тѣмъ помѣстилъ въ циркулярѣ по округу нѣсколько своихъ мнѣній по воспитательной части, пришедшихъ какъ разъ по вкусу Пирогову. Пироговъ узрѣлъ въ немъ призваннаго педагога, и мы получили въ 1859-мъ году новаго инспектора. При немъ дисциплина школьная уже окончательно упала. Трудно изобразить, что̀ представляло тогда нѣкогда столь благоустроенное учебное заведеніе, какимъ была Гимназія еще за годъ съ небольшимъ при Т. И. Пристичѣ!.

Нельзя было узнать 1-ой образцовой по порядку Гимназіи!... Въ перемѣны между уроками коридоръ представлялъ безпорядочную массу шалуновъ, бѣгающихъ, наскакивающихъ на идущаго учителя. Бьетъ звонокъ, никто и не думаетъ идти въ классъ; бьетъ второй, послѣдній, нужно, чтобы надзиратели загоняли учениковъ низшихъ классовъ, а высшихъ просили идти въ классъ. Здѣсь шумъ, шалости, стукъ, скачки. Даже во время урока не было для неспокойныхъ, грубыхъ и шаловливыхъ ничего, что̀ сдержало бы ихъ. Учитель жалуется инспектору, т. е. Андріяшеву, на непорядокъ, на непослушаніе; онъ въ отвѣтъ: «учитель не имѣетъ должнаго нравственнаго вліянія на учениковъ, не имѣетъ въ ихъ глазахъ авторитета, самъ и виноватъ!» И никакой мѣры къ обузданію классныхъ шалостей и выходокъ, которыя отъ такого отношенія инспектора растутъ все болѣе и болѣе и доходятъ до безобразій. Развитію такого страшнаго безпорядка въ школѣ много содѣйствовали сами учителя. Вмѣсто того, чтобы со вторымъ звонкомъ имъ отправляться въ классы, они продолжали спокойно бесѣдовать въ учительской, или, собравшись въ канцеляріи, курили здѣсь; такъ проходило до 5, до 10 даже минутъ, и тогда учителя медленно расходились по классамъ, давъ ученикамъ время вдоволь нашалиться въ ожиданіи ихъ прихода. Такъ поступало большинство; въ числѣ же ничтожнаго меньшинства, исправно по звонку входившаго въ классы, былъ и я: всегда, лишь звонокъ пробилъ, я входилъ въ классъ, въ то время, какъ въ обоихъ сосѣднихъ классахъ шла возня, шумъ, крикъ, визгъ. Первыя 10 минутъ пропадали для занятій. Эта

Библиотека "Руниверс"

моя исправность, какъ и вообще строгая требовательность къ ученикамъ, столь тяжелыя для распустившихся изъ нихъ, были причиною, что въ это безпорядочной средѣ находилось немало враждебно ко мнѣ расположенныхъ, и, не чуя надъ собою никакой власти, эти негодяи творили со мною, что̀ хотѣли. Лишь только я войду въ классъ, какъ изъ сосѣднихъ двухъ классовъ, съ обѣихъ сторонъ, поднимается стукъ въ двери съ завываньемъ. Вотъ, съ приходомъ учителей, тамъ водворяется тишина; тогда въ моемъ классѣ, на задней скамьѣ или гдѣ посреднѣ, вдругъ начинается топотъ ногами. Подхожу, прекращается; отойду, опять поднимается. Разъ, былъ мой послѣдній урокъ въ 1-мъ классѣ; а передъ моимъ урокомъ, урокъ чистописанія; учитель, слабый старичекъ Бѣляевъ; ученики на свободѣ стали приготовлять классъ къ моему приходу и облѣпили положительно весь потолокъ чертиками изъ черной смоченной и въ комки свитой бумаги. И какъ разъ на этотъ урокъ пришелъ Пироговъ. Осмотрѣлъ потолокъ, но просидѣлъ почти весь урокъ, молча, строго насупившись. Однако плодъ его посѣщенія сказался на другой же день. Директоръ А. К. Деллень, не разсчитывая на Андріяшева, самъ вошелъ въ классъ, сдѣлалъ строгій выговоръ классу и наблюденіе за порядкомъ класса поручилъ отъявленнымъ негодяямъ, во главѣ которыхъ стоялъ нѣкто Павловъ, выбралъ изъ нихъ безпорядочныхъ до шести и пригрозилъ имъ отвѣтственностью за каждую шалость, за каждое нарушеніе порядка.

И этой мѣры уже достаточно было, чтобы эти безобразія прекратились. Въ другомъ классѣ, 5-мъ, я имѣлъ урокъ Ц.-славянскаго языка. Это уже не дѣти, это мальчуганы уже порядочные. Разъ по обыкновенію прихожу въ классъ по звонку: въ классѣ ни одного ученика. Является одинъ, за нимъ погодя другой, тамъ третій, и такъ по одиночкѣ, муча меня, входятъ всѣ. И этотъ случай оставили безнаказаннымъ. Не говорю уже о другихъ дурныхъ выходкахъ, грубости въ отвѣтахъ, непокорности. Разъ, прочитавъ по Ц.-славянски извѣстный отрывокъ хрестоматіи изъ жизни кого-то изъ святыхъ, я сталъ дѣлать разъясненія, перешелъ къ выводу и назиданію; въ это самое время, какъ я уже кончалъ свою рѣчь, ударилъ звонокъ. «Аминь!» возвыся голосъ, крикнулъ одинъ ученикъ, въ отвѣтъ на мою поучительную бесѣду. Андріяшевъ не примѣнилъ никакихъ мѣръ къ упорядоченію дисциплины, и бѣдные надзиратели были истинными мучениками школы. Но за то Андріяшевъ очень заботился о развитіи литературномъ учениковъ, отвѣчая этими заботами идеѣ Пирогова, проведенной въ исполненіе въ видѣ литературныхъ бесѣдъ учениковъ. Были въ пансіонскую библіотеки выписаны: «Горькая Судьбина» Писемскаго, «Гроза» Островскаго и

Библиотека "Руниверс"

многія другія въ такомъ же родѣ, и ученики принялись на это чтеніе съ такою жаждою, что черезъ два-три мѣсяца они были изорваны, истрепаны до нельзя.

Въ это же время впервыя введенъ былъ во всѣхъ гимназіяхъ округа Юго-западнаго края языкъ Польскій, назначенъ былъ и въ 1-ую Гимназію чиновникъ библіотеки университета Св. Владимира, *Козловскій,* и Андріяшевъ, чтобы и этимъ людямъ былъ просторъ въ ученіи, исходатайствовалъ разрѣшеніе пріобрѣсти для Поляковъ-учениковъ цѣлую кучу Польскихъ книгъ, Польскихъ писателей. Устраивались учительскіе вечера, но уже не съ такою милою обстановкою, какъ былъ вечеръ на праздникѣ Рождества при Н. Р. Ребиндерѣ (съ елкою для дѣтей, гдѣ исключительно и были ученики). Нѣтъ, пошли въ ходъ танцовальные вечера, ученики привозили или приводили барышень, родственницъ и знакомыхъ, приглашался оркестръ музыки. Этого мало: пошли драматическія представленія, комедіи; ученики наряжались въ женскія платья. Помню, играли какую-то комедію. «Какъ намъ быть безъ женщинъ?» спрашиваетъ актеръ-ученикъ: «безъ бабы и калача не спечешь». Ученики сами устраивали сцену, разрисовывали кулисы, занавѣсъ, и сами же отъ себя ходили по учителямъ съ приглашеніемъ «сдѣлать имъ честь» пожаловать на ихъ драматическій вечеръ. Длинный, предлинный залъ пансіона весь былъ уставленъ стульями; посѣтители были не только семейства учителя, но и постороннія лица, которыхъ ученики получали позволеніе приглашать. Конечно, ученье не особенно шло на умъ ученикамъ. Да не особенно ими занимались и учителя. Они тоже устраивали свои вечеринки въ классныхъ комнатахъ съ картежною игрою. Но должно отмѣтить здѣсь и другое проявленіе ихъ общительности: была складчина для образованія лекторіи, и состоялась лекторія, выписывались журналы, приходили, читали; хотя я и не участвовалъ въ выпискѣ журналовъ, но такъ какъ въ послѣобѣденное время чтеній здѣсь не бывало, и книги оставались свободно лежать по столамъ, то я, въ ожиданіи послѣобѣденныхъ уроковъ, тоже приходилъ въ лекторію и знакомился съ содержаніями журналовъ. Недолго, впрочемъ, существовала эта лекторія, сама собою закрылась. Довольно часто собирались учители вмѣстѣ и на квартирѣ А. К. Деллена, который раза два въ году собиралъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ служащихъ: бывалъ и я здѣсь, оставался почевать у Григорія Ѳомича Постоловскаго. Довольно часты были общія собранія учителей и въ педагогическіе совѣты. Разъ, помню я просилъ А. К. Деллена позволить мнѣ прочесть въ засѣданіи написанное мною мнѣніе о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ школьной жизни, читалъ долго, до 1-го ча-

Библиотека "Руниверс"

са, и думалъ, что дѣлаю хорошее дѣло, т. е. занимаю собраніе тѣмъ, чѣмъ всего пріятнѣе ему заниматься; но не то вышло. Едва я кончилъ, какъ стали въ лицо мнѣ высказывать неудовольствіе, что я продержалъ ихъ такъ долго, что соскучились, слушая,—и только. А. К. Деллень стоялъ на томъ, что все-же я ничего не сдѣлалъ дурного, если попытался занять мысли педагоговъ педагогическимъ же дѣломъ. Вообще, А. К. Деллень всегда отличалъ меня особеннымъ своимъ расположеніемъ и довѣріемъ. Въ это самое время, предъ наступленіемъ Великаго поста, я писалъ къ нему подробное письмо, прося его вникнуть въ важный вопросъ христіанскаго воспитанія, обратить вниманіе на пріученіе учащихся соблюдать уставы св. церкви и прекратить безпричинное и огульное нарушеніе постовъ учениками въ теченіе даже Великаго поста. Было такъ: ѣсть ли скоромное или поститься предоставлялось самимъ ученикамъ. И оказывалось, что за исключеніемъ 3, 4 на 150, всѣ прочіе ѣли скоромное, будучи совершенно здравы и бодры. Я совѣтовалъ А. К-чу не допускать такого произвола и установить общеобязательный постъ для всѣхъ, предоставивъ только нѣкоторымъ нарушить его, съ вѣдома и признанія въ томъ необходимости со стороны гимназическаго доктора. Такъ онъ и сдѣлалъ. И пока былъ онъ директоромъ, Великій постъ соблюдался въ той гимназіи, не смотря на лишніе расходы на рыбу. А. К. вмѣстѣ со мною сѣтовалъ на безпорядочность, царствовавшую въ Гимназіи въ отношеніи произвольнаго запаздыванія учителей приходомъ на уроки, и на другіе подобные же дисциплинарные недостатки, просилъ меня написать свое мнѣніе по этому предмету, и когда я написалъ и представилъ ему, оно такъ ему понравилось, что онъ изъявилъ намѣреніе прочесть это мнѣніе мое въ совѣтѣ, какъ будто имъ самимъ составленное. Дѣйствительно, въ совѣтѣ онъ сталъ читать мою рукопись; но тутъ вдругъ на одномъ словѣ остановился, затрудняясь разобрать. Я потерпѣлъ—и все-таки не утерпѣлъ и подсказалъ ему, чѣмъ и обнаружилъ свою тайну, повредивъ своею необдуманностью и самому А. К-чу, который не стѣснялся, впрочемъ, воспользоваться моимъ мнѣніемъ, будучи съ нимъ совершенно согласенъ, но затруднялся только самъ высказать тоже отъ себя лично, не владѣя достаточно для этого труда Русскимъ языкомъ, будучи Нѣмцемъ, хотя грамматически онъ очень вѣрно писалъ порусски.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ директоромъ я былъ на сторонѣ строгой дисциплины и для учениковъ, и для учителей, не одобрялъ и другія нехорошія стороны своихъ сослуживцевъ, между прочимъ и ихъ индифферентизмъ религіозный, проявлявшійся предъ учащимися на каждомъ шагу, и въ церкви, и въ классѣ, и въ жизни. Учители между собою дозъ-

Библиотека "Руниверс"

воляли дѣлать непочтительные отзывы о церковныхъ обычаяхъ. Нѣмецъ, напр. называетъ лобызаніе креста комедіею; тотъ смѣется и иронизируетъ объ ангелахъ.

Въ это время я давалъ частные уроки сыну баронессы Боде, женщины глубоко религіозной. Ея знакомая нѣкая Батіевская имѣла двухъ сыновей, учившихся въ нашей Гимназіи, мальчиковъ очень дурныхъ, распущенныхъ, поступившихъ въ нашу Гимназію откуда-то изъ другого учебнаго заведенія. Мать горевала, относя немалую долю распущенности дѣтей къ винѣ Гимназіи и преподавателей. Баронесса Боде, съ которою я въ искреннемъ разговорѣ сѣтовалъ о полнѣйшемъ равнодушіи къ задачамъ нравственно-религіознаго воспитанія, какое съ сердечною болью я видѣлъ въ большинствѣ моихъ сослуживцевъ, подтверждала сѣтованія Батіевской на индиферентизмъ въ воспитаніи и, должно быть, сослалась и на мои отзывы. Батіевская была знакома съ преосвященнымъ Антоніемъ, тогда викаріемъ Кіевской епархіи, бывшимъ ректоромъ Академіи, ревностнымъ блюстителемъ православія въ жизни и воспитаніи. Оплакивая свое горе, распущенность дѣтей, предъ преосвященнымъ, Батіевская уже, должно быть, преувеличила очень, прибавила, чего мнѣ и въ голову не приходило, и тоже сослалась на меня, какъ члена Гимназіи для покрѣпленія несомнѣнности своихъ обличеній. Какъ было далѣе, что и кѣмъ говорилось, не знаю; но Пироговъ вдругъ сообщаетъ директору свое неудовольствіе на доносъ, будто учителя представляютъ партіи двухъ противоположныхъ направленій: одно, ничтожное меньшинство, вѣрны началамъ вѣры, стоятъ за нравственныя задачи воспитанія и работаютъ въ этомъ направленіи; другіе напротивъ отчаянные либералы, ведутъ рѣчи вольныя съ учениками, враждебно относятся къ религіи, къ церкви, и что этотъ доносъ исходитъ отъ меня. Ничего подобнаго никогда я не говорилъ ни баронессѣ Боде, ни тѣмъ болѣе лично преосв. Антонію, съ которымъ хотя и былъ знакомъ, но весьма рѣдко бывалъ у него. Это неудовольствіе стало мнѣ извѣстно, и, кажется, не лично А. К. Деллень мнѣ его передалъ, щадя меня, а чрезъ Григорія Ѳомича Постоловскаго, у котораго я находилъ въ это время временное пристанище послѣ уроковъ до начала послѣобѣденныхъ занятій. Почтенный хозяинъ мой, передавая мнѣ это и пораженный удивленіемъ моимъ, какъ могли вмѣшать меня въ эти препирательства, помню, выразился: «Не даромъ царь Давидъ молится: избави меня отъ клеветы человѣческой». Это сообщеніе меня сильно встревожило, главнымъ образомъ потому, что я не считалъ себя вовсе виновнымъ, ибо между моими искренними, простосердечными сѣтованіями въ пріятельской бесѣдѣ о неутѣшительномъ вообще направленіи

Библиотека "Руниверс"

современнаго воспитанія и такимъ рѣшительнымъ обличеніемъ, какое стряслось на моихъ свѣтованіяхъ, не было ничего общаго. Лишь услышалъ я это, на другой день утромъ рано, еще въ 6½ ч., передъ ранней обѣднею, я былъ уже у преосвящ. Антонія, просилъ свиданія съ нимъ въ такое неурочное время ради крайней надобности, и, принятый во внутреннихъ покояхъ, изложилъ ему свое положеніе, прося его, если бы Пироговъ спросилъ его не указывать на меня, ибо мнѣ достовѣрно было извѣстно, что Батіевская на меня опералась, сваливая вину распущенности дѣтей на Гимназію. Преосвященный меня успокоилъ, и, благодареніе Богу, дѣло какъ-то утихло само собою. Я и въ душѣ никогда не могъ бы развращеніе учащихся относить къ непосредственному вліянію наставниковъ. Много было развращающихъ элементовъ и внѣ школы, и даже въ условіяхъ семейной жизни и общественныхъ отношеніяхъ, и Батіевскіе, негодяи, были плодъ этого внѣ-школьнаго разложенія. Но несчастная мать прицѣпилась къ словамъ Боде о моихъ сообщеніяхъ и, позабывъ, быть можетъ, и свою немалую вину въ распущенности дѣтей, всю ее взвалила на Гимназію. Я не могъ такъ дико думать, ибо я видѣлъ только равнодушіе, индиферентизмъ въ дѣлѣ нравственно-религіознаго воспитанія и немалое нерадѣніе къ своему служебному дѣлу и долгу, какъ говорится, халатное отношеніе къ службѣ. Это-то послѣднее, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, и было главною причиною такого печальнаго исхода нововведеній въ дѣлѣ воспитанія Пирогова. Онъ задался мыслію развить законность въ молодомъ поколѣніи, а эта мысль выходила у него изъ высокаго пониманія свободы человѣка и уваженія къ личности. Основаніе, идея—высоко-нравственныя. Были крайности въ развитіи идеи; но все же сама идея, будь она понята, какъ должно, дала бы благіе плоды, но, конечно, тогда, когда чувство законности господствовало бы въ жизни исполнителей его нововведеній. А какъ выразилось это чувство въ дѣйствіяхъ воспитателей, видно изъ вышесказаннаго. Почуяли и учители, что опека власти ослабла, но не догадались, что, быть можетъ, намѣренно ослабили, чтобы вызвать самодѣятельность свободы и примѣненія ея къ дѣлу, къ труду, къ служебному долгу, къ вѣрности разъ принятому направленію. Въ этомъ отношеніи Пироговъ могъ бы служить образцомъ. Онъ упорно преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль, настойчиво требовалъ подчиненія разъ указанной формѣ. Въ числѣ его нововведеній были между прочимъ, какъ я выше замѣтилъ, конкурсы для желающихъ занять учительскую должность. Но не странно ли, что этому конкурсу и я подвергся? Я уже учительствовалъ 4½ года, и не безъ очевиднаго успѣха, и не безъ умѣнья вести дѣло. Однако, когда въ началѣ 1860 года открылись вакансіи стар-

Библиотека "Руниверс"

шаго учителя съ выходомъ въ отставку учителя географіи *Корпаковскаго*, которому была предоставлена вакансія старшаго учителя за смертію учителя словесности *Иноземцова*, и я былъ представленъ къ замѣщенію этой вакансіи, Пироговъ назначилъ быть конкурсу и для меня наровнѣ съ опредѣляющимися вновь. И конкурсъ состоялся въ Январѣ 1860 года въ моемъ же классѣ, во время моего же урока по расписанію. Собралась многочисленная коммиссія, человѣкъ до 12, если не болѣе: директоры обѣихъ гимназій, всѣ профессоры историко-филологическаго факультета, явился и самъ Пироговъ съ помощникомъ, Михневичемъ, и окружнымъ инспекторомъ. Я велъ дѣло на урокѣ, какъ и всегда, въ порядкѣ продолжая курсъ; употреблялъ тѣже пріемы, что и всегда; словомъ, я совершенно забылъ, что это какой-то тамъ конкурсъ, что тутъ возсѣдаетъ цѣлая комиссія съ начальствомъ во главѣ. Я видѣлъ предъ собою только учениковъ. Помню: урокъ былъ о придаточныхъ предложеніяхъ. Въ это время я вовсе устранилъ изъ употребленія учебникъ грамматики, и ученики должны были все узнавать отъ меня, но путемъ собственнаго усилія надъ данными для вывода правила примѣрами. Давалъ я примѣръ, изъ него выяснялись форма, отношенія, выводились правила. Послѣ этого ученики писали собственные примѣры. Затѣмъ выведенное правило или замѣчаніе записывалось въ тетради. И это только и задавалось на урокъ. Работа шла медленно, но ученики вѣрно подвигались впередъ и основательно узнавали изучаемую форму, твердо запоминали выводъ, ибо все было самими учениками добыто усиліемъ вниманія и вдумчивости. Такъ составлялись цѣлыя толстыя тетради грамматическаго содержанія, устранявшія совершенно употребленіе учебника. Такихъ тетрадей одна или двѣ и донынѣ сохранились у меня на память. Ученики охотно занимались дѣломъ; весь положительно классъ былъ занятъ, и ни одна минута не пропадала даромъ, безъ пользы. Такая работа была и на конкурсѣ. Я признанъ достойнымъ занять должность старшаго учителя. По окончаніи конкурса директоръ А. К. Деллень передаетъ мнѣ, что Пироговъ сказалъ въ комиссіи: «Я и не сомнѣвался, что дѣло будетъ вестись хорошо; но конкурсъ долженъ былъ быть ради формы, чтобы не было отступленій отъ нея и въ другихъ случаяхъ».

Такъ съ 21 Января 1860 года я и сталъ старшимъ учителемъ. Не помню, до этого ли дня или послѣ него я получилъ и первую денежную награду, 150 р. Говорили, что Деллень представилъ къ наградѣ одного изъ двухъ Нѣмецкихъ учителей къ наградѣ, Пироговъ же его зачеркнулъ и поставилъ мою фамилію. А случилось это не безъ участія моего благодѣтеля Т. И. Прпстюка. Около этого времени онъ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставилъ къ наградѣ одного учителя своей (Немировской) гимназіи и когда ему сдѣлали возраженіе изъ округа противъ такого представленія, то онъ въ объясненіи указалъ на меня, который много работаетъ и уже не первый же годъ, а никакой награды не получалъ, вполнѣ заслуживая ее. Пироговъ прочиталъ этотъ отзывъ и представилъ меня къ наградѣ въ 150 р. Такимъ образомъ почти одновременно было засвидѣтельствовано со стороны окружнаго начальства мое усердное и умѣлое отношеніе къ дѣлу, мнѣ порученному. Въ тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, среди обезумѣвшей отъ свободы молодежи, которыя съ начала и до конца попечительства Пироговскаго и даже далѣе еще года два я долженъ былъ испытывать, можно сказать, на каждомъ шагу въ Гимназіи, было истинною отрадою для меня такое одобреніе моего труда и усердія. *Время это было самое тяжелое для меня во всю мою службу.* И однако съ помощью Божьею дѣло велъ я хорошо, чисто-практическимъ способомъ съ того самаго дня, когда *Т. И. Пристюкъ* указалъ мнѣ на статью педагогическаго содержанія въ *Морскомъ Сборникѣ*. Если находилось въ классѣ немало мальчиковъ дурныхъ, то были и прекрасныя дѣти, которыя понимали мою любовь къ нимъ и искали способовъ ее выразить мнѣ. Въ это время въ залѣ нашей Гимназіи, по разрѣшенію директора-Нѣмца, устраивалась ежегодно къ Ѳомину Воскресенію лотерея въ пользу училища при Лютеранской кирхѣ. Ученики тоже брали билеты. Одному изъ нихъ, милому, симпатичному мальчику Роде, попалъ выигрышъ Полное собраніе сочиненій Шиллера на Нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ мой любимый ученикъ и меня любившій. Онъ принесъ мнѣ свой выигрышъ въ даръ. Другой, тоже очень хорошій ученикъ, Католикъ, выигралъ письменный вязаный мѣшокъ и тоже принесъ мнѣ въ подарокъ свой выигрышъ. Среди ежедневныхъ непріятностей службы мнѣ пріятно было видѣть выраженіе дѣтской любви и благодарности, и я не хотѣлъ огорчить добрыхъ дѣтей отказомъ. Мнѣ отрадно было видѣть замѣчательные успѣхи въ Русскомъ и Ц.-славянскомъ языкахъ моихъ учениковъ, прилежно занимавшихся моими предметами при полнѣйшей запущенности въ наблюденіи за успѣхами учащихся со стороны инспектора. Но что особенно отрадно было видѣть, что ученики Римско-католики не только не отставали въ успѣхахъ отъ Русскихъ, но даже шли выше и обнаруживали замѣчательную любовь къ занятіямъ не только Русскимъ, но даже и Ц.-славянскимъ языкомъ. Когда я поступилъ въ 1856 г. на службу, тогда изученіе Ц.-славянскаго языка ограничивалось только чтеніемъ по Ц.-славянски житія четырехъ Евангелистовъ. Затѣмъ начались чтенія изъ четырехъ Евангелистовъ. Чтеніе, переводъ, разборъ, всѣ эти однообразныя, а потому и скучныя для дѣтей занятія сами по себѣ

Библиотека "Руниверс"

не давали никакого плода въ смыслѣ ознакомленія учениковъ съ богослужебнымъ языкомъ, не освѣщали въ ихъ душахъ высоты церковнаго языка и его сердечности. Я сталъ читать съ учениками церковныя пѣснопѣнія по синодальному молитвеннику, разбиралъ пѣснопѣніе, выяснялъ его смыслъ, его содержаніе. И занятіе это было общеобязательное для всѣхъ учениковъ, въ томъ числѣ и Римско-католиковъ. И дѣти охотно вели эти занятія, не чуждаясь языка церкви, не брезгая славянщиною. Я не замѣтилъ ни разу холоднаго отношенія къ дѣлу. И что же? Родители вступились за дѣтей непрошенными защитниками ихъ религіозныхъ убѣжденій; стали жаловаться на меня инспектору (въ то время князю Дабижѣ), что я вмѣсто уроковъ Русскаго языка занимаюсь религіозною пропагандою посредствомъ уроковъ Ц.-славянскаго языка, назначаю изученіе молитвъ православной церкви и Римско-католикамъ. Дабижа передалъ мнѣ эти жалобы мягко, не настаивая, не требуя, совѣтовалъ щадить религіозныя убѣжденія Римско-католиковъ и не занимать ихъ изученіемъ молитвъ. Я объяснилъ, что пропаганды никакой не веду, но разбираемое пѣснопѣніе выясняю со стороны его смысла и содержанія, что въ синодальномъ молитвенникѣ нѣтъ такихъ пѣснопѣній, которыя исключительно выразили бы собственно ученіе нашей церкви, отличное отъ Римско-католической; напротивъ, здѣсь всѣ до одного пѣснопѣнія заключаютъ въ себѣ общехристіанскіе догматы и ученіе. Я продолжалъ свое дѣло попрежьему. Иногда я читалъ ученикамъ отрывокъ изъ житія святого по славянски, а ихъ заставлялъ написать по русски. Хороши, оживленны были эти уроки, какъ и уроки Русскаго языка, и только негодяи портили ихъ доброе вліяніе на дѣтей своими безпорядками, о которыхъ я говорилъ выше, а инспекторъ своимъ безучастіемъ въ поддержаніи дисциплины. Однако, непорядки школы выходили уже за предѣлы самой школы, распущенность учениковъ стала замѣчаться и въ обществѣ. Генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ сильно былъ недоволенъ на Пирогова, дѣлалъ ему предложенія о принятіи мѣръ къ обузданію распущенной имъ молодежи. Пироговъ, по выраженію А. К. Деллена, «проглотилъ эти пилюли», и дѣло шло по прежнему, пока (вѣроятно, по ходатайству кн. Васильчикова) Пироговъ не былъ переведенъ въ Одессу попечителемъ на мѣсто Ребиндера, который назначенъ былъ директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Студенты и гимназисты устроили Пирогову торжественные проводы многочисленною толпою до заставы. Это было, вѣроятно, въ половинѣ Апрѣля 1860 г. Онъ выѣхалъ, но долго еще посѣянное имъ приносило горькіе плоды, и дисциплина классная слабо возстановлялась вплоть до назначенія инспекторомъ вмѣсто Андреяшева, И. Я. Ростовцева. Но это было уже въ 1862 г.

Библиотека "Руниверс"

На мѣсто Пирогова попечителемъ назначенъ былъ баронъ Николаи, человѣкъ строгаго порядка и законнаго признанія за школою исключительно-воспитательнаго учрежденія, а не какого-то судебнаго, задающагося цѣлью развить законность строгою регламентаціею правилъ воспитанія. Не могу болѣе подробно охарактеризовать управленіе барона Николаи. Никакихъ и ни въ чемъ особенно видныхъ распоряженій и мѣръ за время его управленія не припоминаю. Помню только, что онъ не былъ равнодушенъ къ нарушенію служащими условій служебнаго труда. Тогда уже возвратился изъ-за границы И. Я. Ростовцевъ и сталъ ходить съ бородою. Баронъ Николаи потребовалъ отъ него снять бороду. При немъ довольно часто собирались совѣты для обсужденія предположеній по новому плану устройства среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и я часто являлся въ эти засѣданія прямо изъ дома князя Васильчикова, послѣ обѣда у Васильчиковыхъ, что бывало не рѣдко... Я тоже писалъ свое мнѣніе по устройству какъ гимназій, такъ и предположенныхъ учительскихъ институтовъ, уже тогда объятый горячимъ желаніемъ посвятить себя народному образованію. Къ первому своему мнѣнію я написалъ дополнительное мнѣніе и съ нимъ лишь являлся къ барону Николаи 21 Января 1861 года, прося его обратить вниманіе министерства на мою записку, не забыть и меня лично, когда будетъ идти рѣчь о назначеніи начальниковъ этихъ новыхъ учебныхъ заведеній. Являлся же я къ б. Николаи, уже не столько какъ къ попечителю округа, какъ къ товарищу министра, которымъ онъ незадолго передъ тѣмъ былъ назначенъ, оставаясь, впрочемъ, жить въ Кіевѣ и управлять округомъ до Мая, и въ Іюнѣ 1862 года, когда уѣзжалъ въ Петербургъ, Общество профессоровъ университета дѣлало ему прощальный обѣдъ въ квартирѣ ректора университета (тогда Иванишева); изъ гимназій въ обѣдѣ приняли участіе только директоры гимназій 1-ой Деллень, 2-ой Вилуевъ, а изъ учителей я и назначенный еще при Пироговѣ учителемъ словесности В. П. Лучицкій изъ 1-й Гимназіи. Баронъ пожелалъ имѣть карточки лицъ, прощавшихся съ нимъ на обѣдѣ. Это заставило меня сняться во второй разъ. Первый разъ я снимался въ 1858, кажется, году и въ форменномъ сюртукѣ застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ книгою въ рукахъ. Теперь уже я сталъ отступать отъ строгости формы, даже имѣлъ уже черный фракъ, которымъ и пользовался, бывая часто на балахъ у князя Васильчикова; въ немъ же былъ на обѣдѣ барона Николаи. Скоро послѣ этого еще представился случай надѣть черный фракъ. Почти одновременно оставилъ службу при нашей гимназіи и директоръ А. К. Деллень. По случаю 25 лѣтъ ему предстояло избрать: или, оставаясь профессоромъ и директоромъ, лишиться пенсіи по профессорству, или, отказавшись отъ директорства,

Библиотека "Руниверс"

остаться профессоромъ и получить пенсію. А. К. Деллевъ предпочелъ послѣднее. Тяжко досталось ему время директорства въ разгаръ Пироговской распущенности. Не сочувствуя Пирогову, онъ былъ настолько честенъ, что признавалъ тѣмъ не менѣе для себя обязательнымъ добросовѣстно проводить въ жизнь Гимназіи его нововведенія, конечно, не встрѣчая себѣ поддержки въ составѣ служащихъ. Нѣкоторые даже позволяли себя остроты относительно привычекъ его частной жизни. Онъ былъ прекрасный семьянинъ, любящій отецъ семейства, любилъ своихъ сыновей и, желая доставить имъ удовольствіе и съ пользою занять ихъ, клеилъ съ ними коробочки, вырѣзывалъ рисунки по листу, склеивалъ разные домики и пр. Одинъ изъ учителей, колкій на языкъ, въ общемъ разговорѣ въ учительской, когда кто-то спросилъ: не видали ли директора въ Гимназіи? отвѣчалъ: «нѣтъ его въ Гимназіи; должно быть, дома, коробочки клеитъ». Слова эти были переданы Деллеву. Чрезъ нѣсколько дней онъ во время переклички входитъ въ канцелярію, гдѣ имѣли обыкновеніе собираться утромъ, несетъ съ собою коробочки и подноситъ ихъ этому учителю (Паліенку) прося его принять ихъ на память отъ него говоря, что склеилъ ихъ собственно для него. Понятно, А. К. Деллевъ былъ радъ выйти изъ условій этой тревожной, напряженной дѣятельности, гдѣ мало видѣлъ истиннаго пониманія высокаго назначенія наставническаго труда.

Въ Сентябрѣ былъ данъ ему обѣдъ отъ лица учителей Гимназіи въ залѣ клуба. Это былъ первый обѣдъ торжественный, на которомъ я присутствовалъ. Я приготовилъ рѣчь, какъ и нѣкоторые другіе. Но я переждалъ всѣ рѣчи и сказалъ свою послѣдній, завершивъ чествованіе достойнѣйшаго начальника. На концѣ по непривычкѣ я сбился, но все-таки оправился и, кажется, произвелъ пріятное впечатлѣніе! Я былъ такъ еще молодъ, такъ полонъ жизни, такъ горѣлъ любовью къ труду, такъ уважалъ въ лицѣ А. К. истинно-достойнаго труженика. Я радовался его семейному счастію, лаская его дѣтокъ-сыновей, славныхъ мальчиковъ. И въ своей рѣчи я пожелалъ ему видѣть счастье его дѣтей и въ этомъ получить лучшую награду за трудъ свой и для чужихъ дѣтей... Послѣ рѣчи, учитель Нѣмецкаго языка, Карлъ Романовичъ Макинелъ, распорядитель обѣда, подошелъ ко мнѣ и, отзываясь о тонѣ рѣчи моей, выразился: «нашъ митрополитъ!». Это выраженіе мнѣ было понятно очень. Мои сослуживцы (а я съ многими изъ тѣхъ, которыхъ засталъ въ Гимназіи при поступленіи и нынѣ продолжалъ служить) видѣли во мнѣ человѣка, преданнаго своему дѣлу и религіозно его понимавшаго, какъ дѣло христіанское, видѣли мою любовь къ церкви, знали о моихъ отношеніяхъ къ ученикамъ, о характерѣ моихъ бесѣдъ

Библиотека "Руниверс"

съ ними, знали мой образъ и мысли и жизни. И вотъ я «нашъ митрополитъ!»...

Обѣдъ А. К. Деллену былъ послѣднимъ событіемъ, достойнымъ упоминанія въ томъ періодѣ моей жизни, который протекъ для меня до переселеній моего съ Подола. Еще будучи директоромъ, Деллень изъявилъ свое согласіе на переходъ мой въ гимназическую квартиру съ платою по 200 рубл. въ годъ за 3 комнаты съ кухнею, и я вскорѣ послѣ этого обѣда перешелъ въ гимназію, и переходъ этотъ истинно былъ замѣтною гранью, разъединившею первый періодъ, *Подольскій*, моей жизни отъ дальнѣйшаго. Окончилась тогда жизнь почти отшельническая, отчужденная отъ ближайшаго сообщества съ людьми; началась жизнь болѣе общительная и дѣятельная и для нашей семьи. Вотъ собственно и главная черта этого событія въ нашей семейной жизни. Другая важнѣйшая: я сталъ болѣе принадлежать семьѣ, ибо все свободное отъ уроковъ время проводилъ уже дома. Но и въ другихъ отношеніяхъ, переходъ мой съ Подола провелъ грань между моимъ прошлымъ и ожидавшимъ меня будущимъ. Одновременно съ этимъ переходомъ порвались мои доселѣ близкія отношенія къ Академіи, къ храму Божьему съ монастырскою обстановкою, установились невольно новыя отношенія въ жизни, и къ мѣстамъ, и къ людямъ, и къ собственнымъ жизненнымъ задачамъ; наконецъ, я сталъ въ совершенно, новыя отношенія и къ Гимназіи, и къ своимъ служебнымъ условіямъ. Кончилась пора кипучей, разбросанной дѣятельности. Наступила пора, когда стало возможнымъ сосредоточиться въ себѣ, подумать и о своемъ здоровьѣ, ради сохраненія котораго главнымъ образомъ и предпринято переселеніе съ Подола. И благодареніе Богу за это событіе въ моей жизни!... Съ нимъ дѣйствительно начинается для меня новая пора не столько по отношенію къ моей служебной дѣятельности, сколько къ моему личному нравственному бытію и моей семьи.

Но прежде чѣмъ перейти эту грань, чтобы не пропустить ничего существеннаго изъ воспоминаній перваго періода, остановлюсь на коемъ памятномъ изъ этого свѣтлаго, отраднаго времени моей молодости.

Я выше замѣтилъ, что мои сослуживцы хорошо знали мой образъ мыслей, мои убѣжденія. Къ тому представлялось немало случаевъ. Я иногда бывалъ въ гимназической церкви, читалъ Апостолъ, напр., на праздникъ Рождества Христова, канонъ на утренѣ, разъ подъ день св. Николая моихъ имянинъ. Впрочемъ, я рѣдко бывалъ въ гимназической церкви, живя на Подолѣ. Послѣ выхода въ отставку учителя географіи, Петра Корпаковскаго, на его мѣсто опредѣленъ былъ Пирого-

Библиотека "Руниверс"

вымъ нѣкто Полякъ *Рупневскій*. По принятому въ то время правилу замѣщенія мѣстъ воспитателей при пансіонѣ Гимназіи преподавателями, Рупевскій поступилъ въ воспитатели. Какъ онъ смотрѣлъ на свои воспитательскія обязанности, куда направлялъ свободное влеченіе дѣтей, можно видѣть изъ того, что въ Великій постъ ученики, на его дежурствахъ и съ его почина, занимались приготовленіемъ масокъ, которыя и надѣвали, рѣзвясь въ свободные часы. Узналъ я объ этомъ, не могу теперь припомнить какъ, и въ педагогическомъ совѣтѣ при случаѣ указалъ на такое неблаговоспѣтное препровожденіе времени въ дни Великаго поста. Около этого же времени, за переходомъ Ю. Янсона въ Петербургъ на должность профессора Университета, мѣсто учителя словесности нѣкоторое время занималъ кандидатъ-педагогъ *Р. . .*, извѣстный въ мѣстномъ литературномъ кружкѣ подъ именемъ *Θеди*, какъ онъ подписывался подъ статьями, преимущественно фельетонами, «Кіевлянина» или «Кіевскаго Телеграфа». Разъ, на учительскомъ вечерѣ я, ходя съ нимъ въ актовой залѣ, велъ разговоръ о воспитаніи въ духѣ религіи; перешли къ вѣрѣ вообще и различіи вѣроисповѣданій. «Я высоко цѣню православіе; какъ чистое христіанское ученіе, оно безъ всякаго даже сравненія выше римско-католицизма и лютеранства; его основы такъ глубоки... я признаю это своимъ сознаніемъ, и однако вѣрить, жить вѣрою, не могу». И этотъ человѣкъ безъ вѣры тоже былъ воспитателемъ при пансіонѣ, нѣкоторое время и жилъ въ Гимназіи. Каковы могли быть его уроки словесности?.. Да, словесность тогда въ гимназіяхъ, въ пору Пирогова и послѣ него, стояла на страшныхъ распутіяхъ болтовни о всемъ «по поводу» прочитываемыхъ образцовъ, и обратилась въ ничего-недѣланіе. Твердыхъ знаній никакихъ. Противъ риторики, противъ поэзіи, противъ исторіи словесности и особенно же противъ чтенія и изученія памятниковъ древней словесности до Петра (каковы Кириллъ Туровскій, Слово о Полку Игоревѣ и др.) поднялся ожесточенный лай. Долой риторика, теорія, исторія, никакихъ категорій, искусственныхъ подраздѣленій, никакихъ родовъ и видовъ... только читать сатирическія произведенія, изучать ихъ и составлять понятія о достоинствахъ языка ихъ (это было время Писарева, Добролюбова). Новые преподаватели словесности, сбитые и сбившіеся съ толку, производили кутерьму въ головахъ учениковъ, и дѣло шло страшно безобразно. Доходило до того, что разбирали на урокахъ словесности «Грозу» Островскаго, выясняли идеалы «Обыкновенной исторіи» Гончарова, его же «Обломова». Особенно Обломовъ, сталъ любимою темою такихъ необыкновенныхъ словесниковъ. Къ такимъ преподавателямъ принадлежалъ и *Р. . .* Впрочемъ онъ недолго былъ въ нашей Гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

Ко времени моего перехода въ Гимназію на жительство, составъ служащихъ значительно измѣнился, начиная съ директора или, лучше сказать, съ попечителя округа. По отъѣздѣ барона Николаи къ началу учебнаго года прибылъ новый попечитель баронъ *де Витте*. При немъ уже выбылъ изъ гимназіи А. К. Деллевъ и назначенъ на его мѣсто А. Ѳ. Андріяшевъ, нашъ инспекторъ, а инспекторомъ назначенъ И. Я. Ростовцевъ. Законоучитель, тотъ же о. Василій, учитель словесности послѣ Р. . . *В. И. Лучицкій*, Исторіи *Должиковъ*, Географіи *Рупневскій*, Физики и Математики вмѣсто Петрушевскаго, возвратившагося по укрѣпленіи здоровья въ Петербургъ, *Илья Гавриловичъ Радкевичъ* и *Паліенко*, Естествоведенія-*Девьенъ*, Латинскаго языка вмѣсто Ростовцева, *Николай Панкратьевичъ Кустовъ*, Нѣмецкаго *К. Р. Мошинскій*; Французскаго, вмѣсто *Гедуана*, *Леплеръ*; кромѣ того *Ю. Э. Функе*, въ параллельныхъ классахъ, кажется и Латинскаго языка, *Н. Д. Успенскій*, за упраздненіемъ предмета законовѣдѣнія, то Латинскаго,то Русскаго языка; Ариѳметики — *Куликовскій*. Благодарю Бога, я былъ со всѣми ими въ добрыхъ отношеніяхъ, да и вообще всѣ мы жили очень согласно; я не помню ничего похожаго на интриги, сплетни или какія-либо подвохи и подкопы. Въ наиболѣе близкомъ общеніи я находился съ добрѣйшимъ Эразмомъ Игнатьевичемъ Куликовскимъ и Ильею Гавриловичемъ Радкевичемъ, хотя и со всѣми, какъ сказалъ, не имѣлъ поводовъ къ непріятностямъ. Я не одобрялъ ихъ господствующаго обычая оттягивать уроки, который и теперь продолжался: но этотъ пунктъ, можно сказать, единственно рѣзко выдѣлялъ меня изъ общей среды, и оттого я и близокъ стоялъ къ тѣмъ изъ учителей, которые вмѣстѣ со мною стояли на сторонѣ строгаго порядка въ школѣ. Другое, съ чѣмъ я не могъ примириться, это куреніе на перемѣнахъ. Лишь кончится урокъ, почти всѣ спѣшатъ изъ учительской въ канцелярію, которая въ это время обращена была въ курительную комнату. Тѣмъ болѣе это тяжело было видѣть, что канцелярія находилась въ одномъ коридорѣ съ классами, только нѣсколько сбоку, ученики имѣли доступъ къ ней и могли наблюдать за своими учителями. Дурной примѣръ шелъ отъ учителей, а они какъ будто не сознавали этого. Было время, даже курили въ библіотекѣ, уже совсѣмъ смежной съ классами, и дымъ табачный проходилъ въ классъ. И это нисколько не смущало наставниковъ. Такіе непорядки продолжались и по возстановленіи нѣкоторой дисциплины въ Гимназіи, за что принялся съ энергіею новый инспекторъ Ростовцевъ. Будучи въ числѣ либеральныхъ людей въ бытность учителемъ, онъ, лишь сдѣлался инспекторомъ, увидѣлъ и призналъ необходимость сильной власти и принялся за дѣла горячо. И черезъ два-три мѣсяца, куда дѣлась эта распущенность учениковъ, это опаз-

Библиотека "Руниверс"

дываніе съ перемѣнъ на уроки, эти шалости и шумъ и даже безчинства, что̀ царили въ Гимназіи въ инспекторство Андріяшева. Оживились надзиратели въ наблюденіи за учениками. Педели заполошились во время перемѣнъ. Лишь раздавался первый звонокъ, ученики быстро наполняли классъ и тотчасъ усаживались по мѣстамъ. Между 1 и 2-мъ звонкомъ, въ теченіе 5 минутъ ни одного ученика не видно въ коридорѣ, а въ классахъ всѣ на мѣстѣ въ ожиданіи прихода учителя. Большого труда, большихъ усилій стоило измѣнить къ лучшему донельзя распущенную Гимназію. И во все инспекторство Ростовцева до 1865 г. порядокъ въ гимназіи былъ образцовый. Великая его заслуга предъ 1-ой Гимназіею. Онъ спасъ ее и изгладилъ зло, причиненное ей безпорядочностью инспекціи Андріяшева. Тяжело вспомнить объ этомъ ужасномъ времени всяческихъ безпорядковъ. На жалобу преподавателя И. Я. Ростовцевъ уже не говоритъ, подобно Андріяшеву: наставникъ хозяинъ класса, онъ виною самъ, если нѣтъ порядка, и никакой фразы; напротивъ по первой жалобѣ учителя И. Я-чъ вникалъ въ дѣло, наказывалъ ученика строго, особенно за дерзкія рѣчи, непослушаніе, и у него ученикъ, а не учитель, былъ неправъ въ своей дерзости или непослушаніи. Оттого ученики боялись забываться, и даже грубѣйшія натуры сдерживались. Мнѣ не разъ приходилось приглашать И. Я. въ классъ, когда какой-либо грубый мальчикъ проявлялъ нетерпимое въ классѣ непослушаніе или говорилъ дерзко. Не задумывался его прибѣгать и къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Около этого времени поступилъ въ должность учителя Латинскаго языка въ параллельныхъ классахъ или низшихъ, не помню, А. А. Ивановъ, кандидатъ-педагогъ, ѣздившій за границу, человѣкъ, преданный классицизму всею душею и больше Грекъ и Римлянинъ, чѣмъ самъ Грекъ и Римлянинъ, но при этомъ человѣкъ крайне крутого нрава, тяжелый, желѣзный, немилосердный, какъ трудно представить, въ отношеніи къ ученикамъ, которые не знали, что и какъ, по его мнѣнію, нужно знать классику. Непомѣрныя его требованія въ отношеніи къ формамъ Латинскаго языка, строгость оцѣнки, приводили въ унылые классы, изъ состава которыхъ два-три ученика могли удовлетворить неумолимаго педагога-классика, другихъ же до крайности ожесточали. Въ числѣ послѣднихъ былъ въ 4-мъ классѣ ученикъ, поступившій въ нашу Гимназію откуда-то недавно, малый грубый, дерзкій, не знавшій удержу, племянникъ коменданта Кіевской цитадели, генерала Мусницкаго. Онъ до крайности ожесточился противъ Иванова, который не щадилъ его, какъ лѣнтяя вообще. Тутъ и я подбавилъ съ своей стороны масло въ эту горѣвшую гнѣвомъ душу. И по Русскому языку этотъ ученикъ шелъ плохо, нерадиво, лѣниво, и моя настойчивость, требовательность и тоже оцѣнка по достоинству

Библиотека "Руниверс"

вооружили его и противъ меня. Получивъ дурную отмѣтку съ назначеніемъ обязательной работы, этотъ ученикъ (фамиліи не припомню), наговорилъ мнѣ дерзости, и я пригласивъ И. Я. Ростовцева; И. Я-чъ, видя, что дѣло не пустое, по степени раздраженія, этого ученика, заключилъ его въ карцеръ, но тотъ вырвался и, схвативъ ножъ, сталъ бѣгать по зданію, ища Иванова и меня. Я уже жилъ въ это время въ Гимназіи, скрылся въ своей квартирѣ, пока его не обезоружили. И въ тотъ же день онъ былъ отправленъ изъ Кіева съ служителемъ въ домъ родителей. Будь это при инспекторствѣ Андріашева, не знаю, чѣмъ бы могло дѣло кончится!.. Ростовцевъ впрочемъ, вообще обращался съ учениками тихо, изумительно-сдержанно, спокойно, и въ этомъ отношеніи онъ, можно сказать, вдругъ передѣлалъ себя въ другого человѣка изъ того, какимъ былъ, будучи учителемъ, вспыльчивымъ, крикливымъ, запальчивымъ. Его не слышно было въ коридорахъ и въ классахъ, и только рѣдко, рѣдко онъ выходилъ изъ себя и возвышалъ голосъ въ объясненіи съ какимъ-либо грубымъ мальчуганомъ. Такъ было собственно въ Гимназіи. Какъ дѣло велось въ пансіонѣ, я почти не знаю. Съ того несчастнаго чтенія, которое я съ такою любовью спѣшилъ предложить ученикамъ въ день пріобщенія Св. Таинъ, еще при Дабижѣ, и былъ жестоко ими оскорбленъ, съ того времени я уже ни шагу въ пансіонъ, вовсе не вмѣшивался въ его внутреннюю жизнь, въ его порядки, хорошіе ли, дурные. Еще болѣе оттолкнула меня отъ пансіона страшная холодность ко всему религіозному и церковному, которую дѣти, конечно, заимствовали отъ своихъ воспитателей, подобныхъ Рупневскому, Петрушевскому и пр. Разъ, тоже еще при Дабижѣ, я вызвался прочитать наканунѣ Св. Причащенія правило въ церкви, сталъ читать; но во время чтенія изъ послѣднихъ рядовъ, позади меня, доносились смѣхъ, топотъ, входили и выходили; словомъ, большинство вело себя весьма неблагоговѣйно... развѣ только маленькія дѣти первыхъ двухъ классовъ оставались спокойны. Я изъ всего этого увидѣлъ, что не могу разсчитывать на какую либо пользу въ средѣ этихъ дурно настроенныхъ дѣтей, и пересталъ вовсе бывать въ пансіонѣ, навсегда, не будучи увѣренъ, что не получу оскорбленій изъ за угла или изподтишка. Поэтому не знаю близко, какъ шли дѣла у Ростовцева въ пансіонѣ. Пансіонеры затѣяли какое-то самоуправство, какой-то заговоръ противъ усиленнаго надзора. Ростовцевъ и тутъ настоялъ на немедленномъ увольненіи трехъ или четырехъ за разъ: тогда былъ уволенъ Юскевичъ-Красновскій, сынъ моего добраго учителя Ивана Доминовича, Замятянъ, въ низшихъ классахъ, прекрасное дитя, любимое мною и мнѣ преданное Ковричъ, Писаревъ.

Библиотека "Руниверс"

Настойчивость, требовательность, при спокойномъ отношеніи къ дѣлу и рѣшительныя мѣры, произвели свое благотворное дѣйствіе: дисциплина въ Гимназіи была возстановлена. И съ этой поры наступаетъ для меня пора самаго спокойнаго мирнаго труда въ средѣ дѣтей почтительныхъ, послушныхъ, исполнительныхъ, ведущихъ себя безукоризненно, отлично. Къ числу мѣръ, которыя въ моихъ классахъ, т. е. тамъ, гдѣ предстоялъ мой урокъ, поддерживали порядокъ со стороны инспекціи, я употреблялъ и свое личное вліяніе на дѣтей. Каждый разъ, по приходѣ въ классъ, особенно въ 1-мъ 2-мъ классахъ, гдѣ было больше времени, я прочитывалъ дѣтямъ что-либо. Такъ по частямъ я прочитывалъ цѣлую большую повѣсть изъ дѣтскихъ журналовъ. Дѣти очень любили слушать, очень дорожили случаемъ послушать хорошаго чтенія... и вотъ лишь только наступало время моего урока, въ классѣ водворялась необычайная тишина; дѣти знали, что лишь пробьетъ звонокъ, я явлюсь тотчасъ, и сидѣли съ напряженнымъ ожиданіемъ моего прихода. Отрадно было на душѣ, когда вступалъ я въ классъ, точно пустой, такая была тишина невозмутимая. Иногда я не могъ скрыть улыбки удовольствія, и урокъ начинался чтеніемъ. Что бы ни читали, много ли, мало ли, дѣти всѣ поднимались послѣ чтенія и поклономъ благодарили за чтеніе. Иногда я читалъ и въ концѣ урока, и даже значительную часть урока занималъ чтеніемъ, когда видѣлъ, что урокъ приготовленъ хорошо, знаютъ отчетливо, пишутъ правильно заданное, напр., стихотвореніе и пр. Тогда въ награду, я что нибудь читалъ. Когда же, случалось, я заставалъ классъ въ нѣкоторомъ непорядкѣ, я не читалъ, объявляя, что лишаю ихъ чтенія въ наказаніе за непорядокъ. На другой разъ уже приходя въ классъ, я могъ вполнѣ наслаждаться примѣрнымъ порядкомъ и, конечно, опять читалъ. Такъ дѣти привыкли къ такому порядку предъ моими уроками, что надзиратели и инспекторъ, проходя мимо класса, могли уже напередъ знать, что это будетъ мой урокъ, когда видѣли классъ въ полнѣйшемъ порядкѣ. Благодареніе Богу, такимъ образомъ дѣло у меня продолжало идти чрезъ цѣлыя 12 лѣтъ, съ 1862 по 1874 годъ; я вполнѣ наслаждался миромъ, и бывали годы, когда я, можно сказать, не имѣлъ надобности возвышать голосъ, говоря съ дѣтьми. И за все это я не могу не поблагодарить сердечно.

Библиотека "Руниверс"

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ [1]).

1843.

Жизнь въ Крыму.

15-го Іюня 1843 года Юрій Никитичъ выѣхалъ съ семьею своею изъ Кореиса, чтобы въ Симферополѣ посовѣтоваться съ докторомъ Мильгаузеномъ; больной возлагалъ большія надежды на лѣченіе грязевыми ваннами. По дорогѣ онъ, какъ любитель ботаники, рѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ Гартвиса, директора Никитскаго сада, и пожить въ этомъ уже тогда образцовомъ учрежденіи. Предоставляемъ ему самому описывать свою поѣздку, такъ какъ дневникъ его за это время сохранился почти въ полномъ видѣ (конечно здѣсь приводятся только выдержки изъ этого дневника наиболѣе изображающія этого достопамятнаго человѣка). Ю. Б.

Вторникъ, 15-го Іюня 1843. Никитскій садъ.

Собрались окончательно. Проснувшись еще рано поутру, я услышалъ проливный дождь, какого въ Россіи рѣдко бываетъ; мнѣ вообразилось, что такой дождикъ бываетъ подъ тропиками. Сестра князева [2]) прислала къ намъ одного изъ своихъ поваровъ съ предложеніемъ изготовить намъ обѣдъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она прислала и свои припасы. Приходили прощаться Лиза, Ольга Карловна, управитель, у котораго я взялъ только что починенный въ Мисхорѣ шарабанъ; бричку съ кладью мнѣ привелось оставить, потому что проѣхавшій въ Алупку Крымскій губернаторъ забралъ лошадей: мнѣ досталось только четыре лошади. Вотъ, послѣ обѣда, помолившись Богу, отправились въ путь; бричку обѣщали вслѣдъ за нами отправить часа чрезъ два. До Ялты десять или двѣнадцать верстъ ѣхали мы, наслаждаясь и природою, и свѣжестью горнаго воздуха; проѣзжали двѣ Оріанды, царскую и покойнаго графа Витта. При въѣздѣ въ городокъ встрѣтили мы князя Козловскаго, присовѣтовавшаго намъ ѣхать далѣе и не останавливаться въ трактирѣ, чтобъ дождаться брички. На почтѣ я оставилъ бумагу, чтобъ

---

[1]) См. Р. Архивъ 1893, III, 516.

[2]) Т. е. Елисавета Михаиловна Кологривова, сводная сестра князя А. П. Голицына, домашнимъ секретаремъ котораго жилъ Ю. П. Бартеневъ на южномъ берегу Крыма. Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

мои письма пересылать въ Симферополь. Поздненько уже мы отправились изъ Ялты; дождевыя тучи сбирались, но мы успѣли доѣхать до поворота въ Никитскій садъ. Дорога въ этотъ садъ довольно стремниста, мы вышли и пошли пѣшкомъ. Смеркалось; тѣни по дорогѣ было очень много; шарабанъ уѣхалъ впередъ, и даже звонъ колокольчика не былъ слышанъ, все молчало, и вотъ мы услышали говоръ людской; форейторъ озаботился идти къ намъ навстрѣчу, предполагая, не заплутались ли мы, и онъ шелъ въ сопровожденіи г. Гартвиса, директора Никитскаго сада, и его супруги, которые вышли встрѣтить утомленныхъ путешественниковъ. По приходѣ, горячій чай ожидалъ уже насъ, а вскорѣ и свѣжія постели со всѣми принадлежностями. Моя кровать была коротка; я худо спалъ, безпокойныя сновидѣнія тревожили меня. Поутру вяло и съ затрудненіемъ исполнялъ долгъ свой, около получаса сократилъ свое занятіе, если не по немощи, то по невозможности*). Самочестивое и адамическое самолюбіе нашептывало мнѣ о казуистической исправности моей.—Почтмейстеръ Ялтскій очень простъ мнѣ показался. Видѣлъ въ Ялтѣ Жида Бухштаба, который предлагалъ мнѣ квартиру; видѣлъ и аптекаря, пріѣхавшаго ко мнѣ на станцію и привезшаго спиртъ, которымъ я тру ногу и спину. Господи, да будетъ воля Твоя! Сохрани насъ грѣшныхъ невредимо!

Середа, 16-го Іюня. Никитскій садъ.

Я спалъ дурно, кровать была коротка; халата надѣть нельзя было, потому что онъ вмѣстѣ съ прочими вещами оставался въ бричкѣ. Дождь ливмя лилъ, барометръ опустился. Пособіе большое однако было въ хозяинѣ; разговоры были съ нимъ безпрестанные; всякое слово его было плодомъ девятнадцатилѣтней опытности, ибо столько живетъ на южномъ берегѣ Крыма и управляетъ Никитскимъ садомъ, разведеннымъ съ 1812 года. Мнѣ больно было, что, послѣ стольких лѣтъ постояннаго желанія увидѣть этотъ садъ, чаяніе мое не сбывалось; предъ обѣдомъ дождь поуменьшился, и хозяинъ пригласилъ меня пройтись по саду въ калошахъ и съ зонтикомъ. Дѣйствительно, было чего поглядѣть. Мы пошли по нижнему саду, который обращенъ къ морю. Это родъ Англійскаго сада; вездѣ деревья съ густою тѣнью и тамъ, гдѣ въ Англійскихъ садахъ разбросаны обыкновенныя деревья, въ саду Никитскомъ красуются деревья отборныя, имѣющія каждое свое значеніе. Надглядный, бѣглый взглядъ не оставляетъ ясныхъ и отдѣльныхъ впечатлѣній, и потому коечто могу лишь припомнить изъ видѣннаго мною. Видѣлъ Калифорнскую

*) Т. е. такъ называемое „царственное дѣяніе“, религіозно-аскетическое упражненіе, состоящее въ повтореніи съ извѣстными пріемами „молитвы Іисусовой.“ Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

сосну, это родъ рѣдчайшаго и полезнѣйшаго пинуса; сосна порядочнаго роста и не въ одномъ экземплярѣ. Видѣлъ нѣсколько экземпляровъ тертуллія или Китайскаго зонтика съ вѣчно зеленымъ штамбомъ и широкими подтропичными листьями. Видѣлъ маленькую аллейку, обсаженную по обѣимъ сторонамъ кустарниками, и эти кустарники суть все разнаго вида виноградъ, котораго здѣсь до трехсотъ сортовъ въ одномъ мѣстѣ собрано. Видѣлъ плющъ особеннаго рода, яркой зелени, который совершенно закрылъ стѣну теплицы; свойство его пускать корни въ оштукатеренную даже стѣну. Лавровыя деревья здѣсь распрекраснѣйшія, они покрыты какимъ-то блестящимъ глянцомъ. Множество деревьевъ и кустарниковъ вѣчно зеленѣющихъ и листъ которыхъ даже не опадаетъ и зимою. Видѣлъ нѣсколько новоголландскихъ растеній: эти въ кадкахъ или ящикахъ выставлены на воздухъ. Одно между ними растеніе, у котораго вмѣсто плода родъ щетки. Видѣлъ распрекраснѣйшую акацію также изъ Новой Голландіи. Кипарисы здѣсь свѣжи, высоки и величественны; они обыкновенно пирамидальны, но есть и другого рода кипарисы, такъ называемые Восточные. Въ саду во многихъ мѣстахъ сохранились и прежнія деревья, которыя росли на этомъ мѣстѣ и тогда, какъ еще и садъ не существовалъ; они очень сохранились, соколистственны и громадны. Обыкновенно деревья эти или орѣшина, или ясень, терпентинное дерево. Николай Андреевичъ сказалъ, что эти аборигены не безъ гордости посматриваютъ на вытѣсняющее ихъ новое поколѣніе. Часто подъ этими старыми деревьями подѣланы лавочки, на которыхъ отдыхать можно. Сквозь непересѣкающуюся тѣнь деревьевъ есть мѣсто, гдѣ можно видѣть и море въ грозномъ его величіи; городокъ Ялта съ его гаванью виднѣется вправо отъ Никиты въ самомъ близкомъ разстояніи, хотя по горамъ мы немалое проѣхали разстояніе. Дождикъ снова ливмя полилъ, и мы принуждены были возвратить ся домой, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ, за которымъ отвѣдывали мы до десяти сортовъ стараго вина, изготовляемаго также подъ непосредственнымъ присмотромъ самого хозяина. Вино было отличное, особенно подъ именемъ стараго Испанскаго мушката; пробовали мы вино и изъ винограда изабель, который такъ мнѣ нравится. Бургонскія красныя вина также отличнѣйшія; словомъ, въ отношеніи винъ желать лучшаго невозможно. Дождь ливмя продолжалъ лить, и хозяинъ сказывалъ, что онъ не запомнитъ подобнаго случая во всѣ девятнадцать лѣтъ своего пребыванія въ Крыму; столь продолжительные дожди въ Іюнѣ почти никогда не бываютъ на Южномъ берегу. Хозяинъ показывалъ мнѣ проектъ заготовляемаго имъ каталога растеніямъ, который богатствомъ именъ затмитъ всѣ прочіе каталоги въ Россіи. Г. Гартвисъ, кромѣ казенной, имѣетъ и свою библіотечку; кромѣ ботаническихъ книгъ, у

Библиотека "Руниверс"

него есть и многія другія. Я видѣлъ шесть или семь толстыхъ томовъ Риттерова описанія Азіи, сочиненія котораго я еще и самъ не зналъ, хотя мнѣ и извѣстно было Риттерово описаніе Африки; въ шкафѣ его есть и Кальдеронъ, есть любимый имъ Гёте, а Шиллеръ, по словамъ его, болѣе сподручъ юношамъ. Дождь лилъ не перемежаясь, и онъ все поглядывалъ въ окошки и выходилъ на балконъ; я самъ очень тосковалъ, но не хотѣлъ этого показывать. Безпрестанно поглядывали на барометръ, но надежда была плоха. Заснули, уповая на милость Божію: авось либо время перемѣнится. Поутру я исполнилъ свою обязанность, но все таки минутъ двадцать пять отшлъ отъ положеннаго времени: часа и пяти минутъ. Я много болталъ, много пробовалъ вина и много разсѣевался въ этотъ дождливый день моего путешествія.

Четвертокъ, 17-го Іюня. Станція Біюкъ-Дамбатъ.

Просыпаясь поутру, я трепеталъ о погодѣ; къ счастію она оказалась ясною. Дождь унялся, солнце сіяло Іюньскимъ свѣтомъ. Напившись чаю, хозяинъ пригласилъ насъ на ботаническую экскурсію. Мы снова прошли около Линнеева памятника, которому во время даже самаго дождя мы съ хозяиномъ отвѣсили по низкому поклону. Теперь мы пробрались въ такъ называемый верхній садъ, котораго вчера не видали. Площадки верхняго сада обширныя; на нихъ выросли деревья и заведена школа, принадлежащая нѣкоторымъ сходственнымъ фамиліямъ, напримѣръ, площадка съ абрикосами, персиками, сливами возможныхъ видовъ и вкусовъ. Посреднѣ площадокъ устроены дорожки, способствующія прогулкѣ. Хозяинъ повелъ насъ въ обширное отдѣленіе, гдѣ помѣщены лѣсныя деревья Сѣверной Америки и прочихъ странъ. Я видѣлъ прелестныя ясени, которыхъ въ саду до тридцати сортовъ; видѣлъ буковъ, видѣлъ кленовъ, между которыми одинъ видъ клена Канадскаго, и въ немъ заключается чистѣйшее вещество для сахара. Видѣлъ кедръ Ливанскій порядочный уже ростомъ. Видѣлъ Сѣверо-американскіе орѣхи двухъ родовъ, величественныя и граціозныя деревья. Видѣлъ собраніе дубовъ и между ними видъ Американскаго, разпрелестнѣйшій съ широкими и матово-зелеными листьями. Видѣлъ помѣщеніе для пиніусовъ; здѣсь сосны и ели Чилійскія, Китайскія, всякія, и все это должно приносить вкусный плодъ въ свое время. Это отдѣленіе сада особенно меня заняло; кое-гдѣ разбросаны купы старыхъ деревьевъ, дающихъ прохладную тѣнь во время зноя. Находившись съ Варенькою и хозяиномъ досыта, мы возвратились отдохнуть въ домъ, а потомъ по приглашенію хозяина и вновь пустились въ другой уже разъ. Опять пошли вторично съ Варенькою и г. Гартвисомъ въ нижній садъ; на сей разъ дождь намъ не мѣшалъ. Мы посѣтили и тѣ от-

Библиотека "Руниверс"

даленныя отдѣленія сада, въ которыхъ вчера не были по причинѣ дождя. Въ нижнемъ концѣ сада остановила вниманіе наше дубовая рощица, но изъ такихъ дубовъ, которыхъ въ Россіи не увидишь въ натуральномъ грунтѣ. Хотя деревья и называютъ дубами, но они не дубы, а скорѣе пробочныя деревья chênes-lièges, ибо изъ ихъ корки добываются наши обыкновенныя пробки; Гартвисъ срѣзалъ немного и предложилъ нашей спутницѣ. Недалеко отъ этой замѣчательной рощицы, другая не менѣе занимательная роща изъ старыхъ миндальныхъ деревъ насъ встрѣтила. Г. Гартвисъ сказывалъ намъ, что не только тѣ деревья отцвѣли благополучно, но даже завязался и плодъ, какъ вдругъ зловѣщій морозъ поразилъ и сжалъ своимъ хладнымъ дыханіемъ. Недалеко отъ мѣста сего я замѣтилъ нѣсколько деревьевъ инжира или фиговыхъ; такого роскошества въ прозябаніи я еще мало видывалъ: это дерево по своему штамбу, большимъ бархатистымъ листьямъ и какому-то особенному выраженію, очень похоже на подтропичное. Въ мѣстахъ, не занятыхъ кустарниками, особенно возлѣ дорожекъ, насажены цвѣты и пахучія растенія; въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ и чудную луцерну, которую и здѣсь можно скашивать по четыре раза въ годъ, между тѣмъ какъ въ Испаніи она скашивается и болѣе разъ. Эта трава похожа на траву картофеля, и я ее видѣлъ довольно высокою и разложистою не болѣе какъ послѣ четырехъ дней перваго скошенія. Не надобно тогда овса лошадямъ, когда бы можно было кормить ихъ одною луцерною; боятся лишь ее давать, потому что скотъ объѣдается ею и заболѣваетъ. Я сказалъ о благовонныхъ растеніяхъ: по окраинамъ дорожекъ стелются густыя полосы Лавандулой травы; она здѣсь такъ обыкновенна, какъ клеверъ въ Россіи; сѣютъ ее и въ Лифляндіи, но на зиму закрываютъ соломою, здѣсь же она пахуча и растительна и отдана подъ сохраненіе неизмѣнной теплоты Крымскаго воздуха, лишь для меня одного суроваго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около дорожекъ красуются пышныя цвѣты умильнаго для нихъ неба Тавріи. Здѣсь роза, нѣжная, роскошная въ яркихъ отливахъ своего цвѣтенія, взбѣжала на высокое дерево и причудливо свѣтится красою своею между яркою и густою его зеленью. Эта роза смѣтливымъ Гартвисомъ названа графинею Воронцовою и извѣстна уже подъ этимъ названіемъ въ Гамбурскомъ и Англійскихъ каталогахъ садоводства. Любители наперерывъ ищутъ пріобрѣтать этотъ милый цвѣтокъ, эту особенную разность (varietas) розы изъ обширнаго ея поколѣнія. Иногда встрѣчается роза и другого рода, роза уединенная съ матовымъ отливомъ бѣлизны, неподражаемо свѣжимъ. Этотъ видъ цвѣтка называется rosa unica, единственная. Мы встрѣтили цвѣтокъ: кавалерскую звѣзду, затѣйливую игру природы; встрѣтили райскій кринъ величавый и важный цвѣтъ, который напо-

Библиотека "Руниверс"

милъ намъ библейское выраженіе. Но что болѣе тронуло меня, особенно въ отдаленныхъ отдѣлахъ сада, гдѣ красуются лѣсные деревья и кустарники, собранные со всѣхъ тѣхъ частей свѣта, гдѣ температура и широта хотя немножко a priori можетъ согласоваться съ Никитскою: это дивныя лиліи. На высокихъ своихъ стебляхъ нѣжится этотъ благородный и скромный цвѣтъ всегда отрадный чистому оку по своей бѣлизнѣ и свѣжести. Пріятно было взглянуть, какъ чародѣй Гартвисъ заставилъ виноградную лозу взбѣжать на высокое сѣнолиственное дерево; лоза смѣло повѣсилась и обвила станъ его, какъ бы зная, что это непротивно дереву. Отцвѣтшія лозы висятъ между листьями его и приводятъ въ недоумѣніе наглядныго наблюдателя, что бы это было за прозябеніе? Никитскій садъ есть обаяніе не для одного лишь чувства зрѣнія: проходя тропинками его, обоняніе періодически также поражается; различное благовоніе кустовъ не перемеживается и сопровождаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ до пріятнѣйшаго запаха цвѣта винограда, который, походя на резеду, разносится по воздуху, какъ благодарный ѳиміамъ Творцу.

Пріѣхавъ въ Симферополь, Ю. Н. Бартеневъ поселился на приготовленной уже ему квартирѣ въ домѣ нѣкоего Лапга, доктора въ отставкѣ.

Суббота, 19-го Іюня. Гор. Симферополь.

Вчера посѣтилъ насъ хозяинъ здѣшняго дома и Е. Жегочевъ, Петербургскій знакомецъ, который и сегодня приходилъ къ намъ и обѣдалъ, чѣмъ Богъ послалъ. Кухарка была хозяйская и невеликая мастерица, а та, которую заблаговременно для насъ наняли, та, какъ видно, отказалась. Жегочевъ доставилъ нѣсколько Русскихъ газетъ, продолженіе прочитаннаго въ Кореисѣ. Принесли съ почты пространное и занимательное письмо отъ Максимовича и книги, назначаемыя имъ въ подарокъ для князя А. Н. Голицына. Тутъ приложено было и для меня сочиненіе Кулѣша, романъ, гдѣ описывались Малороссійскіе нравы. Я поглодалъ его, но онъ мнѣ что-то не полюбился. Еще письмецо изъ Петербурга отъ вдовы Скворцовой, и Французскій табакъ отъ Ив Петр. Егорова. Тотъ же табакъ, что я привезъ изъ Кореиса, для меня уже не годился, ибо плетеная бутылка, въ которой онъ находился, разбилась въ дорогѣ отъ небреженія моего камердинера. Я бы и не остановился описывать такую мелочь, если бъ я не сдѣлалъ по сему предмету великаго, безумнаго и непростительнаго паденія: я до того разсердился на моего человѣка, что вышелъ изъ себя и поколотилъ его... Поутру исполнилъ вяло мою обязанность и отнялъ слишкомъ полчаса отъ моего обычнаго занятія.

Библиотека "Руниверс"

Воскресенье, 20-го Іюня

Сегодня посѣтили меня губернскій почтмейстеръ, здѣшній помѣщикъ Султанъ-Гирей и Жегочевъ, который и обѣдалъ у меня. Султанъ разсказывалъ мнѣ разныя занимательныя подробности про здѣшній бытъ. Доказалъ мнѣ, какъ пять пальцевъ, какъ бы выгодно было вмѣсто виноградныхъ лозъ разводить сады фруктовые. Въ Алуштѣ за фрукты съ трехъ только грушевыхъ деревъ нѣкто получилъ въ прошломъ году до 700 рублей. Но въ то время, когда съ пользою можно бы было разводить плодовыя деревья, всѣ бросились на виноградъ, и всѣ обочлись. Съ нѣкотораго времени всѣ принялись за саженье плодовыхъ деревьевъ: Султанъ посадилъ лучшихъ сортовъ таковыхъ деревьевъ нынѣшнюю весну до 1200 штукъ. Почтмейстеръ, изъ солдатскихъ дѣтей, былъ въ Италіи, на Кавказѣ, въ Сибири и наконецъ поселился и служитъ здѣсь. Человѣкъ, кажется, простой и добрый. При немъ принесли мнѣ посылку съ почты изъ Кологрива, отъ Сприна: посылка состояла въ изображеніи построекъ тамошняго уѣзднаго училища, гдѣ онъ служитъ штатнымъ смотрителемъ[1]). Послѣ обѣда пошелъ гулять по городу вмѣстѣ съ Жегочевымъ; городъ показался мнѣ пустъ и выстроенъ на Азіатскій манеръ. На нѣкоторыхъ улицахъ нѣтъ домовъ съ окошками, а стоятъ они къ улицѣ пустою стѣною. Я заходилъ къ Казначееву, но его не засталъ; заходилъ къ Султану и гулялъ въ его садикѣ. Жена у него Англичанка, мать восьмерыхъ дѣтей и, кажется мнѣ, добрая женщина. Ходилъ гулять по здѣшнему публичному саду; онъ новъ, но деревца въ немъ свѣжи и прекрасны. Мелькомъ взглянулъ на губернатора здѣшняго, который прохаживался въ саду со своею молодою женою. О губернаторѣ говорятъ хорошее[2]). Поутру занимался своею обязанностію, но нѣсколько только минутъ: почувствовалъ нѣкоторую дурноту... Я весь въ какомъ-то разсѣяніи и какъ будто оторопѣлъ: въ чувствахъ нѣтъ благоговѣнія... Помоги Господи!

Понедѣльникъ, 21-го Іюня.

Вотъ и желанный сердцу моему докторъ Мюльгаузенъ посѣтилъ меня; тотъ врачъ, для котораго я сюда и пріѣхалъ. Я съ нимъ не видался около двадцати пяти лѣтъ. Онъ меня пользовалъ, когда я еще былъ офицеромъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и далъ мнѣ докторскій совѣтъ—жениться. Онъ переѣхалъ изъ Петербурга сюда на житье и проживаетъ здѣсь въ Крыму благополучно слишкомъ двадцать два года. Лицо у него еще свѣжее, патріаршее, и онъ можетъ безъ очковъ читать очень мелкую печать. Онъ, поразспросивши меня хорошенько,

[1]) Ю. П. Бартеневъ долго служилъ директоромъ Костромской гимназіи и училищъ. П. Б.

[2]) Это былъ Матвѣй Матвѣевичъ Муромцовъ. Его Записки въ „Р. Архивѣ" 1890. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

прописалъ мнѣ пилюли и пластырь на лайкѣ для прикладыванія къ больному мѣсту. Что же касается до цѣлебныхъ грязей, то онъ не находитъ нужды, чтобъ я ѣхалъ туда; да сомнѣвается еще, чтобъ грязи и были готовы, смотря на нынѣшнее дождливое лѣто. Грязи приготовляются природою тогда, когда соленая вода изъ озера испаряется отъ жаровъ и чрезъ то оставляетъ закраины озера влажными, собираясь только на середину онаго.—Принесли мнѣ газеты и письма. Первое, изъ Петербурга, отъ Ивана Петровича Егорова; второе, изъ Вытегры, отъ г. Яна; изъ Петербурга, отъ бр. Семенова и отъ сестрицы князевой изъ Ялты. Послѣдняя очень благосклонно пишетъ, что новаго ничего нѣтъ.—Ходилъ, какъ сдѣлалось полегче, что̀ случилось послѣ полудня, въ одну изъ здѣшнихъ аптекъ къ Е. Христлибу. Аптека прекрасная; самъ аптекарь человѣкъ молодой, вѣжливый, образованный. Я нашелъ много новоизобрѣтенныхъ иностранныхъ медикаментовъ и взялъ на осмотрѣнье двѣ новыя машинки для промыванья, Англійскаго изобрѣтенія. Вечеромъ посѣтилъ меня, кромѣ Жегочева, здѣшній помѣщикъ Гротенъ, который живетъ близко Симферополя у подошвы горъ. Онъ разсказывалъ про Чатыръ-Дагъ, на которомъ нѣсколько разъ бывалъ; говорилъ, что на немъ пасется лѣтомъ около 30,000 овецъ. Онъ уже здѣсь живетъ давненько и улучшаетъ довольно обширную свою маетность (слишкомъ 2000 десятинъ). Онъ сказывалъ мнѣ, что три раза онъ обязанъ излѣченіемъ своимъ старцу Мюльгаузену и все въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ коихъ одинъ, что Мюльгаузенъ излѣчилъ его отъ рака въ горлѣ. Поутру я исполнялъ свой долгъ сперва трудненько (много было сорныхъ травъ), впослѣдствіи мирнѣе. Цѣлый день ничего не ѣлъ. Былъ въ разсѣяніи, ничего къ собранію духа не читалъ. Многотерпѣливый Господи, потерпи меня!

Вторникъ, 22-го Іюня.

Приходилъ ко мнѣ Казначеевъ, показывалъ свое участіе, предлагалъ прогуляться по здѣшнимъ окрестностямъ; я ему заплатилъ деньги за варенье, которое онъ прислалъ ко мнѣ въ Кореисъ. Но болѣе удовольствія доставилъ онъ мнѣ тѣмъ, что прислалъ четыре книги «Москвитянина», которыя я цѣлый день и разсматривалъ. Душа моя со вчерашняго дня въ нѣкоторомъ волненіи; въ ней блуждаетъ любострастный помыслъ. Господи, довольно въ жизни моей я заплатилъ даней этому пороку, не допусти пасть мнѣ во внутренности сердца моего, которая должна быть посвящена Господу. Домашніе мои ходили на рынокъ за покупкою разныхъ необходимыхъ вещей для дома: чашекъ чайныхъ, сахару, чаю, прованскаго масла и проч. и проч. Было холодно и дождливо. Желудокъ мой все еще не устроился. Во снѣ видѣлъ Ѳедор. Иван.

Библиотека "Руниверс"

Пряничникова, въ какихъ-то былъ съ нимъ объясненіяхъ; онъ не отвѣчалъ мнѣ на мои два письма къ нему; пусть сердится, лишь бы Богъ не гнѣвался.

Середа, 23-го Іюня.

Читалъ Philosophie Divine; писалъ къ князю письмо. Обѣдалъ Жеточевъ. Послѣ обѣда пошли мы за городъ къ старику Мюльгаузену. Пройдя мостъ, мы пошли около города; время было нехолодное. На концѣ города продолжительные фруктовые сады, обнесенные каменною стѣною, которой конца нѣтъ. Домъ у Ѳедора Карловича большой. Лѣтомъ, должно быть, въ немъ очень прохладно, а теперь даже и сыренько; стѣны въ обширной комнатѣ, съ которой выходъ въ садъ, расписаны al fresco. Садъ у него на пятидесяти десятинахъ; плодовыя деревья посажены у него въ симетрическомъ порядкѣ, кажется мнѣ, на четырехъ-саженномъ разстояніи. Если есть въ промежуткахъ деревья и ближе посаженныя, какъ то вишня, черешня, слива, то хозяинъ хочетъ ихъ вырубить, чтобъ не мѣшали расти дорогимъ грушамъ и яблокамъ. Новый садъ засадилъ самъ хозяинъ: фрукты съ него обыкновенно поступаютъ въ продажу, а предъ домомъ его есть садикъ, какъ бы собственно хозяевамъ принадлежащій. Есть и другой садъ у хозяина, прежде его насаженный: тамъ и водяная мельница. Въ этомъ саду деревья старыя; я видѣлъ величественную осокорь, populus nigra, видѣлъ бѣлый тополь, видѣлъ вишни и черешни колосальной величины и толщины. Теперь въ саду фруктовъ нѣтъ, а когда урожай, тогда ихъ бездна; отъ красныхъ вишень деревья всѣ красны дѣлаются. Хозяинъ легокъ на подъемъ, бѣгаетъ какъ молодой человѣкъ, перелѣзаетъ чрезъ заборы, переходитъ чрезъ перекладинку ручьи, отворачиваетъ большіе каменья, которыми припираются садовые ворота. Благословенная старость! Память у него пресчастливая. Я очень усталъ и спалъ не такъ покойно. Предъ прогулкою кровь вступила мнѣ въ лицо, голова была нѣсколько тяжела, на прогулкѣ все прошло. Вчера и сегодня поутру исполнялъ долгъ свой не такъ удовлетворительно, въ обоихъ разахъ не выполнилъ положеннаго времени. Любострастные помыслы и сегодня не оставляли меня; я вяло сражаюсь съ ними, сила порочной привычки вмѣстѣ съ грѣхомъ тяготѣетъ на мнѣ; впрочемъ уповаю на милость Господа моего и призываю святое Его имя и всесильную помощь.

Четвертокъ, 24-го Іюня.

Цѣлый почти день была дождливая погода съ порывами вѣтра, съ отдаленными перекатами грома; вчерашнюю же ночь дождь такъ уси-

Библиотека "Руниверс"

лился, что пробило дождемъ потолокъ и смочило софу, на которой я обыкновенно пишу. Получилъ изъ Ялты множество газетъ и письма, отъ Елиз. Михайловны, отъ Власенкова изъ Петербурга и отъ брата изъ Костромы. Сообщена мнѣ копія съ бумаги, присланная министромъ народнаго просвѣщенія къ князю о принятіи Государемъ Императоромъ въ свои пансіонеры дѣтей Спасскаго. Это вслѣдствіе моей просьбы, которая отмѣчена въ свое время въ журналѣ. Докторъ Мюлгаузенъ, не смотря на ненастную погоду, посѣтилъ меня, и я разсказалъ ему о нашей Печорской кампаніи. Послѣ обѣда пошелъ съ Жегочевымъ прогуливаться, ходили по здѣшнему саду; любострастныя мысли меня не оставляютъ, а въ нѣкоторомъ смыслѣ даже усиливаются. Онѣ слѣдятъ меня, и я, какъ ладья вѣтромъ колеблемая, ношусь по пучинѣ грязной зыби. Господи, помоги мнѣ! И сегодня старался я исполнить долгъ свой, но десять минутъ все таки вычелъ по нетерпѣнію и недостоинству изъ моего занятія.

Пятница, 25 го Іюня.

Во весь этотъ день я чувствовалъ легкое спазматическое состояніе въ желудкѣ, которое заставило меня вставать и ночью. Въ аптекѣ я встрѣтилъ молодаго человѣка, Серба; былъ у предсѣдателя Казенной Палаты, онъ жаловался намъ, что цѣлый годъ, какъ Крымская лихорадка ломаетъ всѣ его суставы. Нарядное утѣшеніе въ будущемъ! Писалъ письма къ князю, сестрѣ его и отвѣтъ Сирину въ Кологривъ и все это отправилъ на почту. Исполнялъ долгъ свой, но далеко не выполнилъ назначеннаго времени. Получа 6-ю книгу «Отечественныхъ Записокъ», я такъ заинтересованъ былъ статьею о Пушкинѣ, что даже и ночью нашелъ время почитать ее нѣсколько [1]).

Суббота, 26-го Іюня.

Проливный дождь съ ударами грома, съ блескомъ молніи почти весь день продолжался; поутру я зачитался «Отечественныхъ Записокъ», и такимъ образомъ цѣлый почти день не одѣвался. Поразило меня въ журналѣ извѣстіе о смерти поэта Теплякова [2]); съ которымъ я былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ; это были и пріятельскія, и литературныя связи. Отъѣзжая въ чужіе края, онъ поручилъ мнѣ свою пріятельницу, прелестнѣйшую дѣвицу, какую когда-либо я встрѣчалъ, настоящую розу

[1]) Это и были знаменитыя статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Ю. Б.

[2]) Викторъ Алексѣевичъ Тепляковъ, путешественникъ по Болгаріи и поэтъ. Его стихотворенія изданы въ 2-хъ томахъ въ 1832—1836. Пушкинъ былъ лично знакомъ съ нимъ, называлъ его „Мельмотомъ-скитальцемъ“, цѣнилъ его поэтическій талантъ и посвятилъ его „Фракійскимъ элегіямъ“ сочувственный разборъ. Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

по свѣжести. И она даже въ день отъѣзда его успѣла памѣнять ему по моимъ предложеніямъ и денежному обольщенію..... Это родъ черты изъ записокъ Казановы; дѣло дурное и развратное въ моей жизни, обильной еще большими въ этомъ родѣ происшествіями. Богъ и Господь, очисти мою и его душу, ради безмѣрной любви Твоей къ роду человѣческому. Смерть Теплякова была, по словамъ письма очевидца, очень тяжела. Какова-то моя собственная кончина будетъ? Какъ мнѣ предстать предъ судомъ Великаго Судіи, обрызганному и обезображенному всѣми видами любострастія? Боже, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ; помилуй, ради милосердія Твоего, и его душу. Въ продолженіе такого ненастнаго времени боль въ лѣвомъ боку моемъ усилилась; комнатная сырость также на меня большое имѣла вліяніе, такъ что меня порядочно прикрутило. Занятіе имѣлъ сегодня поутру неполное, но безъ особенной тягости. Вожделѣвательная сила волп слаба, очень слаба искать во глубинѣ Господа. Приснился мнѣ сонъ: вижу тяжелое и мрачное облако, закрывшее горизонтъ, и посреди этого облака колоссальное кадило, движимое на пространствѣ размѣра великаго; ѳиміама на кадилѣ не замѣтилъ.

Воскресенье, 27-го Іюня.

Пришли ко мнѣ два Еврея, старый и молодый; они здѣсь рѣзчики на камнѣ. Старый за свое искусство получилъ брильянтовый перстень отъ Государя. Я имъ отдалъ свой камень topaze fumé, подаренный мнѣ княземъ предъ выѣздомъ его изъ Петербурга. Молодой Еврей новаго образованія; я ему сказалъ, что пріуготовляется для нихъ правительствомъ полная система образованія. «Образованіе составитъ наше несчастіе, отвѣтствовалъ молодый.—Какимъ это образомъ?—Образованіе еще болѣе ослѣпитъ нашъ несчастный бытъ, и мы будемъ болѣе постигать ничтожество наше». Вообще я замѣтилъ, что Евреи, въ нѣкоромъ смыслѣ примыкающіе къ Одессѣ, гораздо облагороженнѣе, чѣмъ всѣ другіе Евреи, которыхъ мнѣ удавалось встрѣчать въ жизни. Пріѣзжали къ намъ съ визитомъ супруги Казначеевы; посидѣвши немножко, удалились. Вообще я напрасно полагался на пріязнь Казначеева: одна лишь нахлестанная учтивость и, кажется, болѣе ничего. Погода все стоитъ перемѣнчивая. Все занимался пятою книжкою «Москвитянина», присланною мнѣ Казначеевымъ. Вечеромъ прогнали меня походить, и я пошелъ въ лавку того Еврея, которому отдалъ вырѣзывать печать. Я нашелъ его за работою; онъ нарисовалъ уже на камнѣ гербъ мой. Старикъ сказалъ, что, по ихъ наблюденіямъ, если будущій Вторникъ будетъ дождь, если оный продолжится Среду и Четвертокъ, то во все лѣто будетъ постоянно дождливая погода. Въ святой обязанности моей предъ Господомъ не встрѣтилъ я особенныхъ неудобствъ.

Библиотека "Руниверс"

Понедѣльникъ, 28-го Іюня.

Получилъ письма; первое, изъ Петербурга, отъ Латкина, изъ Одессы, отъ Дм. Иван. Попова и отъ сестры княземой съ газетами. Я обрадовался первому; между прочими извѣщеніями онъ пишетъ мнѣ о Невскомъ мостѣ и предполагаемыхъ работахъ на желѣзной дорогѣ. По газетамъ въ Испаніи и Ирландіи бунты и мятежи. Былъ у своего хозяина, онъ мнѣ нынѣ что-то добрѣе показался. Есть у него остатки, покрытыя пылью, библіотеки. Вообще нечистота величайшая въ его покояхъ. Хозяинъ у меня сегодня обѣдалъ; мы пробовали новую кухарку, Польку; добрѣ бы, еслибъ она могла у насъ остаться. Послѣ обѣда пошелъ къ Казначеевымъ, у нихъ и ужиналъ и оставался до 2-го часа за полночь. Къ нимъ собралось здѣшнее общество; не знаю только, кто были. Помню и знаю, что познакомился съ Шатиловымъ, жителемъ южнаго берега. Въ этотъ вечеръ я болѣе разсмотрѣлъ Казначеева; болѣе и болѣе разочаровываюсь въ немъ. Усталый возвратился домой съ новымъ убѣжденіемъ, что душѣ моей вредно долго оставаться внѣ дома. Исполнилъ свою обязанность безъ особенныхъ препятствій. Ночь свѣтлая и тихая. Мюльгаузенъ послѣ обѣда посѣтилъ меня и непремѣнно велитъ носить пластырь, отъ котораго покуда я не чувствую никакого облегченія; изъ двухъ домашнихъ инструментовъ, взятыхъ мною изъ аптеки, старикъ выбралъ мнѣ лучшій и самъ ихъ при мнѣ пробовалъ. Хозяинъ прислалъ мнѣ прежній рапортъ свой о бунтѣ Севастопольскомъ, въ которомъ онъ едва не сдѣлался жертвою. Рапортъ сей писанъ былъ графу Воронцову и немедленно препровожденъ къ Государю Императору. Хозяинъ, бывши врачемъ при дюкѣ-де-Ришелье, служилъ послѣ цѣлыя тридцать лѣтъ инспекторомъ во врачебной управѣ и во время столь долголѣтняго служенія употребляемъ былъ три раза къ уничтоженію восточной чумы, прокравшейся въ предѣлы наши въ различное время. Онъ уроженецъ Карлсбада; бывши три года лѣкаремъ при водахъ, уже тридцать семь лѣтъ, какъ живетъ въ Крымѣ. Давненько!

Вторникъ, 29-го Іюня.

День напріятнѣйшій по своей теплотѣ и ясности. Приходилъ посѣтить меня здѣшній аптекарь, зашелъ и Жегочевъ. Послѣ обѣда я ходилъ прогуливаться по здѣшнему городу и такъ называемому гостиному двору. Унылый и скучный городъ; на улицахъ Жиды, неопрятные Татары, сидящіе на улицѣ и курящіе табакъ; перерожденные Греки, неопрятныя женщины. Унылое, повторю, и скучное мѣсто! Да и прогуливался я съ худымъ расположеніемъ духа и порочнымъ направленіемъ сердца. Заходилъ въ лавку Караима и купилъ бутылку портера

Библиотека "Руниверс"

для пробы. Поутру исполнялъ свою обязанность, но вяло, съ развлеченіями ума, ибо въ то время гремѣлъ громъ и шелъ дождь. Прогуливался немножко по саду; днемъ заходилъ въ кухню и любовался мастерствомъ своей кухарки. На молитвѣ моей, какой-то враждебный и смуты производящій духъ неумолкаемо тревожитъ меня и спѣшно огребаетъ подобіе мира, которымъ, можетъ быть, мню пользоваться. Господи поспѣши, утверди и проникни мою грѣховную душу!

Среда, 30-го Іюня.

Я не брился и не одѣвался сегодня, а проходилъ цѣлый день въ шлафрокѣ; поутру все писалъ письма. Длинное письмо написалъ къ Ивану Петровичу Егорову съ препорученіемъ къ г. Спасскому, который даже не отвѣчаетъ и на мои къ нему письма; я просилъ Пв. Петр., чтобъ онъ лично ему отдалъ бумагу министрову, въ которой заключается милостивое рѣшеніе Государя Императора принять дѣтей въ число пансіонеровъ своего имени. Писалъ къ князю и сестрѣ его; писалъ въ Одессу Д. И. Попову, а вечеромъ написалъ письмо къ брату Всеволоду Никитичу. Во время дня съ самаго утра дождь періодически смѣнялъ ясную погоду. Вечеръ провелъ у меня Жегочевъ; разсказывалъ, что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ появилась саранча и что немалое пространство земли закрыто ею; впрочемъ, она еще не поднялась, и теперь стараются ее истреблять по мѣрѣ возможности. Послѣ обѣда и поприлегъ отдохнуть и оттого худо спалъ ночью. Нечистыя мысли волновали мое сердце; не знаю навѣрное, поддавался ли я имъ охотно, только снова уснувши видѣлъ сонъ, указывавшій аллегорически на этотъ обычный мнѣ порокъ, сонъ замѣчательный, но я теперь пересказать его не могу. Должность свою Господу исполнилъ кое-какъ, ибо я проспалъ; а всегда почти худо дѣлается, когда долго проспишь.

Четвертокъ, 1-го Іюля. 1843.

Сегодня день рожденія императрицы, и вслѣдствіе того Жегочевъ являлся поздравлять меня. Здѣсь это довольно строго; губернаторъ требуетъ, чтобы всѣ чиновники присутствовали у обѣдни. Я ходилъ въ лавку къ Караиму и купилъ кое-какихъ бездѣлицъ, доставившихъ мнѣ удовольствіе, напр., Французскую горчицу новаго заготовленія, мятныхъ капель, Кельнской воды иностраннаго произведенія, мелкаго безъ косточекъ изюму, довольно свѣжихъ фисташекъ, макарони, вермишели; все это мною оцѣнилось, какъ оцѣнялъ нѣкогда подобныя съѣстныя вещи Робинзонъ Крузое, когда обиралъ занесенный бурею корабль къ его уединенному острову. Какъ только я вышелъ поутру изъ своей спальни, такъ уже и лежали на столѣ моемъ пакеты,

Библиотека "Руниверс"

полученные съ почтою. Въ числѣ ихъ было письмо отъ князя Алек. Никол. Его сіятельство обязательно извѣщаетъ меня, что онъ груститъ безъ меня и что въ ежедневной своей прогулкѣ до Кораиса ему уже не къ кому заходить для отдыха. Къ крайнему моему удивленію я получилъ изъ Одессы письмо отъ Гусятникова, въ которомъ сильныя выраженія признательности ко мнѣ адресованы. Гусятниковъ считаетъ меня отчасти причиною, что онъ нашелъ службу у графа Воронцова и получаетъ порядочное жалованье. Еще новая странность: я получаю отъ графа Воронцова письмо, и при ономъ обратно препровождена та бумага, которую онъ у меня взялъ при отъѣздѣ. Къ чему это приписать? Тому, что опрагматизованные лазутчики извѣстили его, что я огорчился его подозрѣніемъ, или тому, что онъ одумался и сообразился. Онъ придрался къ моей надписи. Послѣ обѣда ходилъ гулять по здѣшнему публичному саду; со мною ходила и жена моя. Клубокъ нечистыхъ помысловъ спѣшно развивался въ душѣ моей, и я огорчалъ моего Господа и Спасителя. Не смотря на болѣзнь, воля моя искала мановенія, чтобъ запутать себя въ дедалѣ мрака, грѣха и преступленія. Обязанность свою я поутру исполнилъ безъ особенныхъ затрудненій, но можетъ ли она быть пріятна Господу, когда лицемѣрное сердце, ища соединиться съ Нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стремится и на порокъ, какъ хищная птица на падалище? Господи помоги, Боже возстанови падающаго!

Пятница 2-го Іюля.

Весь день утро и вечеръ прошатался по городу; ходилъ по публичному саду, ходилъ по рынку, ходилъ по кривымъ улицамъ Татарскаго города; осматривалъ торговыя бани, Русскую, Татарскую. Въ Татарской банѣ хоръ музыкантовъ забавлялъ въ то время досужаго мусульманина. Заходилъ въ повостроящійся кварталъ гостинаго двора, въ которомъ лавки четыре открыто, а прочія пустырь. Нашелъ себѣ хорошаго мыла, приглядѣлъ Голландскаго полотна, котораго аршинъ отдаютъ за 2 р. 10 коп., тогда какъ за такой аршинъ я платилъ въ Петербургѣ 7. Заходилъ въ аптеку, гдѣ выпилъ стаканъ малиноваго сиропа. Ходилъ до изнеможенія; желалъ посмотрѣть, облегчится ли спина моя отъ столь усиленнаго моціона. Между тѣмъ душа моя во время этихъ прогулокъ вмѣщала въ себѣ помыслы нечистые, раскалялась любострастіемъ, а воля заранѣе посягала на преступленіе; но Богъ хранитель не допустилъ пасть, избавя отъ лукаваго и не введя во искушеніе. Все было пусто, не было встрѣчъ для пластическаго преткновенія. Какъ тяжко, какъ омерзительно замѣчать въ журналѣ столь зловонные стигматы сердца моего и какъ еще далекъ я до желанной чи-

Библиотека "Руниверс"

стоты и устройства! Поутру кое-какъ исполнилъ я свою обязанность ко Господу совмѣстно съ моимъ чтеніемъ, ибо я окончилъ сегодня третій томъ Божественной Философіи Дютуа, и послѣдняя статья книги была глава о тепломъ, о которомъ самъ Господь сказалъ, что онъ имѣетъ быть изблеванъ изъ устъ Его. Послѣ обѣда явился ко мнѣ Семенъ и объявилъ, что ему предлагаютъ мѣсто въ Севастополѣ съ большимъ окладомъ жалованья, чѣмъ у меня; я принужденъ былъ дать согзволеніе на его желаніе. Вдругъ докладываетъ мнѣ человѣкъ, что какой-то пріѣзжій изъ Петербурга казначей желаетъ меня видѣть и могу ли я принять его; я далъ свое согласіе и вскорѣ послѣ того слышу стукъ по лѣстницѣ и вижу почтенной и пріятной наружности генерала съ одною ногою, а другая у него деревянная. Это точно былъ казначей, кажется мнѣ, баронъ Дризенъ въ Капитулѣ орденовъ. Заслуженный генералъ-лейтенантъ, онъ пробирается въ Ялту, чтобъ воспользоваться морскими ваннами и вмѣстѣ видѣться съ своимъ благодѣтелемъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Я былъ очень доволенъ, что Провидѣнію угодно познакомить меня съ такимъ заслуженнымъ воиномъ и отцемъ многочисленнаго семейства.

Суббота, 3-го Іюля.

Меня посѣтили сегодня г-да Казначеевъ и Шатиловъ. Послѣдній живетъ на южномъ берегѣ, человѣкъ достаточный; на дняхъ купилъ онъ въ Крыму, говоритъ, за дешевую цѣну до 17 тысячъ десятинъ степной земли, изъ которой значительная часть—такъ называемая поливная; онъ хочетъ распространить большое хозяйство. Я доволенъ что съ нимъ знакомлюсь. Пошелъ гулять въ садъ. Страшно гулять въ немъ, совершенная пустыня; я опасаюсь, чтобъ меня не ограбили; иногда встрѣчаешь въ саду лежащихъ Татаръ звѣрскаго вида. Выходя изъ саду, я встрѣтился съ какимъ-то юношою и просилъ его провести меня въ кондитерскую лавку, что онъ и сдѣлалъ. Лавка негодная, кондитеръ небритый и неодѣтый, конфекты, какъ мнѣ кажется, дурныя. Мы выпили однако съ юношею по рюмкѣ Крымскаго ликера, очень недурнаго. Обѣдалъ у меня хозяинъ мой Лангъ, только что возвратившійся изъ путешествія. Послѣ обѣда поѣхалъ въ Русскую баню, которую Жегочевъ выпросилъ мнѣ у здѣшняго начальника гарнизоннаго батальона. Баня расположена въ той части города, гдѣ я еще не бывалъ и гдѣ сосредоточены лучшія постройки города. Эта баня предназначена для офицеровъ; въ ней помѣстительно и удобно. Солдаты мыли и терли меня. Тотъ, который непосредственно за мною ухаживалъ, былъ отданъ въ военную службу Гавріломъ Александровичемъ Горскимъ, бывалъ въ Костромѣ, бравый и расторопный молодецъ; другой

Библиотека "Руниверс"

уже старикъ, Владимирской губерніи. Меня вытерли медомъ съ солью; я много терялъ испарины и послѣ бани чувствовалъ себя свѣжѣе; на счетъ же простуды не знаю еще, какъ сказать. Привязчивыя, докучныя, порочныя мысли сопутствовали большую часть дня, нѣсколько однако слабѣе вчерашняго; но корень оныхъ, внутреннее, какъ говоритъ Давидъ, сѣмя тли, очень еще свѣжо въ сердцѣ моемъ и безотчетно ищетъ породить свои плевелы. Меня уже брить начинаетъ мой мальчикъ Сергій и очень изряднехонько; вотъ сегодня въ другой уже разъ, какъ онъ меня обрилъ. Въ отношеніи моей обязанности къ Господу моему я безсильно и кратко силился исполнять ее.

Воскресенье 4-го Іюля.

Я очень рано проснулся, поспѣшилъ одѣться и вышелъ въ садъ, куда велѣлъ вынести и чайный приборъ. Тамъ чай мы пили, но поутру довольно было вѣтрено. Я зашелъ къ хозяину и поговорилъ о довольно интересныхъ матеріяхъ; онъ мнѣ разсказывалъ свою собственную исторію и какую ролю играла въ ней семья Казначеевыхъ. Пошелъ въ соборъ къ обѣднѣ, это еще въ первый разъ въ Симферополѣ. Соборъ, довольно обширное строеніе въ Византійскомъ стилѣ; онъ недавно выстроенъ и довольно помѣстителенъ; иконостасъ живописи хорошей, но я близко не подходилъ къ нему. Образовъ старинной работы совсѣмъ нѣтъ. Публика собралась довольно многочисленная. Здѣсь обычай самимъ подходить къ мѣстнымъ иконамъ и ставить свѣчи; мущины и женщины, чиновники и дамы поминутно подходили и тѣмъ развлекали мое вниманіе. Пѣніе было обыкновенное; да и можно ли ожидать сладкаго напѣва отъ невыправленныхъ дьячковъ? Послѣ обѣдни священникъ вынесъ мнѣ просвиру, знакъ величайшаго вниманія. Послѣ службы вся семья наша съ Жегочевымъ и юношею, недавнимъ знакомцемъ нашимъ, пошла прогуливаться по саду. Юношу я оставилъ обѣдать, а Жегочевъ что-то хохлится и косится; онъ проговорился женѣ, что сего повара моего знакомца онъ, живя въ городѣ, нигдѣ не встрѣчалъ. Послѣ обѣда я уснулъ отъ утомленія.

Здѣшняя женщина Авдотья, не смотря, что я далъ ей карбованецъ, срыгнула на меня, такъ сказать, тёшкою. Она, имѣя въ виду доставить мѣсто какой-то своей пріятельницѣ, взволновала кухарку мою, которая объявила мнѣ несовмѣстныя требованія, вслѣдствіе коихъ мнѣ нельзя было ее оставить; все это и меня взволновало; я не нашутку разсердился и на коснодѣйство Малороссійское и на самодурство Польское. Уснулъ, видѣлъ два сна; второго однако не помню. Изъ перваго воспоминаю только то, что я былъ въ обществѣ духовъ, былъ тамъ и Дмитр. Ивановичъ Поповъ. Духи одѣты комфортабельно, небольшаго

Библиотека "Руниверс"

роста, а стихія этого общества, слишкомъ рѣзко отразившаяся въ моемъ сознаніи, была та, что такого ума, гордости и злобы не бываетъ въ обществѣ человѣковъ. Странно и таинственно для меня то, что этихъ существъ я гдѣ-то видалъ и зналъ..... Другой сонъ, кажется, былъ утѣшительнѣе, но я его не помню..... Сгибъ сладострастнаго моего сердца все еще продолжается, но онъ болѣе внутренъ, чѣмъ вчера..... Принесъ Господу мое поклоненіе безъ особаго напряженія и труда, хотя 10 минутъ и отнялъ отъ занятія. О милосердый Спаситель! Вставши рано, я осмѣлился побесѣдовать съ Тобою, просто, откровенно, какъ рабъ съ добрымъ своимъ господиномъ. Угодно ли Тебѣ снизойти ко мнѣ милостію и неизреченно-сладкимъ для меня благоволеніемъ? Господи! Ты не отрекался миловать мытарей и прелюбодѣевъ, не отрѣшись и отъ меня Я ненавижу первороднаго своего грѣха; да какъ избыть его, какъ взойти въ простоту, какъ не умѣть заглядываться на себя, не смотря на свою скверну и худость?

Понедѣльникъ, 5-го Іюля.

День мой начался въ смятеніи. Нанимающаяся кухарка объявила намъ, что насъ оставляетъ; новая, которую я не заблагоразсудилъ оставить, пришла со своимъ скарбомъ и расположилась въ кухнѣ; первая изъ нихъ отказалась и стряпать столъ нашъ, новую не хотѣлъ я заставлять, потому что здѣшняя женщина насильно мнѣ ее навязала; надобно же кому нибудь было изготовить обѣдъ нашъ. Катя моя, встревоженная неудобствомъ и не такъ здоровая, послала за женщиною здѣшняго дома, за этою Авдотьею, которая отвѣтствовала посланному, что она не хочетъ идти. Принуждены мы были заставить изготовлять кушанье Семена, который и принялся за дѣло. Но Семенъ съ часу на часъ ожидалъ отвѣта на свое письмо съ тѣмъ, чтобы отправляться въ Севастополь къ новому своему господину; письмо дѣйствительно и получено имъ было послѣ обѣда; онъ принесъ мнѣ его и просилъ о выдачѣ его актовъ. Эти подробности малозначущи, но я объ оныхъ распространяюсь, потому что все это составляло для меня дедалъ хотя маловажный, но трудный на скорую развязку и, если говорить правду, то эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя были для меня если не тяжелымъ, то колючимъ и гнетущимъ крестикомъ. Но я возопилъ внутренно къ моему Господу, чтобъ не потерять духа, и Онъ, благій, для Котораго все человѣческое не чуждо, разсѣялъ этотъ Гордіевъ узелъ, и къ вечеру мое спокойствіе вновь возвратилось ко мнѣ; все умиротворилось, все взошло въ свою колею, и слава, благодарность и преданность живому Богу за его милосердіе и снисхожденіе ко мнѣ, недостойному рабу, и къ мелкимъ нуждамъ моимъ.

Библиотека "Руниверс"

Получилъ газеты изъ Ялты, но писемъ ни отъ князя, ни отъ сестры его не было. Было одно лишь письмо изъ Петербурга отъ одного чиновника почтамтскаго Липса; онъ былъ прежде Евреемъ и окрестившись пошелъ въ службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Я ожидалъ моего жалованья изъ Ялты и вслѣдствіе сего послалъ справиться въ Почтовую Контору, не было ли мнѣ денегъ; сказали: нѣтъ. Я написалъ по сему предмету грозное въ выраженіяхъ письмо къ Елис. Михайл., гдѣ выливалъ мое неудовольствіе на князя Козловскаго за обдуманную, какъ мнѣ казалось, медленность его въ недоставленіи слѣдующихъ мнѣ денегъ. Я отправилъ уже это письмо на почту. На самой почтѣ стали мнѣ дѣлать разныя затрудненія; наказали моему человѣку, чтобъ я подписывалъ свое имя и проч. и проч. Все это приводило меня въ волненіе и непріязненное состояніе. Но вотъ является почталіонъ и привозитъ мнѣ деньги и письмо отъ князя Козловскаго, который не послалъ ихъ по почтѣ для того, можетъ быть, чтобъ сохранить для меня и деньги на пересылку. Мнѣ стало совѣстно и стыдно опрометчиваго моего поступка, и я тотъ же часъ послалъ на почту потребовать обратно письмо, которое, къ счастію, мнѣ возвратили; я изорвалъ это письмо и написалъ новое, которое тотъ же разъ и отправилъ. За обѣдомъ я ѣлъ такой вкусный горошекъ, что тотъ же часъ послѣ обѣда пошелъ въ лавку къ Карапму и купилъ у него 10 фунт. этого горошка, а у него осталось только семь фунтовъ. Здѣсь я увидѣлся съ Евреемъ, дѣлающимъ мнѣ оправу для очковъ, и отыскалъ фактора, взявшагося мнѣ отыскать новую кухарку, которая и не замедлила съ нимъ придти; мы ее сейчасъ же остановили: женѣ она понравилась, да и мнѣ очень непротивна: женщина, кажется, добрая и простая. Катя очень довольна ея разговоромъ; увидимъ, что будетъ далѣе. Послѣ того я имѣлъ разговоръ и съ Семеномъ, которому представилъ весь оптическій обманъ въ сдѣланномъ ему предложеніи. Я ему говорилъ кротко и добросовѣстно и видѣлъ, какъ слова мои ложатся на его душу. Онъ обѣщалъ мнѣ пораздумать ночью и помолиться усерднѣе Богу. Я былъ почти увѣренъ, что онъ поколебался оставить домъ мой. Такъ Господь все разрѣшилъ и разогналъ облачко, столпившееся надъ моимъ сердцемъ. Поутру я исполнилъ долгъ свой, хотя не вполнѣ, но безъ особеннаго затрудненія. Я забылъ отмѣтить, что вчера и сегодня поутру неожиданно посѣтилъ меня Ялтскій докторъ и между прочимъ разсказалъ мнѣ смѣшную вещь о попѣ, давшемъ мнѣ просфору; этотъ священникъ вообразилъ и принялъ меня за императора Николая, инкогнито будто бы пріѣхавшаго въ Симферополь и пришедшаго на тотъ разъ за обѣдню. Не малая честь для меня, что физіогномія моя показалась сему доброму и простому іерею достойною

Библиотека "Руниверс"

сравниться съ истиннымъ величіемъ Николаева лица. Предъ обѣдомъ, я новую зазналъ на себѣ милость Господню. Въ банѣ я былъ третьяго дня, вчера особеннаго въ себѣ облегченія не чувствовалъ, а сегодня хотя боль почти таже, но въ отправленіяхъ и движеніяхъ тѣла болѣе ловкости и свободы. Чувствую въ себѣ, что боль становится, или, такъ сказать, какъ бы перешла въ минорный тонъ. Слава Тебѣ и благоговѣніе, Великій изъ Существъ! Сердечная Тебѣ благодарность отъ ползущаго и пресмыкающаго червя какъ я. Ты не только не подавляешь подлое насѣкомое, подлое по своимъ порочнымъ навыкамъ и страстямъ, но еще долготерпишь и снисходишь моимъ человѣческимъ нуждамъ и немощамъ. Слава Тебѣ, во имени Матери Твоей и именахъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣли счастіе благоугодить Тебѣ. Слава Тебѣ, побѣдившему вражій міръ! Слава въ Вышнихъ Богу и въ человѣцѣхъ благоволеніе! Господи, не возгнушайся отголоскомъ бѣднаго и страстнаго сердца моего!

Вторникъ, 6-го Іюля.

Мнѣ все что-то приводится имѣть дѣло съ Евреями; я съ ними свыкаюсь и нахожу даже въ этомъ удовольствіе. Такимъ образомъ Еврей, золотыхъ дѣлъ мастеръ, приходилъ ко мнѣ и пилъ со мною чай. Я отдалъ ему починивать мои пуговки, вычищать зарукавье, серги и изломанный зонтикъ Варвары Петровны; онъ скоро это сдѣлалъ и обратно принесъ мнѣ мои вещи. Ходилъ съ женою покупать посуду; она ее выбрала въ лавкѣ Еврея-Караима, и я далъ задатки; въ лавкѣ мы нашли многія полезныя для себя вещи: отличную икру, гречневую крупу, муву. Мы обѣдали на своей уже посудѣ и имѣли причину быть довольными своею кухаркою. Предъ обѣдомъ Семенъ явился ко мнѣ съ собственноручною запискою, въ которой отказывается отъ намѣренія идти къ другому во услуженіе и ѣхать въ Севастополь. Я заходилъ къ Еврею, дѣлающему или вырѣзывающему мою печать; мнѣ показалась работа какъ-то грубоватою. Еврею же золотыхъ дѣлъ мастеру я отдалъ росколотую свою печатку, на которой была золотая оправа; она назначается въ прибавленіе къ тремъ червонцамъ, которые распустятся для сдѣланія мнѣ оправы для очковъ. Не знаю, не роскошь ли имѣть золотую оправу. Послѣ обѣда я легъ уснуть и долго спалъ; я тяжело сплю. Вечеромъ ходилъ прогуливаться съ Жегочевымъ, гулялъ по здѣшнему городскому саду; уединенно и прохладно; яркая зелень въ полусумракѣ радуетъ и красуется зрѣнію. Днемъ я заходилъ къ аптекарю и расплатился съ нимъ за лекарства, отдѣльно и безъ денегъ взятыя. Провизоръ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Харькова и что чувствовалъ себя въ болѣзненномъ состояніи, грудь тяжко стра-

Библиотека "Руниверс"

дала, но живя здѣсь въ Симферополѣ пять лѣтъ, онъ избавился недуга и благодаритъ Бога за климатъ. Мнѣ точно становится нѣсколько лучше послѣ бани и я посылалъ благодарное письмо подполковнику Борисову; онъ обѣщалъ мнѣ и впередъ дать воспользоваться его банею. Поутру читалъ трактатъ о чувственной любви; переводъ гладокъ и внятенъ. Вечеромъ, когда сталъ писать обычный журналъ свой, не нашелъ ключика отъ шкатулки; это очень меня озаботило, и я не зналъ, что и дѣлать. Но, удержавъ смятеніе, я оставилъ все до завтрева. Не врагъ ли хочетъ отвести меня отъ писанья записокъ, которое для меня полезно? Я исполнилъ долгъ свой ко Господу, хотя не все назначенное время, но безъ особенныхъ препятствій и трудовъ.

Среда 7-го Іюля.

Утро я употребилъ на составленіе писемъ: 1) къ князю Алек. Ник. 2) къ князю Павл. Дмитр. Козловск. 3) къ Кіевскому почтмейст. Вишневск. 4) къ Александрѣ Петровнѣ Хвостовой и 5) къ Михайлѣ Петр. Гусятникову. До писанья читалъ трактатъ о чувственной любви. Обѣдъ былъ довольно хорошъ, подавали молодого барашка на жаркое; предъ обѣдомъ на закускѣ пробовалъ Голландскую селедку, которая здѣсь за рѣдкость. День ясный и теплый. Но, оставя мелочи, скажу или замѣчу объ одномъ обстоятельствѣ. Писавши письмо къ князю, я взялъ за тему онаго благодѣяніе сдѣланное имъ Гусятникову и такъ самъ разтрогался изложеніемъ письма, что проливалъ обильныя слезы, чего давно со мною не бывало; насилу онѣ унялись. Между тѣмъ жена моя ходила къ Казначеевымъ. Послѣ обѣда и мнѣ вздумалось погулять, и мы съ Жегачевымъ ходили по Татарскому городу. Вездѣ бѣдность, пустота, отсутствіе зелени, каменные заборы, кривые переулки; товарищъ мой заглядывался на хорошенькихъ женщинъ, а я худо видѣлъ. Говоря громко съ Жегочевымъ, я изъяснялъ ему мое негодованіе о небрежности, съ каковою составляются акты въ Уголовной Палатѣ по предмету подсудимыхъ. Напримѣръ, что нѣкто, дѣлатель фальшивой монеты, имѣющій 44 года отъ роду, прижилъ дѣтей, трехъ сыновей: старшему 32 года, среднему столько-то и проч. Этотъ журналъ или протоколъ просмотрѣнъ уже и прокуроромъ. И вотъ такимъ образомъ, идя по улицѣ и негодуя за нелѣпость и неопрятность составленія столь важныхъ бумагъ, я выразился громко, что онъ обставленъ такими людьми, которые по справедливости могутъ быть названы . . . . въ треугольной шляпѣ. При этомъ словѣ повстрѣчался съ нами совѣтникъ Губернскаго Правленія, который, услышавъ такое мое слово, захохоталъ. Я послѣ раскаялся, что я такъ выразился; совѣсть ясно укоряла меня въ томъ, и я ясно видѣлъ, что со мною сбылась Русская пословица: «языкъ мой

Библиотека "Руниверс"

врагъ мой: безъ воли моей рыщетъ, погибели моей ищетъ». Ночь спалъ дурно, въ первый разъ почувствовалъ нападки отъ блохъ. Видѣлъ смутные сны, будто бы мы были въ комнатѣ, гдѣ находилось и мертвое тѣло; другое, что спали оба мы вмѣстѣ съ Гавр. Степ. Поповымъ*) у кого-то въ передней, очень тепло и хорошо закутанные, но спали по лавейской модѣ, на какомъ-то рундучкѣ и когда насъ спросили, мы вскочили. Ключикъ нашелся; его поднялъ Караимъ въ своей лавкѣ. Долгъ свой исполнилъ, хотя усѣченно, но безъ дальнѣйшихъ препятствій.

Четвертокъ, 8-го Іюля.

Мнѣ много принесли поутру писемъ, во-первыхъ, отъ князя Александра Николаевича Голицына, очень ласковое и участливое; повидимому онъ доволенъ моими недѣльными извѣщеніями. Второе, отъ сестры его, мрачное и грустное; она жалуется на нападки княгини Голицыной, руководительницы сомнамбулы, которая даже дѣлаетъ ей угрозы и обѣщаетъ всякія несчастія. По сему случаю, съ позволенія князя, сестра его писала къ княгинѣ Голицыной. Третье письмо отъ моей племянницы изъ Костромы и четвертое отъ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова. Князь Платонъ Александровичъ къ письму своему присовокупляетъ два отчета, поданные министромъ Государю о успѣхахъ народнаго образованія за прошедшій годъ и о занятіяхъ Археографической Комиссіи. Въ письмѣ у князя очень много любопытнаго; онъ пишетъ объ окончаніи проекта образованія Евреевъ, о фармацевтическихъ институтахъ и проч. и все это оканчиваетъ увлеченіемъ дружества и пріязни.

Все утро я читалъ и перечитывалъ присланное, равно какъ и иностранныя газеты, въ которыхъ, между прочимъ, заключалось и продолженіе повѣсти Евгенія Сю. Обѣдалъ у насъ Жегочевъ, а послѣ обѣда къ вечеру вздумали мы со всемъ семействомъ отправиться пѣшкомъ къ доктору Мюльгаузену, котораго встрѣтили на дорогѣ къ намъ идущаго; мы его воротили и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ нему. Проходили чрезъ рѣчку Салгиръ по мосточкамъ и садами его дошли до его дома. Тамъ познакомились со всемъ его семействомъ и женою доктора, очень почтенною женщиною. Она намъ сказывала, между прочимъ, что мужъ ея въ Петербургѣ страдалъ одышкою, но какъ переправился въ климатъ южный, то и болѣзнь его оставила, и онъ столько лѣтъ и постоянно наслаждается благодатнымъ здравіемъ. У Мюльгаузена видѣли

*) Бывшій секретарь князя А. Н. Голицына, въ то время уже занимавшій видное положеніе; онъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника въ 1874 году. Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

и зятя его, капитана Фремдера, украшеннаго орденомъ, только что пожалованнымъ ему. Пили чай на свѣжемъ воздухѣ, на террасѣ, которая въ видѣ павильона вся закрыта была виноградными лозами, густо вьющимися. Семейство Мюльгаузена насъ довольно и проводило, когда мы возвращались назадъ въ городъ. Я снялъ по приказу его пластырь. Обязанность моя отчасти выполнена мною безъ особенныхъ затрудненій, хотя 25 минутъ и упустилъ изъ оныя. Я разсѣеваюсь и много болтаю.

Пятница, 9-го Іюля.

Старецъ Мюльгаузенъ посѣтилъ меня, и вотъ при немъ вышло происшествіе, гдѣ мнѣ въ тысячу вторый разъ доказано было, что кромѣ прочаго другого, таящагося въ сердцѣ моемъ, есть нарочитое количество и гнѣвнаго элемента. На прошлыхъ дняхъ, повѣса Семенъ пошелъ таскаться по городу и какія-то связи отыскалъ въ домѣ вице-губернатора Бера, вѣроятно наболталъ и нахвасталъ. Беръ передалъ комиссію Жегочеву, чтобы тотъ отъ его имени предложилъ мнѣ отпустить Семена, если онъ мнѣ ненуженъ, недѣли на три, на южный берегъ Крыма съ отправляющеюся женою его. Такая неучтивая несовмѣстность вывела меня изъ терпѣнія, и я разбранилъ Бера, какъ только могъ въ сердцахъ, и это все происходило въ присутствіи Мюльгаузена, котораго я этимъ поступкомъ совершенно соблазнилъ. Когда все угомонилось, я, послѣ обѣда, призывалъ слугу; онъ ото всего отперся, но продѣлки его видны, и онъ непадеженъ, а ссылать не могу, ибо боюсь южнаго берега: тамъ не сыщешь и нахлопочешься до сыта. Писалъ сегодня много писемъ: къ Гусятникову, къ Подолинскому, къ сестрицѣ князевой, къ Василью Ѳедоровичу Яну, къ Михайлѣ Александровичу Максимовичу; къ первому и второму въ Одессу, къ третьей въ Ялту, къ четвертому въ Вытегру и послѣднему въ Золотоношу, Полтавской губерніи. Жена моя пришла сказать мнѣ, что сегодня будетъ обильный у меня столъ, а по сему я поспѣшилъ обставить его, какъ я выразился, и самими званными, Жегочевымъ и хозяиномъ. Послѣ обѣда пошелъ въ дальную прогулку въ сопровожденіи моего хозяина. Онъ, какъ тридцатисемилѣтній обыватель Крыма, могъ съ удобствомъ мнѣ все показать и пересказать. Сперва повелъ онъ меня Татарскимъ отдѣленіемъ города. Пусто, криво, глухо, безжизненно. Каменныя стѣны и внутри стѣнъ сакли въ Татарскомъ вкусѣ. Бѣдные, худо одѣтые жители слоняются какъ тѣни. Вышли за городъ, и хозяинъ повелъ меня къ развалинамъ древняго Скиѳскаго города, въ которомъ нѣкогда царствовалъ король Скиѳскій Скилурусъ; объ немъ будто бы, по словамъ хозяина, упомянулъ и отецъ исторіи, Геродотъ; тотъ са-

Библиотека "Руниверс"

мый Скилирусъ, который передъ смертью, собравши многочисленныхъ дѣтей своихъ и велѣвшій принести вязанку только что сорванныхъ молодыхъ деревъ, велѣлъ эту вязанку дѣтямъ своимъ переломить, уча ихъ чрезъ этотъ символъ, что единодушіе властителей и братьевъ всего нужнѣе для мира и совокупной крѣпости. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ хозяинъ мой и Бларамбергъ посѣщали также это удолье и, замѣтя одно мѣсто, дѣлали въ оном археологическій поискъ, нашли якобы конную статую и мраморный бюстъ самого, по словамъ хозяина, царя Скилируса. Голова бюста и всадника одѣты были въ шапку Фригійскую. Это урочище недалеко отъ города и вмѣщается между возвышенностями, опоясывающими родъ долины. Щебень и мелкій камень остались нѣмыми мозаиками бывшей постройки; я, съ ухваткою археолога, подобралъ нѣсколько кусковъ черепицы или кирпича и замаралъ ею только карманъ мой; можетъ быть, эта жженая земля была просто принадлежностію Татарской хаты. Оттуда заходили мы въ пивоварню, построенную на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно живали братья Крымскаго хана; развалины ихъ непригожаго дворца еще успѣлъ застать мой хозяинъ. Я купилъ ведро славнаго Мартовскаго пива, котораго бутылка обошлась мнѣ по 35 копѣекъ, вмѣсто того, что я за бутылку портера здѣсь платилъ по 2 р. 80 копѣекъ. Хозяинъ мой жалуется на усталость; не хочетъ ли онъ чрезъ это распрощаться съ ролью моего чичероне? Нѣмцы не любятъ самоотверженія. Пришли поздно, я много пилъ пива, усталъ, проспалъ, но выполнилъ немножко долгъ мой (хотя 25 минутъ и въ долгу противъ положеннаго урока) безъ особенныхъ препятствій и затрудненій.

Суббота, 10-го Іюля.

Съ нѣкотораго времени погода стоитъ жаркая, и, разумѣется, дни ясны. И однако все вытерпѣть можно. Нынѣшнее утро я и не одѣвался, писалъ письма къ князю Александру Николаевичу и князю Платону Алек. Шихматову въ отвѣтъ на его письмо. Читалъ трактатъ о чувственной любви, которымъ очень дѣлаюсь доволенъ. Послалъ справиться, готова ли баня, обѣщанная мнѣ подполковникомъ Борисовымъ; не тутъ-то было, баня и не истоплена. Вотъ результатъ моего ласковаго и благодарнаго письма и милой обязательности Русскаго гарнизоннаго подполковника. И вообще Симферополь въ лицѣ знакомыхъ моихъ не очень гостепріименъ. Нанялъ себѣ баню, хотя не такъ покойную, какъ прежняя, но все-таки могъ въ ней вытереться медомъ съ солью. Пріѣхавши домой, чувствовалъ необыкновенную жажду, и чего я не перепилъ: четыре чашки чаю, кружку пива съ сахаромъ, кружку воды пополамъ съ портеромъ и потомъ еще лимонадъ. Уснулъ скоро утомленный. Вижу

Библиотека "Руниверс"

сонъ, будто я въ какомъ-то обществѣ, замѣчаю стачку посмѣяться надо мною, я будто безъ парика, что-то хотѣло вскочить и вцѣпиться въ мою голову, но этого не воспослѣдовало, ибо что-то или кто-то за меня заступился и уничтожилъ коварный замыселъ. Ночью просыпался, чувствовалъ внутри себя прохладный вѣтерокъ, навѣвающій нѣкій образъ спокойствія и ясность мирную въ мысляхъ. Отчасти исполнилъ свой долгъ предъ Господомъ безъ особенныхъ препятствій, не досидѣлъ однако 25 минутъ.

Воскресенье, 11-го Іюля.

Вмѣсто новаго собора я отправился въ такъ называемый старый соборъ, ветхое въ видѣ параллелограма зданіе. Я замѣтилъ въ храмѣ тѣже привычки молельщиковъ, какія и въ прежнемъ соборѣ: мущины и женщины, малые и большіе, безпрестанно подходили къ образамъ и ставили свѣчи.

Настоящаго священника не было въ церкви, а служилъ въ оной приглашенный старецъ; его осьмидесятилѣтній возрастъ, разбитый отъ лѣтъ голосъ, внушали родъ уваженія; народа было немало. Оттуда пошли мы въ Католическій костелъ, и здѣсь народу немало. Совершалъ обѣдню Польскій пробощъ изъ Доминикановъ, видный и прекрасный мущина; служилъ ловко, громогласно, интонацію своего голоса приклеивалъ къ хоралю. Органовъ нѣтъ, но любители свербовали хоръ пѣвчихъ изъ мальчиковъ и охотниковъ. Одинъ здѣшній чиновникъ управлялъ хоромъ вмѣсто регента. Мнѣ понравились служеніе и чистота храма, въ коемъ попечителемъ мой хозяинъ. Послѣ обѣдни хозяинъ посѣтилъ меня, и я составилъ тетрадку съ надписью въ видѣ приглашенія къ боголюбивымъ дателямъ на заведеніе органовъ при церкви, и первый подписалъ на этотъ предметъ полу-имперіялъ; въ слѣдъ за мною подписались Жегочевъ и самъ хозяинъ. Такимъ образомъ это дѣло началось, но по церкви еще много хлопотъ: надобно достроить домъ священнику и образовать школу для дѣтей. Послѣ обѣда гулялъ по саду. Сладострастныя мысли вновь приступили обуревать меня. Долгъ свой исполнилъ безъ особенныхъ препятствій, минусъ однако 25 минутъ. День ясный и свѣтлый, ожидаю завтрашняго дня съ нетерпѣніемъ.

Понедѣльникъ, 12-го Іюля.

Цѣлое утро провелъ въ чтеніи полученныхъ съ почты газетъ и журналовъ. Но чего съ нетерпѣливымъ и страшнымъ чувствомъ такъ ожидалъ, того не получилъ, именно: отвѣта царева на письмо князя. Получилъ однако письмо отъ сестры князя, исполненное обычнаго ро-

Библиотека "Руниверс"

пота; она такъ выразилась: что лѣкарки брата ея проганиваютъ ее сквозь строй, и что князь въ полномъ ослѣпленіи въ отношеніи своей болѣзни. Еще получилъ письмо отъ отца Михаила, священника изъ села Воскресенья, что въ Бартеневщинѣ. Онъ сообщаетъ мнѣ разныя свѣдѣнія о моей родинѣ. Я узналъ о кончинѣ двухъ моихъ знакомцевъ, перваго: Михайла Ѳедоровича Апурина и второго: Василья Дмитріевича Третьякова. Между тѣмъ, какъ я проглатывалъ газеты, барыня моя поѣхала въ нарочно изготовленную для нея баню. Этого удовольствія она не имѣла мѣсяцевъ восемь. Послѣ обѣда, чтобъ не спать, пошелъ пошататься кое-куда; въ саду пустота и даже такъ, что страшно и ходить. Оттуда пошелъ по Татарскому городу, по узкимъ и извилистымъ его переулкамъ; мало встрѣчалъ людей, за то много было собакъ, такъ что страшно было одному идти. Встрѣчалъ Татарскихъ женщинъ закутанныхъ въ простыни и у которыхъ завязано лицо такъ, что одни глаза ихъ видно. Я ходилъ въ полуразгарѣ любострастныхъ неопредѣленныхъ предположеній; помыслъ грѣха упостоялся въ моей душѣ и потому, можетъ быть, не созрѣлъ въ фактъ, что еще Богъ милосердъ ко мнѣ. Это крокодилино яицо потому лишь не порождается, что нѣтъ удобной на то оказіи и что лицемѣріе мое удовлетворяется полумѣрами. Боже, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному! Пришедши домой, посѣщаетъ меня князь Гагаринъ, обитатель южнаго берега, который съ женою своею бѣжалъ изъ идиллическаго жилища своего послѣ кончины двухлѣтняго дитяти, единственнаго плода супружеской ихъ любви. Послѣ и я ихъ посѣтилъ; они остановились въ нижней комнатѣ у моего хозяина. Я утѣшалъ ихъ, какъ могъ. Къ нимъ пришелъ и Казначеевъ, который день ото дня болѣе мнѣ не нравится. Возвратившись домой, застаю за чайнымъ столомъ жены моей нашего Кореискаго управляющаго, хозяина моего; онъ пріѣхалъ нечаянно по причинѣ возникшаго дѣла противъ баронессы [1]), о которомъ ходатайствовать дана довѣренность соперницею баронессы сестрѣ князя, а сестра увлекла и самаго старика въ сплетеніе недостойное ни чистоты его сердца, ни служебнаго и почетнаго его состоянія. Я разспрашивалъ Карла Григорьевича и о другихъ новостяхъ нашихъ и узналъ, между прочимъ, что паціентка г-жи Турчаниновой все еще лежитъ въ ожиданіи выздоровленія и что то универсальное средство Анны Александровны въ отношеніи къ болѣзни заупрямилось [2]). Погода стоитъ жаркая, и я пью очень много; изъ купленнаго ведра пива очень уже мало остается; я пью пиво съ сахаромъ и не помню во всю мою жизнь, чтобы пивалъ когда

[1]) Баронесса Беркгеймъ, дочь знаменитой баронессы Крюднеръ. Ю. Б.

[2]) О Турчаниновой и ея лѣченіи см. „Русскій Архивъ“ 1893 г. вып. 12-й.

Библиотека "Руниверс"

нибудь подобный нектаръ. Сегодня послѣ обѣда выпилъ его кружекъ съ шесть. За то и сплю, какъ сурокъ.—Долгъ свой однако выполнилъ, но не досидѣлъ минутъ 25-ть; обязанность ко Господу моему выполнилъ безъ особенныхъ препятствій и даже съ нѣкоторымъ удобствомъ. Милосердователь не оставляетъ еще на произволъ злохудожную мою душу. Терпитъ еще меня, ждетъ исправленія; часть моя съ лицемѣрами, если Господь не удержитъ меня на краю пропасти.

Вторникъ, 13-го Іюля.

Поутру я долго не одѣвался; читалъ трактатъ о чувственной любви; съ нѣкотораго времени я продолжаю чтеніе еще начатое въ Корепсѣ, подъ названіемъ Инстинкты животныхъ доктора Вирея. Я выходилъ въ лавку къ Караиму, чтобъ онъ оставилъ мнѣ нѣсколько фунтовъ чаю, мнѣ понравившагося; смотрѣлъ на работу золотого очешника; смотрѣлъ на вырѣзку печати; отдѣлка послѣдней вещи не такъ мнѣ понравилась: все это еще не кончено. Обѣдалъ у насъ Корепскій управитель. Послѣ обѣда вновь вышелъ и отправился къ городовому маклеру для протестовки векселя на Вас. Ник. Латкина, которому вышелъ вчерашняго числа годъ. Видѣлъ толстую его сожительницу. О какое безобразіе быть старухою и толстою! Предметъ, боюсь вымолвить, омерзительный, если только могутъ быть омерзительными невольные недостатки тѣла... Разговаривалъ съ купцомъ-Караимомъ; къ удивленію моему я узналъ, что онъ очень любопытенъ къ разнымъ полезнымъ свѣдѣніямъ и что у него есть даже и библіотечка изъ Русскихъ книгъ.

Приѣхавши домой, я зашелъ къ своему хозяину, съ которымъ имѣлъ разговоръ довольно интересный; онъ порассказалъ мнѣ нѣсколько подробностей о Батюшковѣ, котораго, по приказанію правительства, отвозилъ въ Петербургъ изъ Симферополя.

Вотъ что онъ мнѣ пересказалъ. Поэтъ Батюшковъ былъ при Неаполитанскомъ посольствѣ подъ начальствомъ Штакельберга, который, по причинѣ броженія въ Неаполѣ удалившись изъ города на нѣкоторое разстояніе, посылалъ Батюшкова для доставленія ему свѣдѣній, что происходило между Неаполитанскими Карбонаріями. Батюшковъ, наблюдая за Карбонаріями, плѣнился, какъ поэтъ, мнимо-обаятельною ихъ теоріей и Петербургскимъ друзьямъ своимъ написалъ восторженное письмо, которое попалось въ руки правительства; Батюшкова вытребовали въ Петербургъ, онъ испугался немилости царской и впалъ въ меланхолію: потомъ отправили его на Кавказскія воды, а на зиму въ Симферополь, гдѣ онъ едва не зарѣзался бритвою въ припадкѣ своего безумія. Иногда и свѣтлыя минуты посѣщали Батюшкова; въ то время Батюшковъ разсуждалъ здраво, но превратно, когда дѣло касалось до

Библиотека "Руниверс"

правительственныхъ мѣръ. Онъ очень былъ, по собственнымъ словамъ, не воздерженъ въ отношеніи къ женскому полу и просто искалъ одного лишь животнаго наслажденія. Это, по мнѣнію доктора Ланга, т. е. хозяина моего, не одна ли изъ главнѣйшихъ причинъ помѣшательства его... Я сегодня такую жажду чувствовалъ, что едва ли бутылки двѣ не выпилъ пива, казавшагося мнѣ отмѣнно вкуснымъ.

Середа, 14-го Іюля.

Читалъ трактатъ о чувственной любви и пожелалъ читать продолженіе сочиненій г-жи Гюіонъ *). Такимъ образомъ и приступилъ къ чтенію ея трактата объ очистительныхъ мытарствахъ. Боже мой. Какая пропасть зіяетъ разверстою предъ нашею злою волею! Какъ на мое грѣшное сердце подѣйствовало огнедышащее слово сей великой изъ тайнбницъ Божіихъ!... Весь день былъ подъ вліяніемъ сего чтенія. Поутру былъ старецъ Мюльгаузенъ; я очень былъ радъ, что могъ предложить ему нѣсколько интересныхъ и рѣдкихъ книгъ изъ моей библіотеки. Ходилъ прогуливаться съ женою по публичному саду; никого въ ономъ. Заходили въ лавку; нужны были для жены два лоскутка матеріи. Хозяинъ мой и Жегочевъ провели у меня вечеръ.

Четвертокъ, 15 го Іюля.

И вынѣшняя почта не исполнила моихъ ожиданій; она привезла мнѣ газеты и тощую записочку отъ сестры князя; потомъ принесли письмецо изъ Москвы отъ жены любезнаго моего Смѣльскаго; письмо траги-комическое, въ которомъ она описываетъ невольное свое житье въ сараѣ. Я безъ того располагался уже отправляться въ Евпаторію, какъ получаю записку отъ Казначеева, въ которой доказывается мнѣ чудесная польза грязей и морскаго купанья. Я зачитался газетъ и забылъ одѣваться, какъ вдругъ является ко мнѣ Евпаторійскій предводитель Офрейнъ, братъ г-жи Цейеръ, и предлагаетъ мнѣ тысячи различныхъ услугъ и между тѣмъ привозитъ нѣсколько печатныхъ наставленій и объявленій о Сакскихъ грязяхъ; сказываетъ, что докторъ Оже давнымъ давно припасъ уже мнѣ и квартиру о четырехъ комнатахъ въ Саккахъ. Г-нъ Офрейнъ очень кстати явился со своимъ знакомствомъ, и я не иначе пріѣздъ его счелъ, какъ видимымъ знаменіемъ къ себѣ милостиваго Божія Промысла. Потомъ пришелъ Жегочевъ и привелъ подполковника Фацарди, желавшаго, повидимому со мною познакомиться. Итакъ обѣдалъ у меня одинъ только хозяинъ; да и индѣйка,

*) Яркая представительница крайняго мистицизма. Род. 1648, ум. 1717. Она утверждала, что очищенная душа въ состояніи экстаза достигаетъ полнаго *тожества* съ Богомъ. Ея сочиненія весьма цѣнятся у хлыстовъ и молоканъ. Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

по которую я звалъ, не такъ была хороша. Между прочими разговорами, онъ мнѣ разсказалъ, что былъ знакомъ съ Пушкинымъ и сдѣлалъ это знакомство во время пребыванія Пушкина въ домѣ Раевскихъ, еще когда былъ живъ старикъ отецъ ихъ. Пушкинъ приставалъ тогда къ моему хозяину, чтобъ онъ указалъ ему на хорошихъ дѣвушекъ въ Бахчисараѣ; хозяинъ, чтобъ отъ него отдѣлаться, началъ ему разсказывать легенду о пригожей Полькѣ, знаменитой плѣнницѣ Крымскаго султана. Пушкинъ не уставалъ выслушивать всѣ подробности этого событія, задумывался, отходилъ отъ общества и вотъ вдругъ однажды поутру приноситъ тетрадь, въ которой начертано было начало дивной и знаменитой поэмы: Бахчисарайскаго Фонтана. Всякій день прибавлялось нѣсколько стиховъ, которые съ восторгомъ выслушивали Раевскіе и мой хозяинъ. Послѣ для обзора мѣстности Пушкинъ ѣздилъ и самъ въ Бахчисарай. Такимъ образомъ, продолжалъ хозяинъ, я былъ причиною, что Русская литература обогатилась столь изящнымъ твореніемъ. Послѣ обѣда я уснулъ немножко и потомъ гулялъ съ женою и съ Жегочевымъ по публичному саду. Во время прогулки душа моя силилась творить молитву и возноситься ко Господу, но земляность столь мнѣ обычная пятнала меня долу, и я былъ безсиленъ.

Пятница, 16-го Іюля.

Поутру читалъ трактатъ о чувственной любви, сочиненіе г-жи Гюіонъ и нравы животныхъ доктора Вирея. Ходилъ смотрѣть, какъ подвинулись заказанныя работы, золотой очешникъ и вырѣзка печати; заходилъ къ Караиму поблагодарить его за блюдо Турецкой черешни, которую онъ вчера прислалъ ко мнѣ. Мнѣ эти ягоды не такъ-то понравились. Послѣ обѣда я съ женою и хозяиномъ посягнули на длинную прогулку за городъ, именно на дачу графа Воронцова. Домъ комфортабельный, садъ чисто содержимый и вѣтвистый, тѣни и прохлады много. Въ домѣ есть нѣсколько комнатъ занятыхъ книгами, я видѣлъ цѣлый строй Mercure de France и Année littéraire. Имѣнье, на которомъ находятся построенія графа, принадлежало нѣкогда вдовѣ знаменитаго Палласа, которая года за два только тому назадъ какъ умерла. Она жила очень долго въ Крыму, и мой хозяинъ зналъ ее какъ женщину, беллетристку и хорошо умѣвшею пожить. Она послѣднее время не такъ ладно жила съ мужемъ своимъ. Поздно мы возвратились съ прогулки усталые, измученные. Въ продолженіе дня религіозные мотивы толпились въ душѣ моей; я благодарю Господа, что Онъ ниспосылаетъ душѣ, столь грѣшной, нѣкоторый малый свѣтъ и помазаніе; боюсь только, чтобъ мое настоящее разсужденіе не было похоже на мысли самонаглядаго фарисея, которые всегда были Ему столь противны.

Библиотека "Руниверс"

Суббота, 17-го Іюля.

Я забылъ вписать вчера въ мою тетрадь, что въ продолженіе ночи я видѣлъ какіе-то пестрые, обаятельные сны и въ числѣ первыхъ снился Гавр. Степ. Поповъ; съ нѣкотораго времени онъ часто мнѣ снится. Поутру я былъ въ должномъ расположеніи духа, молился, просилъ, взывалъ. Пришелъ ко мнѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ Еврей и принесъ кугель, который и ѣли мы за столомъ; Варинькѣ онъ не очень понравился. Послѣ обѣда я пошелъ въ садъ, оттуда къ Жегочеву, и вмѣстѣ съ нимъ пошли шататься по городу; въ одномъ мѣстѣ Татарки насъ зазывали къ себѣ. Признаюсь, душа моя изъ молитвеннаго состоянія перешла въ подлую животненность; я, неопредѣлительно, но не менѣе того инстинктуально, водился какимъ-то настроеніемъ сладострастія. Мы заходили къ здѣшнему совѣтнику Славинскому, любителю яко бы рѣдкостей. Этотъ чиновникъ и родился въ Крыму, обучался однако въ Харьковскомъ университетѣ. Я видѣлъ у него пространную карту Кавказа и сопредѣльныхъ съ оною странъ, дѣланную отъ руки въ Главномъ Штабѣ. Видѣлъ большой кусокъ горнаго хрусталя, вѣсящій до шести фунтовъ; этотъ кусокъ принадлежалъ къ люстрѣ висѣвшей въ Цареградской мечети. Видѣлъ окаменѣлую сосну, колосальную устрицу, тоже окаменѣлую и которую г. совѣтникъ считаетъ допотопною. Онъ, т. е. совѣтникъ, разсказывалъ, что съ нѣкотораго времени онъ отправляется къ духоборцамъ, дабы ихъ увѣщевать принять православіе; если они не согласятся, то большими партіями назначено высылать ихъ въ Арменію, въ Ахалцихскій уѣздъ; таковыхъ партій по 800 человѣкъ отправлено уже туда двѣ. Это распоряженіе сдѣлано по желанію графа Воронцова. Не смѣю входить въ дальнѣйшія сужденія.... По Запискамъ сенатора Лопухина и Кіевскаго профессора N.*) я имѣю не очень дурное понятіе о духоборцахъ. Еще показывалъ мнѣ совѣтникъ собственноручное предписаніе Потемкина Крымскому губернатору Жегулину; оно на простой бумагѣ и 1790 года. Очень усталые возвратились мы съ прогулки, и я весь закоптился сажею несовмѣстныхъ, непристойныхъ и постыдныхъ пожеланій. Окончилъ первый томъ трактата о чувственной любви, продолжалъ чтеніе г-жи Гюіонъ, писалъ письма къ племянницѣ, къ Ялтскому почтмейстеру и къ Дм. Ив. Попову, къ сему послѣднему по приказанію князя.

Воскресенье, 18-го Іюля.

Ходилъ къ обѣднѣ въ старый соборъ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ и прежде; народу было много, служба шла благоговѣйно. Оттуда

*) Т. е. Ореста Новицкаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

зашли въ Католическую церковь; народу также довольно; пѣвчіе пѣли согласно. Слова священника, который онъ выговаривалъ съ энергіею, увлеченіемъ и въ размѣръ хорала по интонаціи, особенно меня поражали. Вотъ эти слова, какъ они ни необыкновенны: «Свенты Боже, свенты мочны, свенты несмертельны, змилуйсе надъ намп». Пришедши домой, я встрѣтился съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, служащимъ въ канцеляріи губернатора, который онамнясь обѣдалъ у меня; я оставилъ его и на нынѣшній разъ у себя обѣдать. Къ обѣду пришелъ и Жегочевъ. Офрейнъ прислалъ, по своему обѣщанію, ко мнѣ нарочнаго изъ Евпаторіи съ увѣдомленіемъ, что нанята для насъ квартира съ увѣдомленіемъ; онъ прислалъ и планъ оной. Я былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ и въ глубинѣ души моей возблагодарилъ Господа: это видимая Его помощь и ободреніе. Послѣ обѣда я нанялъ извощика на парѣ; извощикова физіономія очень замѣчательна, его окладистая бородка, хитрый взглядъ, блуза или родъ ея изъ неотбѣленаго полотна и соломенная шляпа, остановили мое вниманіе. Мы поѣхали на дачу помѣщика Нотары; старый и тѣнистый садъ вблизи Салгира, есть гдѣ отдохнуть и разгуляться. Оттуда проѣхалъ я къ доктору Мильгаузену, чтобы проститься съ нимъ. Поутру читалъ маленькую книжку, которую давно уже выписалъ нарочно изъ Петербурга. Это различныя мысли маркиза Вильмюра, настоящій вademекумъ для мыслящаго. Долгъ свой по Господу исполнилъ безъ особенныхъ препятствій, не досидѣлъ однако минутъ двадцать. Вынулъ изъ шкатулки и послѣдній денежный запасъ свой, состоящій изъ 400 рублей. Разсчитался кое съ кѣмъ, и между прочимъ, съ аптекаремъ, который, какъ мнѣ кажется, человѣкъ прекрасный и честный.

Понедѣльникъ, 19-го Іюля.

Привезли почту, но въ ней не было никакого рѣшенія. Я получилъ письма отъ князя, отъ сестры его, изъ Кривоезерскаго монастыря, отъ настоятеля Паисія и отъ инспектора почтъ Подолинскаго, въ которомъ приложены были стихи, назначенные для моего альбома. Когда нибудь на досугѣ я впишу въ свой дневникъ эти стихи. Мы пошли съ хозяиномъ своимъ Лангомъ въ здѣшній Приказъ Общественнаго Призрѣнія, гдѣ я, на основаніи узаконеній, думалъ заложить банковый билетъ и занять денегъ; я припасъ билетъ въ 2000 рубл. серебромъ и думалъ взять 1000 рублей. Просьба, въ слѣдствіе обязательнаго проворства члена Приказа, сейчасъ же была написана и подписана мною, а членъ Приказа взялъ ее съ собою и понесъ къ губернатору съ тѣмъ, чтобъ сегодня и выдать мнѣ деньги. Покуда вы ходите, сказалъ я члену, позвольте мнѣ зайти домой и отправить мои

Библиотека "Руниверс"

письма. Я возвращаюсь домой, отправляю письма и дожидаюсь возвращенія человѣка, какъ вдругъ сказываютъ мнѣ, что желаетъ видѣться со мною почтмейстеръ. Почтмейстеръ входя поздравляетъ меня съ полученіемъ царской милости: Государь пожаловалъ мнѣ 5400 рубл. денегъ. Я ожилъ и очень обрадовался. Получить пособіе въ то самое время, когда я вполовину занялъ уже деньги, было очень кстати. Милость Божія была очень для меня свѣжа и проникновенна. Въ это самое время пришедшій человѣкъ объявилъ, что пріѣхалъ Гавр. Степ. Поповъ изъ Петербурга. Вскорѣ и самъ Поповъ явился; я обрадовался ему, какъ любезному родственнику. Поповъ объявилъ мнѣ, что онъ не одинъ пріѣхалъ, а привезъ съ собою для компаніи и извѣстнаго благопріятеля моего Власенкова, который по уходѣ Гавр. Степ. и самъ зашелъ ко мнѣ; я принялъ его радушно. Потомъ всѣ мы собрались у Попова обѣдать въ здѣшнемъ трактирѣ; Шампанскаго, не Крымскаго, а изъ Одессы привезеннаго, было довольно, мы подпили порядочно; я однако остерегался. Много было разговоровъ и даже нескромныхъ. Жегочевъ, который тутъ же находился, болѣе всѣхъ насъ разболтался, и мы очень откровенно поговорили о нашемъ statu quo. Досталось и сестрѣ князя и Козловскому. Я однако напомнилъ Попову, что надобно ѣхать, но онъ выѣхалъ поздно и вѣроятно очаровательныхъ картинъ Алушты не увидитъ. Встрѣтился съ нами князь Херхеулидзевъ, градоначальникъ Керчи, который остановилъ отправленіе; почти въ сумеркахъ покатились они въ дальній путь. А мы съ княземъ Херхеулидзевымъ зашли на квартиру къ Жегочеву, который накормилъ гостя простоквашею. Князь человѣкъ умный, хотя и нервозный; онъ отличается ярко между чиновниками графа Воронцова. Онъ разсказывалъ мнѣ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ одномъ курганѣ: золотыя вещи, серебряный подносъ, женскія вещицы, какъ бы сейчасъ только сдѣланныя. Одну изъ таковыхъ вещей Государь подарилъ Наслѣднику съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее, кажется мнѣ, своей супругѣ. Ночь провелъ спокойно и исполнилъ долгъ свой, какъ немощь и свѣжая оргія мнѣ то дозволили. Фуру съ кухаркою и мальчикомъ Сергѣемъ отправили мы впередъ въ Евпаторію.

Вторникъ, 20-го Іюля.

Поутру принесли мнѣ совсѣмъ готовую печать: старикъ Еврей вырѣзалъ на ней гербъ мой; масса печатки состоитъ изъ такъ называемаго topaze fumé, дымчатаго топаза. Князь Ал. Ник. предъ отправленіемъ своимъ изъ Петербурга подарилъ мнѣ ее. Старикъ Еврей не безъ достоинствъ; онъ въ своей жизни производилъ необыкновенныя вещи: въ формѣ малой печати онъ вырѣзалъ всѣ гербы Имперіи Россійской

Библиотека "Руниверс"

съ относительными ихъ изображеніями, и Государь Императоръ пожаловалъ ему брильянтовый перстень. Другой Еврей, золотыхъ дѣлъ мастеръ, дѣлавшій мнѣ золотой очешникъ, кажется, не такъ честно окончилъ свой подвигъ; онъ испортилъ его и даже, можетъ быть, не доложилъ золота, а по словамъ его, онъ будто бы переложилъ его; извѣстно только то, что въ этомъ дѣлѣ было моихъ четыре съ половиною червонца. Потомъ пришелъ ко мнѣ еще Еврей, у котораго я выбралъ разныя матеріи, какъ-то разнаго рода полотенъ для бѣлья, кисеи для жены и Вариньки, матеріи для людского платья, одѣялъ, словомъ: полный ремонтъ для гардероба нашего. Я рѣшился дозволить себѣ пріобрѣсти Голландскаго полотна для дюжины рубашекъ и покупалъ его за аршинъ по 2 р. 10 к. и по 2 р. 50 коп. такое, за которое плачивалъ въ Петербургѣ за каждый аршинъ отъ 7 до 9 р. Дай Богъ здоровья Царю, я могъ все это сдѣлать, и это занятіе немало времени у меня отняло. Обѣдалъ я у своего хозяина, Петра Иванов. Ланга; онъ пригласилъ къ обѣду стат. совѣт. Стевена, начальника агрономическихъ, ботаническихъ и гортикюльтюрныхъ заведеній южнаго края. Стевенъ человѣчикъ невзрачный, долженъ быть нервозный и отчасти Нѣмецъ, хотя и Финлянецъ родомъ. Русскихъ онъ трактуетъ въ родѣ султана. Лѣтъ тридцать тому назадъ, живя въ Кизлярѣ, говорилъ онъ, я зналъ въ квартировавшемъ тамъ полку трехъ маіоровъ, которые не знали грамотѣ. Мнѣ кажется, что ему неприлично было бы мнѣ о томъ разсказывать. Стевенъ мнѣ не очень понравился. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ пить чай Караимъ, у котораго я забиралъ разные запасы; я его потчивалъ муфъ-канастеромъ. Жегочевъ и хозяинъ составляли также мою компанію. Цѣлый день я былъ разсѣянъ, но радостенъ и доволенъ. Богу благодареніе, Онъ видимо милосердствуетъ меня. Я очень былъ радъ, что могъ женѣ моей и Варинькѣ сдѣлать что-нибудь угодное и пріятное. Долгъ свой ко Господу исполнилъ, какъ могъ, безъ особенныхъ затрудненій.

*

На слѣдующій день по утру Ю. И. Бартеневъ выѣхалъ въ Евпаторію лѣчиться Саккскими грязями.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА КЪ СТИХОТВОРЕНІЮ А. С. ХОМЯКОВА „ЗВѢЗДЫ“.

Къ числу лучшихъ стихотвореній А. С. Хомякова относится то, которое озаглавлено „Звѣзды“. Вотъ оно:

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами
И увидишь, что въ дали
За ближайшими звѣздами
Тьмами звѣзды въ ночь ушли,
Вновь вглядись, и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

*

Въ часъ полночнаго молчанья,
Разогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ;
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь: звѣзды мысли водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись: иныя всходятъ;
Вновь вглядись, и тамъ въ дали
Звѣзды мыслей тьмы за тьмами
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Въ этомъ стихотвореніи истинно-поэтическое вдохновеніе такъ безыскусственно сливается съ глубокимъ чувствомъ вѣры, что нельзя усмотрѣть и тѣни той надуманности, которую самъ А. С. Хомяковъ ставилъ въ вину своимъ стихотворнымъ произведеніямъ и вслѣдствіе которой онъ себя смиренно причислялъ къ разряду скорѣе стихотворцевъ, чѣмъ истинныхъ поэтовъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ стихотвореніи „Звѣзды“ какъ будто отразился самъ Хомяковъ, съ одной стороны, какъ вѣрующій мыслитель, погруженный въ созерцаніе неизслѣдимыхъ глубинъ Евангельской истины, а съ другой какъ человѣкъ, посвящавшій своей усиленной умственной работѣ цѣлыя ночи напролётъ; и это не иногда, не часто даже, а постоянно, безпрерывно. Ночь была для Хомякова временемъ самоуглубленія, тогда какъ дни его были почти исключительно заняты либо деревенскими занятіями (съ охотой на первомъ планѣ), либо, въ городѣ, непрерывному собесѣдованію съ тѣмъ разнообразнымъ обществомъ, которое ежедневно собиралось у него съ самаго утра. Онъ никогда не отходилъ ко сну раньше пятаго часа пополуночи. Ночь для него была тѣмъ, чѣмъ она являлась вдохновенному пѣснопѣвцу: „Ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе; вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ“. Оттого Хомяковъ такъ часто воспѣвалъ ночь въ стихотвореніяхъ и даже ввелъ ночной мотивъ въ одну изъ самыхъ глубокомысленныхъ статей своихъ, прерванную тоже ночью „Ангеломъ-разрушителемъ“, гостемъ издавна имъ жданнымъ, какъ выражался онъ о смерти въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній своихъ. Такимъ образомъ сопоставленіе ночныхъ небесныхъ звѣздотканныхъ безднъ съ еще болѣе неизслѣдимыми глубинами Откровенія Евангельскаго является у Хомякова вполнѣ безыскусственнымъ; и потому, вѣроятно, ему удалось облечь его въ такую богатую поэтическую оправу.

Но если составные элементы этого стихотворенія выработались въ душѣ Хомякова сами по себѣ, тѣмъ не менѣе не невозможно допустить, что потребность облечь ихъ въ стихотворную форму могла быть вызвана внѣшнимъ вліяніемъ, вліяніемъ сродной ему мысли другого лица, можетъ быть поразившей его сходствомъ съ тѣмъ, что онъ самъ чувствовалъ, и тѣмъ еще сильнѣе, что онъ напалъ на нее во время одного изъ своихъ ночныхъ бдѣній, въ виду воспѣтаго имъ звѣзднаго неба. Читая при такой именно обстановкѣ книгу высоко-цѣнимаго имъ протестантскаго богослова Винѣ „Discours sur quelques sujets religieux“, не напалъ ли онъ дѣйствительно на одно въ ней мѣсто, которое поражаетъ своимъ сходствомъ со стихотвореніемъ „Звѣзды“?

По кончинѣ супруги своей, которая очень любила читать Винѣ, Хомяковъ особенно занялся его произведеніями, чему оставилъ доказательство въ своихъ богословскихъ брошюрахъ, изъ которыхъ особенно вторая тѣсно связана съ писаніями этого ученаго проповѣдника. Въ проповѣди Винѣ, озаглавленной l'Évangile compris par le coeur (стр. 33—34, изд. 1862 г.) читаемъ слѣдующее: „Il en est des hauteurs de l'âme comme des magnificences du firmament. Lorsque, par une nuit sereine des milliers d'astres étincellent sur le front des cieux, cette éclatante richesse de la voûte étoilée ravit quiconque a des yeux..... Un autre ciel, un ciel plus magnifique que la voûte d'azur étendue sur nos têtes se déploie à nos regards dans l'Évangile: les divines vérités sont les astres de ce ciel mystique et y brillent plus lumineuses et plus pures que les étoiles dans le firmament“. Это мѣсто, само по себѣ прекрасное, могло еще сильнѣе остановить на себѣ вниманіе Хо-

Библиотека "Руниверс"

мякова, благодаря тому, что Винѣ продолжаетъ тутъ же: „Mais il faut un oeil pour les voir, et cet oeil, mes frères, c'est l'amour. L'Évangile est une oeuvre d'amour; le Christianisme n'est que l'amour réalisé sous sa forme la plus pure; et comme la lumière de ce monde ne peut être connue que par l'oeil, l'Évangile ne peut être compris que par l'amour". Въ стихахъ своихъ Хомяковъ передалъ тѣ свои чувства, которыя соотвѣтствовали первой части сдѣланной нами выписки; вторая же послужила, можетъ быть, къ тому, чтобы усилить впечатлѣніе первой на его умъ и душу тѣмъ, что она въ протестантской формѣ выражала его собственное, но уже строго-православное, воззрѣніе на Писаніе. Это послѣднее понятно, по ученію Хомякова, только въ Церкви и для Церкви; а Церковь сама есть любовь въ ея объединяющемъ значеніи. Хомяковъ особенно дорожилъ проявленіями православнаго пониманія въ писаніяхъ иновѣрныхъ богослововъ, такъ какъ они указываютъ на внутреннюю близость ихъ къ пониманію церковному, недоступному имъ въ своей полнотѣ, благодаря тому искаженію въ самой основѣ мышленія, которое произошло на всемъ Западѣ чрезъ вліяніе Латинства, перешедшаго по наслѣдству и къ Протестантамъ. Винѣ, Мёлеръ, Ниль. Тиршъ были Хомякову дороги именно тѣмъ, что онъ въ нихъ видѣлъ залогъ возможнаго, хотя и нескораго, сближенія съ Церковью отпадшихъ отъ нея вѣтвей; и конечно, въ данномъ случаѣ, слова Винѣ о пониманіи Писанія любовью не могли не привлечь его вниманія на предшествующія строки, которымъ онъ и далъ поэтическое выраженіе уже потому, что онѣ совпадали сами по себѣ съ его личнымъ поэтически-религіознымъ чувствомъ.

Въ письмѣ къ издателямъ сочиненій Винѣ Хомяковъ говоритъ, что онъ чтимъ и понимаемъ можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ въ Россіи. Но подъ словомъ „понимаемъ" Хомяковъ вѣроятно подразумѣвалъ не простое буквальное пониманіе, а такое, которое давало взглядамъ Винѣ гораздо болѣе широкій смыслъ чѣмъ тотъ, который онъ самъ въ нихъ влагалъ. Такъ напр. Винѣ говоритъ, что Католицизмъ и Протестантство входятъ оба, какъ равноправныя составныя части въ Церковь земную; Хомяковъ же, соглашаясь съ нимъ, поясняетъ однако его воззрѣніе тѣмъ, что Католицизмъ, т. е. каѳоличность, есть атрибутъ Церви въ ея цѣлости, протестантскій же элементъ пытливости есть атрибутъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ Церкви и стремящихся чрезъ него достигнуть каѳоличности пониманія, принадлежащей лишь Церкви въ ея полнотѣ. (L'église Latine et le Protestantisme, стр. 112, 113). Очень интересна строгая, но вѣрная критика И. В. Кирѣевскаго одного изъ сочиненій Винѣ о свободѣ исповѣданія и объ отношеніи государства къ Церкви, напечатанная въ приложеніяхъ къ біографіи А. И. Кошелева, составленной Н. П. Колюпановымъ.

Если указанное нами сходство между стихотвореніемъ Хомякова „Звѣзды" и словами Винѣ и случайное, то его отмѣтить все-таки пріятно, какъ доказательство какого-то духовнаго сродства между первымъ и вторымъ. Хомяковъ называетъ Винѣ „Une des plus nobles illustrations de notre siècle".

*

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

1860 *).

S-t Pétersbourg, 16 Juin. Le sort en est jété, *alea jacta est*, comme disaient Jules César et m-r de Lamartine avec des résultats trés différents. J'ignore quel sera le mien. Je pars après demain Samedi, et par la voie de terre encore, attendu qu'un brave homme a mis à ma disposition sa calèche à Dunabourg et que la direction se charge de ma transmission jusque là par le chemin de fer que je retrouverai à la frontière de Prusse.

C'est Dimanche passé que je suis allé à Tsarskoé. Après avoir dîné non pas avec Anna, mais chez elle (car elle mange maigre), je suis allé voir le prince Gortschakoff et son fidèle Pylade *Мухановъ*, qui tous deux sont à demeure à Tsarskoé participant largement de tous les agréments et honneurs de l'hospitalité impériale. J'ai trouvé le premier couché et essayant par une sieste improvisée de se refaire un peu de ces agréables corvées, lorsqu'on est venu en ma présence le sommer de participer à la promenade du soir. Il est certain que pour un homme qui a la question d'Orient et une cure d'eau de Hombourg à digérer, un pareil régime est un peu éprouvant. Quant à l'ami Мухановъ, je l'ai trouvé comme toujours frais, dispos et à mon endroit dans les dispositions les plus aimables. Voilà encore un de ces hommes qui sont si complets et si clos en eux-mêmes que leur présence me persuade toujours et qu'il me devient, pour ainsi dire, physiquement impossible de déranger leur confortable ensemble par une contradiction quelconque....

Hier j'ai pris congé de mon Comité et non sans quelque peine à me séparer de ces messieurs qui me sont si bienveillants. Enfin le soir j'ai revu ma tendre Julie dans son établissement d'été si connu et toujours le même. Il y avait chez elle entre autres un m-r Fournier,

---

*) См. выше стр. 271.

Библиотека "Руниверс"

sécretaire de l'ambassade de France, qui m'a fait faire un triste retour sur moi-même, c'est-à-dire sur ce néant de mémoire qui m'envahit de plus en plus. Il paraît qu'il y a à peine quelques années m-r Fournier et moi nous avons été très intimes, que nous nous plaisions beaucoup réciproquement; aussi, m'a-t-il abordé avec les plus cordiales démonstrations, qui m'ont fait d'autant plus de plaisir que c'est un homme d'esprit et nullement banal. Eh bien, j'ai beau fouiller et refouiller mes souvenirs, je n'y retrouve pas une trace de son existence dans mon passé.

С.-Петербургъ, 16 Іюня. Жребій брошенъ, alea jacta est, какъ говорили Юлій Цезарь и Ламартинъ, съ весьма различными послѣдствіями. Не знаю, каковъ будетъ мой. Уѣзжаю послѣ завтра, въ Субботу, и все еще сухимъ путемъ, въ виду того, что одинъ добрый человѣкъ отдалъ въ мое распоряженіе свою коляску въ Динабургѣ и что правленіе обязуется доставить меня до Динабурга по желѣзной дорогѣ, которую вновь найду на Прусской границѣ.

Въ Царскомъ былъ я прошлое Воскресенье. Пообѣдавъ не скажу съ Анной, но у нея (ибо она постничаетъ), я отправился повидать князя Горчакова и его вѣрнаго Пилада Муханова[1]); оба они живутъ въ Царскомъ и широко пользуются почетомъ и удобствами царскаго гостепріимства. Перваго я засталъ лежащимъ, пытающимся оправиться отъ всѣхъ этихъ пріятныхъ трудовъ необычнымъ для него послѣобѣденнымъ отдыхомъ, когда пришли въ моемъ присутствіи пригласить принять участіе въ вечерней прогулкѣ. По правдѣ сказать, такой образъ жизни нѣсколько тяжекъ для человѣка, который долженъ переварить и Восточный вопросъ и Гомбурскія воды. Что̀ касается друга Муханова, я нашелъ его какъ всегда свѣжимъ, живымъ и самымъ любезнымъ образомъ расположеннымъ ко мнѣ. Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ людей, которые столь закончены и завершены сами въ себѣ, что ихъ присутствіе дѣйствуетъ на меня убѣждающе и что мнѣ становится просто физически-невозможнымъ нарушить какимъ нибудь противорѣчіемъ ихъ покойную цѣльность.

Вчера я распрощался со своимъ Комитетомъ [2]), и не безъ нѣкотораго сожалѣнія разстался съ этими господами, столь расположенными ко мнѣ.

---

[1]) Николая Алексѣевича. Это былъ старшій братъ того В. А. Муханова, Дневники котораго были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898. Онъ былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и управлялъ иногда, въ отсутствіе князя Горчакова, министерствомъ. Къ нему посланіе А. С. Хомякова: „О мудрый другъ“ и пр., соотвѣтствующее тому, что̀ говоритъ про него Ѳ. И. Тютчевъ.

[2]) Т. е. съ Комитетомъ иностранной цензуры, котораго Ѳ. И. Тютчевъ до конца своей жизни былъ предсѣдателемъ, служа въ тоже время членомъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ его необыкновенный умъ и близкое знакомство съ политикою приносили большую пользу.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ вечеромъ я увидался съ милой Юліей *) въ ея лѣтнемъ жилищѣ, столь знакомомъ, никогда неизмѣняющемся. Среди другихъ у нея былъ нѣкто г. Фурнье, секретарь Французскаго посольства. Эта встрѣча заставила меня сдѣлать грустное наблюденіе надъ собой, именно надъ тѣмъ безсиліемъ памяти, которое все болѣе и болѣе овладѣваетъ мною. Оказывается, что всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы были очень близки съ г. Фурнье и очень нравились другъ другу. По крайней мѣрѣ онъ встрѣтилъ меня съ самыми сердечными изъявленіями радости, доставившими мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, что это человѣкъ умный и вовсе не пошлый. И что же! Тщетно роюсь въ своихъ воспоминаніяхъ: не нахожу и слѣда его существованія въ моемъ прошломъ.

Berlin, 1 (13) Juillet. Parlons de ce qui m'a amené ici et me fait dater de Berlin mes doléances. H. . ., à mon départ de Pétersbourg, m'avait muni d'une lettre pour *Friedchs*, pour lequel il est pénétré d'une profonde vénération et qui en effet est considéré ici comme la première autorité médicale du pays. Et bien, à peine arrivé je suis allé le trouver et lui donnai communication de l'ordonnance de H. . ., qui, hélas, a été jugée par Friedchs parfaitement incongrue et absurde. Friedchs m'a déclaré après que j'eusse complété les trop courtes informations de la lettre de H. . . par les miennes, que ni Hombourg ni Schwalbach ne pourraient me convenir, et il m'a laissé le choix entre une cure à Carlsbad, suivie d'une autre à Egra, et la cure des bains de Wiesbaden avec accompagnement à boire du Milchbrunnen, qui est une des sources de Carlsbad. Je n'ai pas besoin de dire que j'ai opté pour Wiesbaden.

Берлинъ, 1 (13) Іюля. Поговоримъ о томъ, что меня привело сюда и заставило помѣчать Берлиномъ свои жалобы. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга Г. . .ъ снабдилъ меня письмомъ къ Фридрейхсу, къ которому онъ исполненъ глубочайшаго уваженія и къ которому, дѣйствительно, здѣсь относятся какъ къ первому медицинскому авторитету всей страны. Ну вотъ, только что пріѣхавъ, я прямо отправился къ нему и сообщилъ ему о предписаніяхъ Г. . .а; но, увы, Фридрейхсъ отнесся къ нимъ какъ къ нелѣпымъ и совершенно ошибочнымъ. Когда я пополнилъ устно указанія письма слишкомъ краткія, Фридрейхсъ объявилъ, что ни Гомбургъ ни Швальбахъ помочь мнѣ не могутъ и предоставилъ мнѣ на выборъ или курсъ лѣченія сначала въ Карлсбадѣ, потомъ въ Эгрѣ, или курсъ ваннъ въ Висбаденѣ съ питьемъ воды Мальхбруненъ, одного изъ Карлсбадскихъ источниковъ. Нечего и говорить, что я предпочелъ Висбаденъ.

Wiesbaden, 7 (19) Juillet. Me voilà ici depuis trois jours, et c'est aujourd'hui que j'avais du commencer cette fameuse cure qui doit me

*) Т. е. съ графинею Строгановой, въ то время уже вдовою графа Г. А. Строганова.

Библиотека "Руниверс"

régénérer. Mais hier j'ai reçu quelques lignes de Daria encore de Wildbad, qui m'annonce que Samedi prochain, c'est-à-dire après demain, l'Impératrice - Mère sera à Mayence et qu' elle m'invite à dîner. C'est ce qui m'a fait hésiter, car je ne voudrais pas commencer par une interruption.

Après Berlin je me suis arrêté une couple de jours à Francfort où j'ai trouvé Kovaleffsky et j'ai manqué Tourguéneff.

Висбаденъ. 7 (19) Іюля. Вотъ уже три дня, какъ я здѣсь; сегодня слѣдовало мнѣ начать пресловутый курсъ лѣченія, который долженъ возродить меня. Но вчера я получилъ нѣсколько строкъ отъ Дарьи еще изъ Вильдбада; она извѣщаетъ меня, что въ слѣдующую Субботу, т. е. послѣ завтра, Императрица—Мать будетъ въ Майнцѣ и что Она приглашаетъ меня къ обѣду. Это-то и заставило меня поколебаться: я не хотѣлъ бы начать съ перерыва.

Послѣ Берлина я останавливался на два дня во Франкфуртѣ, гдѣ встрѣтилъ Ковалевскаго *), но уже не засталъ Тургенева.

Wiesbaden, 17 (29) Juillet. Hier il y avait huit jours que j'allai à Mayence saluer à son passage l'excellente Impératrice-Mère. Je tombai à Mayence dans le brouhaha d'un festival des plus animés. C'était la réunion de tous les Lieder-Verein des bords du Rhin. Toute la ville de Mayence était en l'air avec des guirlandes et des couronnes de fleurs à toutes les maisons et des drapeaux de toutes les couleurs à toutes les fenêtres. J'assistai à la répétition du concert qui devait avoir lieu le lendemain, composé de 900 voix et de 180 musiciens. C'était fort beau, et puis cela m'aida à prendre patience jusqu'à huit heures du soir où je vis arriver le convoi de l'Impératrice, qui versa son agitation dans le brouhaha général. L'Impératrice m'a reçu avec sa bienveillance ordinaire au milieu d'une demi-douzaine de têtes plus au moins couronnées: car il y avait là le roi de Hollande, son neveu, le vieux roi Louis de Bavière avec sa fille Mathilde, deux princes de Prusse, leurs sœurs de Meklenbourg, tout cela dans une chambre d'auberge de moyenne grandeur et avec leurs suites encombrant les corridors et les escaliers.

Висбаденъ, 17 (29) Іюля. Вчера исполнилась недѣля какъ я ѣздилъ въ Майнцъ привѣтствовать несравненную Императрицу Мать при ея проѣздѣ. Въ Майнцѣ я попалъ въ самый гулъ оживленнѣйшаго праздника. То было собраніе всѣхъ пѣвческихъ обществъ съ береговъ Рейна. Весь Майнцъ былъ на улицѣ; на всѣхъ домахъ вѣнки и гирлянды цвѣтовъ. всѣ окна

*) Егора Петровича, который въ то время былъ директоромъ Азіатскаго Департамента.

Библиотека "Руниверс"

убраны разноцвѣтнѣйшими флагами. Я присутствовалъ на репетиціи назначеннаго на завтра концерта, образованнаго изъ 900 голосовъ и 180 музыкантовъ. Это было очень красиво, а кромѣ того помогло мнѣ съ терпѣніемъ дождаться восьми часовъ вечера, когда я увидалъ наконецъ поѣздъ Императрицы, прибавившій своего шуму въ общую сумятицу. Императрица приняла меня съ обычной привѣтливостью среди полдюжины головъ болѣе или менѣе коронованныхъ: въ самомъ дѣлѣ тамъ были: король Голландскій, ея племянникъ, престарѣлый король Баварскій Людовикъ со своей дочерью Матильдой, два Прусскихъ принца, ихъ сестры Мекленбургскія, и все это въ комнатѣ гостиницы средней величины и со всей ихъ свитой, переполнявшей коридоры и лѣстницы.

Bade-Bade, 1 (13) Septembre. Avant de venir ici je me suis arrêté quelques jours à Heidelberg où j'ai fait la rencontre des deux frères Аксаковъ, dont l'un Constantin est dans un bien triste état de santé. Le pauvre jeune homme que j'avais vu la dernière fois à Moscou, la veille du jour de la mort de son père, n'est plus que l'ombre de lui-même, lui, qui était un Hercule de santé et d'énergie. Il ressort de ces propres paroles que le mal qui le ruine est un anévrisme au cœur. L'autre frère, Jean, revient des pays Slaves, et ses récits dans le moment actuel sont peut-être en fait de conversation ce que l'on peut entendre de plus intéressant. Je me suis franchement félicité de cette rencontre.

Баденъ-Баденъ, 1 (13) Сентября. До пріѣзда сюда я останавливался на нѣсколько дней въ Гейдельбергѣ, гдѣ встрѣтилъ двухъ братьевъ Аксаковыхъ; состояніе здоровья одного изъ нихъ, Константина, очень печально. Бѣдный молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ послѣдній разъ въ Москвѣ наканунѣ смерти его отца, теперь только тѣнь самого себя, а вѣдь онъ былъ Геркулесомъ силы и энергіи. Изъ его собственныхъ словъ выходитъ, что разрушающая его болѣзнь—аневризмъ сердца. Другой братъ, Иванъ, возвращается изъ Славянскихъ земель, и его разсказы, можетъ быть, самое интересное изо всего, что только можно услыхать въ настоящее время въ разговорѣ. Я искренно былъ обрадованъ этой встрѣчей.

Genève, 22 Sept. (20 Octobre). Maintenant et rien que pour l'acquit de ma conscience quelques mots sur ma santé et sur cette nouvelle mystification de cure que je suis venu chercher ici. A mon arrivée à Genève j'ai trouvé le raisin presqu'aussi arriéré qu'en Allemagne et j'étais déjà sur le point de courir à Vevey, à Montreux et même plus loin, s'il le fallait, pour en trouver le mûr. Heureusement le mauvais temps qui avait recommencé a mis bon ordre à ces velleités, en attendant le raisin a mûri, et voilà trois jours qu'il y en a de suffisamment mûr au marché pour que, au dire du médécin, le traitement ait

Библиотека "Руниверс"

pu commencer. Ce médécin qui me paraît être un homme très entendu est également d'avis que cette cure pourra me faire grand bien, mais à la condition de ne pas forcer les choses, c'est à dire eu égard à l'extrême irritabilité de mon estomac.

Genève serait un fort joli séjour si le temps était plus constamment beau. Par un beau soleil d'automne c'est même magnifique, et j'ai eu plus d'une fois de ces splendides heures qui m'ont un peu reposé et consolé de l'exécrable été que j'ai subi cette année.

L'intérêt politique du moment est aussi une distraction dont il faut tenir compte. L'autre jour j'ai assisté à une assemblée populaire présidée par m-r Fazy, mais une vraie assemblée populaire de mille à quinze cents personnes, la plupart des *Rouges*, qui m'a vraiment impressionnée et m'a fait tomber au doigt beaucoup de choses que je ne faisais que pressentir. Quant à Fazy lui-même, je dois faire sa connaissance ces jours-ci. J'ai trouvé ici une très grande animosité contre sa majesté Napoléon III, mais il y a tout autant de peur que d'irritation. Ce qui est certain, c'est qu'on est admirablement placé ici pour les nouvelles, qui sont les plus intéressantes dans le moment donné, celles de l'Italie. Il est bien difficile de croire que ce qui s'y passe ne soit pas le prélude d'une crise Européenne, dans la quelle, à vue de pays, nous nous préparons à jouer notre rôle de niais, tout comme par le passé.

Женева, 22 Сентября (20 Октября). Теперь, и только для очистки совѣсти, нѣсколько словъ о моемъ здоровьѣ и объ этой новой мистификаціи лѣченія, для которой я сюда пріѣхалъ. Прибывъ въ Женеву, я засталъ виноградъ почти столь же запоздавшимъ, какъ въ Германіи, и уже готовъ былъ летѣть въ Вевэ, въ Монтрё и даже еще дальше, если бы понадобилось, чтобы только сыскать зрѣлаго. По счастью вернувшаяся дурная погода остановила эти покушенія: тѣмъ временемъ виноградъ созрѣлъ, и вотъ уже дня три, какъ въ продажѣ есть достаточно зрѣлый, по словамъ доктора, чтобы возможно было начать лѣченіе. Этотъ докторъ (человѣкъ, какъ мнѣ кажется, знающій) равнымъ образомъ убѣжденъ, что виноградное лѣченіе можетъ мнѣ принести великую пользу, при томъ однако условіи, чтобы я не насиловалъ хода вещей, иначе говоря принималъ во вниманіе крайнюю раздражительность моего желудка.

Женева была бы прелестнымъ мѣстомъ, будь только хорошая погода постояннѣе. При роскошномъ осеннемъ солнцѣ иногда бываетъ даже великолѣпно, и не разъ выпали на мою долю нѣсколько чудныхъ часовъ, отчасти успокоившихъ и утѣшившихъ меня за отвратительное лѣто, которое досталось мнѣ на долю въ этомъ году.

Библиотека "Руниверс"

Въ числѣ развлеченій слѣдуетъ принять также и политическую злобу дня. Намедни я присутствовалъ на народномъ собраніи подъ предсѣдательствомъ г. Фази, и на собраніи въ самомъ дѣлѣ народномъ, гдѣ было тысячи полторы человѣкъ и по большей части все *красные;* оно въ самомъ дѣлѣ произвело на меня впечатлѣніе, и многое изъ того, что я только предчувствовалъ, стало для меня яснымъ. А съ самимъ Фази я долженъ на дняхъ познакомиться. Здѣсь встрѣтилъ я страшную злобу противъ его величества Наполеона III, но въ ней столько же страха, какъ и раздраженія. Несомнѣнно одно: здѣсь удивительно удобное мѣсто относительно полученія новостей, такъ какъ въ настоящее время любопытнѣйшія извѣстія идутъ изъ Италіи. Трудно не вѣрить, чтобы все происходящее тамъ не было прелюдіей общеевропейскаго кризиса, въ которомъ на глазахъ всей страны мы готовимся сыграть свою роль дурачка, точь въ точь какъ и прежде.

Genève, 4 (16) Octobre. Quant au séjour d'ici, bien que je n'aspire qu'à l'abréger, je dois avouer que dans d'autres conditions il pourrait avoir beaucoup de charmes. De la société j'en ai trouvé autant que je puis en consommer. J'ai fait la connaissance de quelques artistes et de quelques savants dans quelques cercles particuliers où les étrangers sont admis avec la plus grande libéralité. Je n'ai pas encore fait la connaissance de m-r Fazy, attendu qu'il a été absent de Genève, mais je vais la faire et j'ai découvert par hasard le trait d'union qui existe entre lui et moi: ce sont les rapports qu'il a eus dans le temps avec le comte Ostermann habitant de Genève.

Женева, 4 (16) Октября. Пребываніе здѣсь (хотя я только и мечтаю какъ бы его сократить) можетъ при другихъ условіяхъ имѣть много прелести, въ этомъ должно сознаться. Общество, которое я здѣсь нашелъ, столь велико, что большее было бы мнѣ не подъ силу. Я познакомился съ нѣсколькими артистами и съ нѣсколькими учеными изъ тѣхъ обособленныхъ круговъ, гдѣ иностранцевъ принимаютъ съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ. Мнѣ еще не пришлось познакомиться съ г. Фази, въ виду того, что его не было въ Женевѣ, но познакомиться я намѣренъ; случайно я открылъ слѣды единенія, существующаго между нимъ и мною: въ свое время у него были сношенія съ графомъ Остерманомъ, когда тотъ жилъ въ Женевѣ *).

1861.

Moscou, 8 Juin. Je fus à Alexandrie, où il n'y avait personne à l'exception de Daria souffrante et qui n'avait pu accompagner la caravane impériale dans une des ses excursions aux environs de Moscou, équivalant à des vrais voyages. Ce soir-là on était allé au village de

*) Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой приходился родственникомъ Ѳ. И. Тютчеву (мать котораго была родомъ Толстая).

Библиотека "Руниверс"

Коломенское, village qui avait appartenu au père de Pierre-le-Grand et où celui-ci a passé son enfance. Il y avait le jour de fête au village, et la présence inopinée ou pressentie de l'Empereur et de sa famille avait transformé cette modeste fête en quelque chose d'énorme et de prodigieux, dans un tel débordement de foules empressées et compactes que les augustes visiteurs ont manqué y être submergés, ce qui ne les a pas empêché néanmoins de distribuer force pains d'épices, force petits cadeaux etc. etc., de dôter quelques couples, en un mot de s'acquitter à la satisfaction générale d'un seigneur du village, rentrant dans ses domaines... Seulement cette fois-ci il s'agit d'un village de 70 millions d'âmes... Mais pour me résumer: partout l'accueil que l'Empereur a rencontré ici a été le même, empressé, cordial, affectueux jusqu'à l'importunité... Quant au non-peuple, aux non-satisfaits, il y a eu au commencement tentation de bouderie, mais après un certain dîner de 90 couverts où toutes les notabilités de la ville avaient été conviées, il y a un revirement sensible, et j'ai rencontré le lendemain et les jours suivants des personnes qui étaient sous le coup d'un attendrissement continu..

Москва, 8 Іюня. Я былъ въ Александріи [1]), гдѣ не было никого кромѣ больной Даріи, не могшей сопровождать императорскій поѣздъ въ одну изъ его поѣздокъ по окрестностямъ Москвы, равняющихся настоящимъ путешествіямъ. Въ тотъ вечеръ отправились въ село Коломенское, принадлежавшее отцу Петра Великаго (въ немъ Петръ и провелъ свое дѣтство). Въ селѣ былъ мѣстный праздникъ и неожиданное или предугаданное присутствіе Императора съ Семьей преобразило этотъ скромный праздникъ въ нѣчто чудесное и безмѣрное, въ какое-то наводненіе толпящагося, восторженнаго народа. Августѣйшіе посѣтители едва не были потоплены этими толпами, что̀ однако не помѣшало имъ раздать множество пряниковъ, множество маленькихъ подарковъ и тому подобнаго, наградить приданымъ не одну чету, однимъ словомъ, къ общему удовлетворенію выполнить долгъ помѣщика, вернувшагося въ свое имѣніе. Только на этотъ разъ дѣло шло о имѣніи въ 70 милліоновъ душъ. Чтобы подвести итоги, скажу, что Императоръ вездѣ встрѣтилъ одинъ и тотъ же пріемъ: предупредительный, радушный, сердечный, до докучливости. Что̀ касается до тѣхъ, кто не есть народъ, до *не*-удовлетворенныхъ, то сначала съ ихъ стороны была попытка дуться, но послѣ обѣда на 90 приборовъ, на который была приглашена вся городская знать, замѣчается чувствительный поворотъ; на другой день и въ слѣдующіе затѣмъ мнѣ встрѣчались лица, явно находившіяся подъ вліяніемъ неустаннаго умиленія [2]).

---

[1]) Т. е. въ Нескучномъ.

[2]) Тогда же, т. е. вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ, состоялась негласная поѣздка Государя, Государыни съ ихъ дочерью на родину Сусанинавъ Костром-

Библиотека "Руниверс"

S-t Pétersbourg, 10 Août. Ici, d'après la formule convenue: rien de nouveau, bien qu'on sente sous ses pieds des mouvements qui annoncent un sourd travail de réorganisation ou de désorganisation, comme on voudra. Depuis le départ de l'Empereur j'ai récupéré mon prince Gortschakoff rentré en ville et qui par moments est bien sérieux plus du dedans que du dehors.

С.-Петербургъ, 10 Августа. Здѣсь, согласно съ принятой формулой, ничего новаго, хотя подъ ногами и чувствуются удары, возвѣщающіе о глухой работѣ переустройства или разстройства, какъ угодно. Послѣ отъѣзда Императора я вновь обрѣлъ моего князя Горчакова, вернувшагося въ городъ и по временамъ бывающаго очень серьезнымъ, болѣе внутренно, чѣмъ внѣшнимъ образомъ.

1862.

Pétersbourg, 12 Mai. Le lendemain de mon retour de Moscou, j'ai dîné chez le pr. Gortschakoff qui m'a accueilli avec sa cordialité ordinaire. Sur ma demande il m'a déclaré qu'il tiendrait à ma disposition un passeport de courrier pour l'époque qu'il me plaira de choisir. Le passeport n'est pas à quoi j'aspire: il me faut une expédition de courrier, et j'espère l'obtenir avec l'assistance de Мухановъ.

С.-Петербургъ, 12 Мая. На слѣдующій день по возвращеніи изъ Москвы я обѣдалъ у князя Горчакова, принявшаго меня со своей обычной сердечностью. Въ отвѣтъ на мою просьбу онъ заявилъ мнѣ, что предоставитъ въ мое распоряженіе курьерскій паспортъ въ какое мнѣ будетъ угодно время. Но паспортомъ не ограничивается все, къ чему я стремлюсь; мнѣ нужно и назначеніе курьеромъ: надѣюсь достигнуть этого при содѣйствіи Муханова.

Weimar, 1 (13) Juin. Parti de Pétersbourg à 10 heures du soir après vingt-quatre heures de ce plaisir-là, je me suis trouvé dans la quasi impossibilité de continuer et me décidai à coucher à Vilna et de faire la connaissance de cette ville. Elle vaut assurément la peine d'être visitée surtout dans les circonstances actuelles. J'étais bien tombé: le jour que j'y ai passé était le jour de la Trinité. La ville était dans son plus grand relief. Dès le matin la population était en l'air, et pas seulement celle de la ville, mais aussi celle des campagnes qui ces jours-là et encore une ou deux fois dans l'année vient submerger Vilna et toute sa population citadine sur laquelle elle tranche d'une manière

---

свой губерніи. Они ходили на кладбище села Домнина и завтракали въ крестьянской избѣ. Ихъ сопровождалъ въ этой поѣздкѣ съ одной изъ Волжскихъ пристаней мѣстный дворянинъ Н. М. Мясоѣдовъ, передававшій намъ про графа А. В. Адлерберга, что онъ такъ и не выходилъ изъ коляски, ввезенной подъ навѣсъ заваленнаго навозомъ и грязью крестьянскаго двора.

Библиотека "Руниверс"

frappante par l'originalité de ses types et de ses costumes. Il n'y a rien de tel que de voir les choses par ses yeux. La tournée que j'ai faite dans les églises et par les rues de Vilna dans une promenade du matin a été pour moi toute une révélation. Elle m'a fait toucher du doigt, pour ainsi dire, les différents éléments de ce que l'on appelle la Question Polonaise. Ce qui m'a surtout frappé, c'est la ferveur catholique de toutes ces masses blanches. Les églises, et elles sont nombreuses à Vilna, étaient pavées de ces têtes et de ces corps prosternés à terre priant et gémissant. On se sentait en plein moyen âge catholique. Du fond de tout cela émergeaint les femmes de la ville, la plupart jolies et toutes en profond deuil avec des pleureuses, ce qui contrasta plaisamment avec leur mine très éveillée et pas mal avenante. En un mot, Vilna m'a intéressé... Dans la journée j'ai eu la visite d'un des vétérans de la poésie polonaise Odynitz, un ancien ami de Mizkewitsch, à qui j'avais porté une lettre de la part de Rossette. C'est un vieil enfant à la manière de feu Жуковскій. Il m'a dit qu'on a été généralement enchanté dans le pays de la nomination du Grand-Duc Constantin... le désenchantement ne se fera pas attendre. Cette nomination du dit Grand-Duc avancera la question pour sûr, mais ne la résoudra pas.

Вейнаръ, 1 (13) Іюня. Выѣхавъ изъ Петербурга въ 10 часовъ вечера, я послѣ двадцати четырехъ часовъ такого удовольствія почувствовалъ себя какъ бы въ полной невозможности продолжать тоже долѣе и порѣшилъ переночевать въ Вильнѣ и познакомиться съ этимъ городомъ. Несомнѣнно онъ стóитъ посѣщенія, особенно при современныхъ обстоятельствахъ. Я попалъ удачно: это былъ Троицынъ день. Городъ ярко выступалъ со своими особенностями. Съ утра поднялось все населеніе и не только городское, но и сельское, которое въ этотъ день и еще раза два въ году наполняетъ Вильну и потопляетъ собой ея горожанъ, рѣзко отличаясь отъ нихъ своеобразностью своихъ лицъ и своей одежды. Ничто не можетъ быть лучше какъ видѣть вещи собственными глазами. Обзоръ Виленскихъ церквей и улицъ во время утренней прогулки былъ для меня полнымъ откровеніемъ. Благодаря ему, я, такъ сказать, коснулся перстомъ различныхъ составныхъ частей того, что̀ называютъ Польскимъ вопросомъ. Меня особенно поразила католическая ревность этой бѣлой толпы. Церкви, а ихъ немало въ Вильнѣ, были вымощены головами и простертыми ницъ тѣлами молящихся и рыдающихъ. Дышалось полнымъ вѣяньемъ католическаго средневѣковья. Среди всего этого выдавались горожанки, большей частью хорошенькія, въ глубокомъ траурѣ съ плерезами, что̀ представляло забавный контрастъ съ оживленнымъ выраженіемъ ихъ привлекательныхъ личекъ. Однимъ словомъ, Вильна возбудила мое любопытство.

Днемъ меня посѣтилъ одинъ изъ ветерановъ Польской поэзіи Одынецъ,

Библиотека "Руниверс"

старинный другъ Мицкевича, которому я доставилъ письмо отъ Россета [1]). Это старый ребенокъ, въ родѣ покойнаго Жуковскаго. Онъ сказалъ мнѣ, что назначеніемъ Великаго Князя Константина вообще всѣ чрезвычайно довольны... Разочарованіе не заставитъ себя ждать. Назначеніе этого Великаго Князя навѣрно подвинетъ вопросъ, но не разрѣшитъ его.

Wiesbaden, 3 (15) Juin. Quelles déplorables nouvelles que celles que je viens de lire dans les journaux à propos de cette série d'incendies à Pétersbourg, qui vient d'être couronnée par celui du 30 Mai. Il est clair maintenant qu'une poignée de misérables, enhardis par l'impunité, c'est décidée à passer des paroles à l'action. J'aime à croire que le gouvernement suivra cet exemple et que bonne et prompte justice sera faite avec du plomb, s'il le faut, de tous ces scélérats plagiaires... Il me paraît impossible que ce qui vient de se passer ne détermine une réaction sérieuse dans les esprits. Dans mon intérieur je me refuse toujours encore à croire à la réalité d'un danger, mais je sens que dans l'éloignement cette assurance ne se maintiendra pas longtemps. Dans tous les cas, en attendant l'inquiétude flagrante, je me sens envahi par une mortelle tristesse.

Висбаденъ, 3 (15) Іюня. Что за горестныя извѣстія я только что прочелъ въ газетахъ о томъ рядѣ Петербургскихъ пожаровъ, который недавно увѣнчался пожаромъ 30 Мая [2]). Теперь ясно, что горсть негодяевъ, одобряемая безнаказанностью, порѣшила перейти отъ словъ къ дѣлу. Мнѣ хочется вѣрить, что правительство послѣдуетъ ихъ примѣру и что справедливая и скорая кара постигнетъ этихъ чужеумныхъ изверговъ, при надобности даже при помощи свинца. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы все происшедшее не вызвало серіезной реакціи въ умахъ. Въ глубинѣ я все еще отказываюсь вѣрить въ дѣйствительность опасности, но чувствую, что въ удаленіи эта увѣренность продержится не долго. Во всякомъ случаѣ, въ ожиданіи жгучихъ тревогъ, чувствую себя во власти смертельнаго унынія.

S-t Pétersbourg, 23 Août. Hier nous avons eu notre dîner des Japonais chez le prince Gortschakoff. C'était vraiment très-curieux de se sentir ainsi en communauté d'habitudes et même de conversation avec des gens si complétement différents de vous par la race. C'est absolument

---

[1]) Аркадія Осиповича, служившаго передъ тѣмъ въ Вильнѣ въ должности гражданскаго губернатора. (См. „Русскій Архивъ“ 1885, I, 139).

[2]) Въ этотъ пожаръ погибли драгоцѣнныя бумаги изъ архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; В. А. Кокоревъ подалъ мысль министру финансовъ, чтобы денежныя книги въ банкахъ велись вдвойнѣ, и одинъ списокъ ихъ ежедневно увозимъ былъ на храненіе въ Петропавловскую крѣпость. Поджоги велись по тому самому плану, который былъ составленъ еще въ 1849 году Петрашевскимъ съ братіею. (Слышано отъ И. П. Липранди).

Библиотека "Руниверс"

comme si on s'était trouvé à table à trinquer avec des gens qui auraient vécu il y a dix ou douze siècles, l'immensité de la distance faisant ici l'effet de la durée du temps. Ils étaient six, très laids et ressemblant à de vielles femmes, bizarrement costumés. Cependant la justice m'oblige de dire qu'au nombre des convives appartenant à la race caucasienne, il y en avait deux ou trois, qui au costume près trahissaient évidemment une parenté avec les hôtes japonais... Ils avaient l'air de rénégats japonais.

С.-Петербургъ, 23 Августа. Вчера у князя Горчакова состоялся нашъ Японскій обѣдъ. Это общеніе и въ привычкахъ, и въ самой бесѣдѣ съ людьми столь рѣшительно отъ насъ отличными по расѣ, право, было очень любопытнымъ. Было совершенно тоже ощущеніе, какъ еслибъ мы чокались на пиру съ людьми, жившими десять или двѣнадцать вѣковъ тому назадъ; громадное разстояніе производило такое же впечатлѣніе какъ громадный промежутокъ времени. Ихъ было шестеро, очень безобразныхъ и смѣшно одѣтыхъ похожихъ на старухъ. Впрочемъ справедливость заставляетъ меня сказать, что изъ числа участниковъ принадлежавшихъ къ Кавказской расѣ, было человѣка три, которые по одеждѣ явно свидѣтельствовали о своемъ родствѣ съ Японскими гостями. Ихъ можно было принять за Японскихъ ренегатовъ.

Dimanche, 16 Septembre. J'ai été assister aux fêtes de Nowgorod. Ce qui m'y a décidé c'est que j'ai pu y loger gratis, grâce à un brave homme d'employé, dont j'ai placé le fils au Ministère de l'Intérieur et qui par reconnaissance de ce service rendu m'a fait supplier d'accepter un pied à-terre dans son logement à Nowgorod. Ces fêtes ont été très-belles et à la cérémonie de la consécration du monument je me suis trouvé placé de manière à voir le tout on ne peut mieux. La seule chose qui ait manqué à cette occasion à moi, comme à bien d'autres, c'est le sentiment réligieux du passé qui seul aurait pu donner à cette fête sa véritable signification. Les *mille ans* ne nous regardaient pas du haut de ce monument très bien réussi d'ailleurs... Notre âme à tous est trop engourdie, et Dieu sait ce qu'il faudrait pour la réveiller.

Воскресенье, 16 Сентября. Я присутствовалъ на Новогородскихъ празднествахъ. Окончательно побудило меня къ этому то обстоятельство, что у меня оказалась возможность помѣститься тамъ даромъ. Одинъ добрый человѣкъ изъ чиновниковъ, въ благодарность за то, что я помѣстилъ его сына въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, упросилъ меня воспользоваться на время его квартирой въ Новгородѣ. Празднества были очень хороши. На освященіи памятника я получилъ мѣсто, съ котораго все было видно, какъ нельзя лучше. Единственно, чего не доставало мнѣ, какъ и многимъ другимъ, это религіознаго чувства прошлаго; а только оно одно могло придать истинное значеніе этому празднеству. Тысячелѣтія не смотрѣли на насъ съ вы-

Библиотека "Руниверс"

соты этого памятника, впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ удачнаго. У всѣхъ насъ[1]) душа слишкомъ усыплена, и вѣдаетъ Богъ, что́ нужно, чтобы пробудить ее.

1863.

St-Pétersbourg, 19 Mai. Hier je suis allé voir la cousine Mouravieff pour me faire raconter par elle des nouvelles de son mari. On avait dit ces jours-ci en ville qu'à son passage par Dunabourg l'excellent homme avait fait pendre deux Polonais. Je crois que c'est une légende; mais ce qui est certain, c'est qu'à son arrivée à Wilna il a eté reçu avec transport par nos troupes, avec jubilation par les Juifs et avec consternation par les Polonais, surtout par le clergé. La cousine m'a raconté la conversation très-caractéristique que son mari a eue avec les représentants de ce dernier. Les braves gens ont eu la naïveté d'émettre la prétention qu'en cas de délit politique ils eussent à être jugés par un tribunal spécial. Муравьевъ leur a répondu qu'il ne voyait aucun fondement à une prétention semblable et qu'au cas d'une trahison avérée un prêtre serait pendu tout comme un autre. Cela leur a fait, dit-on, une forte impression... Il devient de plus en plus évident que c'est *l'excès de l'impunité* qui jusqu' à présent a le plus contribué à prolonger le désordre. Il se raconte à ce sujet des choses vraiment incroyables. Quant au déhors, on est toujours ici dans l'attente de quelque communication nouvelle plus ou moins absurde ou insolente. L'autre jour lord Napier a communiqué au prince Gortschakoff un nouveau grief de lord John Russell au sujet de je ne sais quelles nouvelles atrocités commises en Lithuanie. Il s'agissait *(tout cela est textuel)* d'un magnat lithuanien qui avait enrôlé une escouade de milles sauvages pour faire insulter sous ses yeux toutes les femmes et filles polonaises qui leur tombaient sous la main.

С.-Петербургъ, 19 Мая. Вчера пошелъ я къ кузинѣ Муравьевой[2]), чтобы услышать отъ нея новости о ея мужѣ. По городу эти дни ходили слухи, что, проходя черезъ Динабургъ, этотъ чудный человѣкъ повѣсилъ двухъ Поляковъ. Я думаю, что это сказка: но достовѣрно, что по прибытіи въ Вильну онъ былъ принятъ съ изступленнымъ восторгомъ войсками, съ радостнымъ веселіемъ Евреями и съ ужасомъ Поляками, особенно ихъ духовенствомъ. Кузина разсказала мнѣ очень характерный разговоръ ея мужа съ представителями этого духовенства. Добрые люди были столь наивны,

[1]) Исключеніе составляла императрица Марія Александровна. Она, по словамъ покойнаго археолога, графа М. В. Толстаго, который показывалъ ей Новгородскую святыню, изумляла близкимъ знакомствомъ своимъ съ исторіею Новгорода и его древностей.

[2]) Супруга графа М. Н. Муравьева, Пелагея Васильевна, была дочерью Н. Н. Шереметевой, урожд. Тютчевой, родной тетки Ѳедора Ивановича.

Библиотека "Руниверс"

что выразили притязаніе, чтобы за государственныя преступленія ихъ судило особое судилище. Муравьевъ отвѣчалъ имъ, что не видитъ никакихъ основаній для подобныхъ притязаній и что въ случаѣ доказанной измѣны священникъ будетъ повѣшенъ такъ же, какъ всякій другой. Говорятъ, что это произвело на нихъ сильное впечатлѣніе... Становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что именно излишекъ безнаказанности наиболѣе способствовалъ до сихъ поръ продолженію безпорядковъ. По этому поводу разсказываютъ прямо невѣроятныя вещи.

Что̀ касается внѣшнихъ отношеній, то здѣсь постоянно ждутъ какого нибудь новаго сообщенія болѣе или менѣе нелѣпаго или дерзкаго. Не такъ давно лордъ Нэпиръ передалъ князю Горчакову новую жалобу лорда Джона-Русселя по поводу какой-то новой жестокости, совершенной въ Литвѣ. Дѣло шло (это буквально) о Литовскомъ магнатѣ, навербовавшемъ отрядъ дикарей, человѣкъ въ тысячу, чтобы позорить на его глазахъ всѣхъ Польскихъ женщинъ и дѣвушекъ, какія только попадутъ въ его руки.

1-er Juin. Pour le moment on croit à l'ajournement de la guerre. On a eu a par le télégraphe la nouvelle d'un discours très pacifique de lord John Russel. Mais tout cela ne prouve rien. En attendant on vient d'apprendre qu'à Varsovie, sous les yeux de nos autorités, on a emporté de la banque 3 millions de roubles. En haut lieu on en est quelque peu embarrassé pour le *pauvre Constantin*. On sent que cela ne refera pas sa réputation dans le pays. *L'Archange Michel* à Wilna poursuit le cours des ses exterminations vengereuses. Entre autre il a fait fusiller dernièrement le comte Plater. En Ukraïne quatorze régiments de milice viennent de s'organiser.

1-го Іюня. Въ настоящее время вѣрятъ въ отсрочку войны. По телеграфу получено извѣстіе о очень мирной рѣчи лорда Джона-Росселя. Но все это ничего не доказываетъ. Тѣмъ временемъ стало извѣстнымъ, что въ Варшавѣ подъ самыми глазами нашихъ властей изъ банка похищено 3 милліона рублей. Въ высшихъ кругахъ немного смущены за *бѣднаго Константина*. Чувствуютъ, что это не возвыситъ его значенія въ странѣ. Виленскій *Архангелъ Михаилъ* продолжаетъ рядъ своихъ мстительныхъ истребленій. Между прочимъ недавно онъ разстрѣлялъ графа Платера. Въ Украйнѣ только что образовано четырнадцать полковъ ополченцевъ.

Tsarskoë-Selo, 8 Juin. Je m'attendais à me rassurer de nouvelles, mais il n'en a rien été. Les nôtres ne sont pas encore arrivées. On les attend pour après-demain. Ici on paraît être rassuré au moins quant à cette année. Mais cette sécurité me paraît tenir, comme tout le reste, à cette impuissance d'esprit qui est au fond de tout ici. L'événement du jour c'est l'arrivée quelque peu forcée de l'archevêque Félinsky, consigné à Gatschino. C'est le raisonnable, le modéré Kiréeff qui lui a servi de Mentor dans son voyage.

Библиотека "Руниверс"

Quant au régime de Varsovie, le dernier fait qui le signale c'est le vol des 3 millions 700 milles roubles fait à la trésorerie, ainsi que le refus *unanime* de tous les lithographies de la ville de prêter leur assistance pour publier les numéros des papiers volés. Cependant dans les tous derniers temps l'exemple salutaire de Муравьевъ paraît avoir donné quelque émulation d'énergie à ce pauvre gouvernement de Varsovie. On a fait faire qnelques pendaisons dans la citadelle, et cette *liberté grande* a dit-on beaucoup scandalisé le public. On dit même que c'est pour avoir protesté contre la pendaison de l'un des siens que monseigneur Félinsky a été invité à se rendre à Gatschino. Pour ce qui est de Муравьевъ, il fait merveille, et l'état des choses depuis qu'il est à Wilna a déjà complétement changé de face. Le deuil a entièrement disparu dans les rues de la ville, quatorze imprimeries clandestines ont été saisies. Dernièrement un riche propriétaire polonais s'est amusé dans sa terre à pendre un prêtre orthodoxe sur la porte de son château. Aussitôt ordre a été donné de passer la charrue sur cette habitation et ses dépendences et d'y semer le sol... et ainsi fut-il fait. A la suite de quoi la compagnie qui avait été chargée de cet œuvre de destruction a fait dire des prières pour l'âme du pauvre prêtre et s'est côtisée pour secourir la veuve et les enfants du défunt. Mais que tout cet état des choses est affreux et tout cela n'est que le début... Le paroxysme de fureur et de démence de toute cette race est quelque chose d'inconcevable. L'autre jour un polonais de ma connaisance, mais celui-là très russifié, me racontait qu'il était allé voir des parents dans le gouvernement de Minsk, je crois. C'étaient entre autres des cousines qui avaient déjà perdu quatre frères dans l'insurrection. Aussitôt qu'elles le voient arrivé, elles ne doutèrent pas qu'il venait rejoindre les bandes... S'étant assurées qu'il n'en ferait rien, elles rompirent tout rapport avec lui et lorsque celui ci à son départ vient prendre congé d'elles, ces jeunes filles lui montrèrent littéralement le d... Il paraît que c'est la formule consacrée dans ces cas là. Des mères polonaises dans le gouvernement de Kieff envoyent des enfants de quatorze ans rejoindre les bandes pour travailler à la *délivrance de la patrie*... à Kieff! Et aussitôt le peuple des campagnes les assomme. Il y a là,—la guère étrangère y aidant,—toutes les chances d'une extermination en masse de toute une race d'hommes.

Царское село. 8 Іюня. Я надѣялся получить подтвержденіе извѣстіямъ, но ничего подобнаго не было. Наши еще не получены; ихъ ждутъ послѣ завтра. Здѣсь, по видимому, успокоены по крайней мѣрѣ за этотъ годъ. Но, какъ мнѣ кажется, эта безпечность основана, какъ и все остальное, на томъ безсиліи мысли, которое составляетъ здѣсь основу всего. Событіе дня составляетъ не совсѣмъ добровольное прибытіе архіепископа Фелинскаго, ко-

Библиотека "Руниверс"

городу для пребыванія назначено Гатчино. Менгоромъ въ этомъ путешествіи служилъ ему благоразумный, умѣренный Кирѣевъ.

Что до Варшавскаго управленія, то послѣднія событія хорошо знаменуютъ его: это кража 3,700000 рублей изъ казначейства и единодушный отказъ всѣхъ литографій въ городѣ оказать помощь въ напечатаніи номеровъ украденныхъ бумагъ. Несмотря на это, въ самое послѣднее время благодѣтельный примѣръ Муравьева вызвалъ, какъ кажется, нѣкоторое соревнованіе въ энергіи среди бѣдныхъ правящихъ круговъ Варшавы. Было произведено нѣсколько повѣшеній въ крѣпости, и этотъ *великій произволъ*, какъ говорятъ, всѣ сочли за страшное оскорбленіе. Говорятъ даже, что монсеньеру Фелинскому предложили отправиться въ Гатчино именно за то, что онъ протестовалъ противъ повѣшенія одного изъ своихъ. Что касается Муравьева, то онъ совершаетъ чудеса, и положеніе дѣлъ рѣшительно измѣнило свой обликъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Вильнѣ. Трауръ въ городѣ на улицахъ исчезъ совершенно, захвачено четырнадцать тайныхъ типографій. Недавно какой-то богатый Польскій землевладѣлецъ забавлялся въ своемъ имѣніи тѣмъ, что повѣсилъ на дверяхъ своего замка православнаго священника. Тотчасъ былъ отданъ приказъ пропахать плугомъ то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ домъ и его службы, и землю тамъ засѣять... что и было исполнено. Послѣ этого, рота, которой была поручена эта работа разрушенія, заказала панихиду по душѣ бѣднаго священника и сложилась, чтобы оказать помощь вдовѣ и дѣтямъ покойнаго. Но какъ ужасны всѣ эти вещи, а все это только начало...

Въ приступѣ ярости и безумія, охватившемъ весь этотъ народъ, есть что-то непостижимое. Недавно мнѣ разсказывалъ одинъ знакомый Полякъ, впрочемъ вполнѣ обрусѣвшій, какъ онъ ѣздилъ повидаться со своими родственниками, кажется, въ Минскую губернію. Тамъ, между прочимъ, были его двоюродныя сестры, уже потерявшія четырехъ братьевъ въ возстаніи. Только увидавъ его, онѣ не сомнѣвались, что онъ ѣдетъ присоединиться къ повстанцамъ .. Убѣдившись же, что онъ не сдѣлаетъ ничего, онѣ порвали съ нимъ всякія сношенія; когда же передъ отъѣздомъ онъ пришелъ съ ними проститься, эти молодыя дѣвушки въ буквальномъ смыслѣ показали ему з... Оказывается, это условный знакъ принятый въ такихъ случаяхъ. Матери-Польки въ Кіевской губерніи посылаютъ дѣтей лѣтъ четырнадцати въ шайки повстанцевъ трудиться для *освобожденія родины*. Это въ Кіевѣ! А мужики тотчасъ же избиваютъ ихъ. При соединеніи сюда внѣшнюю войну и у васъ на лицо всѣ условія для окончательнаго истребленія цѣлой расы людей.

Moscou, 27 Juin. La crise approche, et mes tristes prévisions vont s'accomplir. On vient d'apprendre que le voyage de l'Impératrice est remis. Hier, 26, après une messe de mort dite à la mémoire de l'Empereur défunt, le Conseil de Ministres a du se réunir pour prendre connaissance des réponses aux notes des puissances. C'est Samedi prochain

Библиотека "Руниверс"

29 qu'elles partiront. Avant quatre semaines nous pourrons avoir les escadres ennemies devant Cronstadt. Tout cela est terriblement angoissant. Ici, comme dans toute la Russie, l'esprit est bon, mais on se défie de la faiblesse et de l'incohérance du gouvernement. Il n'y a pas à se le dissimuler: c'est l'existence même de la Russie qui est en question. Je m'attends à tout ce qu'il y a de pire et je ne me sens plus assez de vie, assez d'avenir pour espérer voir claire le lendemain de la catastrophe qui nous menace.

Москва, 27 Іюня. Рѣшительное мгновеніе приближается, и мои печальныя предчувствія исполняются. Стало извѣстнымъ, что путешествіе Императрицы отложено. Вчера, 26, послѣ панихиды по покойномъ Императорѣ, совѣтъ министровъ долженъ былъ собраться, чтобы ознакомиться съ отвѣтами на ноты державъ. Ихъ отправляютъ 29-го, въ Субботу. Раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ непріятельскія эскадры уже могутъ стоять передъ Кронштадтомъ. Все это страшно мучитъ... Здѣсь, какъ и во всей Россіи, духъ бодръ; но безсиліе и неспособность правительства вызываютъ недовѣріе. Нечего скрывать отъ себя: вопросъ поставленъ о самомъ существованіи Россіи. Я приготовился ко всему худшему и уже не чувствую въ себѣ столько жизни, не имѣю предъ собой столько будущаго, чтобы питать надежду видѣть ясно послѣдствія угрожающаго намъ погрома.

Moscou, 1 Juillet. Ici on est toujours dans l'attente des événements, mais pas d'anxieuse qu'elle pouvait l'être. Je ne sais quel sentiment de sécurité prévaut en dépit de tout. On ne croit pas à la guerre imminente. Il est certain que l'Angleterre n'a pas trop l'air de s'en soucier et que cette attitude jette quelque froid dans ses rapports avec Napoléon — que d'autres incidents survenus en dernier lieu ne peuvent manquer d'aigrir. Si, à la suite de tout cela, le coquin se voyait obligé d'ajourner la guerre, il en résulterait entre lui et l'Angleterre une irritation réciproque qui pourrait les conduire loin. Dieu le veuille! Il le doit à Lui-même. Il doit à Sa justice de mettre aux prises ces deux grandes indignités de manière à les faire dévorer l'une par l'autre. Ce serait là la vraie morale à toutes ces abominations qui depuis des années s'accumulent sous nos yeux.

Москва, 1-го Іюля. Здѣсь все еще продолжаютъ ждать событій, но не такъ тревожно, какъ то могло бы быть. Какое-то чувство самоувѣренности торжествуетъ на перекоръ всему. Въ близкую войну не вѣрятъ. Правда, вовсе не замѣтно, чтобы Англія о ней заботилась; положеніе, занятое ею, приноситъ въ ея отношеніи къ Наполеону нѣкоторую холодность, которой не могутъ не усилить другія событія, присоединяющіяся сюда же. Если же вдобавокъ ко всему этому мошенникъ увидитъ себя вынужденнымъ отсрочить войну, то это вызоветъ такое взаимное раздраженіе между нимъ и Англіей,

Библиотека "Руниверс"

которое, быть можетъ, заведетъ ихъ далеко. Да будетъ на то воля Господня! Этотъ долгъ Его предъ Самимъ Собой. Его долгъ предъ справедливостью. Напустить одну на другую эти двѣ великія гнусности, такъ чтобы въ борьбѣ одна растерзала другую. То было бы истинное поученіе и наказаніе всѣмъ тѣмъ мерзостямъ, какія годъ за годомъ скопляются предъ нашимъ взоромъ.

Moscou, 11 Juillet. Nous touchons à la crise. Hier on a reçu les réponses de Gortschakoff qui ont été accueillies ici avec une satisfaction unanime. Elles sont dignes et précises et ne laissent aux puissances d'autre alternative qu'une honteuse retraite ou la guerre, et je la crois imminente. Pour Napoléon surtout c'est devenu une question de vie ou de mort, au moins politique. J'ai écrit ce matin à Gortschakoff pour le complimenter, et cette fois j'ai eu la satisfaction de ne lui dire que des choses vraies, ce qui est bien agréable. Les notes encore une fois sont très-bien. Ici, grâce à mes relations intimes avec Катковъ, je suis presque aussi à la source des nouvelles que si j'étais à Pétersbourg. C'est une nature très sympatique que Катковъ; je dîne demain chez lui, et nous boirons à la santé de Gortschakoff. Je vois beaucoup l'ami Павловъ, Аксаковъ, Погодинъ et tutti quanti. Je me félicite de me trouver à Moscou dans ce moment-ci.

Москва. 11 Іюля. Мы подошли къ рѣшительному мгновенію. Вчера были получены отвѣты Горчакова, принятые здѣсь съ единодушной радостью. Они полны достоинства, опредѣленны, и для державъ остается только одно изъ двухъ: или позорное отступленіе или война, и я считаю войну неизбѣжной. Для Наполеона въ особенности это стало вопросомъ жизни и смерти, по крайней мѣрѣ политической. Сегодня утромъ я написалъ Горчакову, поздравляя его, и на этотъ разъ я чувствовалъ удовлетвореніе, сказавъ ему только правду, что весьма пріятно. Еще разъ: ноты написаны превосходно. Здѣсь, благодаря моимъ близкимъ отношеніямъ съ Катковымъ, я почти также близокъ къ самому источнику новостей, какъ то было бы въ Петербургѣ. Катковъ очень привлекательное существо; завтра я у него обѣдаю, и мы выпьемъ за здоровье Горчакова. Я часто видаю друга Павлова, Аксакова, Погодина и всѣхъ остальныхъ. Радуюсь, что нахожусь въ такіе дни въ Москвѣ.

Moscou, 22 Juillet. J'ai écrit, comme je crois l'avoir mandé, à Gortschakoff pour lui rendre compte de l'accueil que Moscou avait fait à ses dépêches. Il m'a fait répondre par Jomini, une lettre qui court maintenant la ville. Comme *fait,* elle n'apprend rien de nouveau, mais considérée comme profession de foi, elle ne laisserait rien à désirer, si ce n'est la certitude qu'on y restera fidèle. Mais c'est là malheureusement sur quoi on peut le moins compter. Un incident qui date d'hier

Библиотека "Руниверс"

ne justifie que trop ces doutes et ces craintes. Voici ce que c'est. On avait voulu organiser ici, sous forme d'un dîner public, une grande manifestation d'adhésion nationale à la ligue politique exprimée dans les dépêches, et cela dans le sens le plus loyal de dévoûment pour l'Empereur et son gouvernement. Il va sans dire que le général Тучковъ n'a pas cru pouvoir prendre sur lui d'autoriser ce dîner qui devait être de deux mille personnes. Il en a donc référé à Pétersbourg, et là, comme de raison, il a été décidé qu'il valait mieux s'en abstenir. C'est toujours l'ancienne chanson. A Moscou cette marque de défiance stupide et si fort à contre-sens a produit le plus détestable effet. Aussi sous le coup de cette impression toute vive, j'ai écrit quelque mots à Pétersbourg que j'aimerais savoir interceptés par ceux à qui ils sont réellement déstinés. Hélas, c'est de l'enfantillage de ma part, je le sais bien; mais il y a des occasions où, plutôt que de se taire, on haranguerait des murs.

Voici à la date d'aujourd'hui comment se présente la situation au dehors. Notre réponse leur est tombée comme une tuile sur la tête: tant les puissances dans leur insolente outrecuidance s'attendaient peu à rencontrer une résistance sérieuse de notre part. On raconte que Napoléon, après avoir pris connaissance de la note, qui lui est adressée, s'est écrié: «*C'est plus qu'infâme, c'est ridicule.*» Ce mot là est un arrêt du destin. Désormais la question pour lui n'est plus politique, c'est une question toute personnelle entre la Russie et son avenir d'une part, et de l'autre cette misérable carcasse de Napoléon, qui peut d'un jour à l'autre rendre le reste de souffle qui l'anime. L'Angleterre, qui comprend cela à merveille, paraît toujours très hésitante. Et si elle se décide à l'abstention, pour tout de bon, ce misérable aventurier finira comme il a commencé, par un fiasco des plus ridicules, au quel cette fois il ne survivra pas. Mais hélas, qui sait l'avenir!

Москва, 22 Іюля. Помнится, я уже говорилъ, что написалъ Горчакову, сообщая ему, какой пріемъ оказали его депешамъ Москва. Черезъ Жомини онъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, ходящимъ теперь по городу. Оно не даетъ ничего новаго въ смыслѣ фактовъ, но если его разсматривать какъ исповѣданіе вѣры, то бо́льшаго желать не остается; развѣ только хотѣлось бы быть увѣреннымъ, что ему не измѣнятъ. Между тѣмъ, къ несчастью, именно на это менѣе всего и приходится разсчитывать. Одно вчерашнее происшествіе только болѣе укрѣпляетъ эти сомнѣнія и опасенія. Вотъ въ чемъ дѣло. Здѣсь хотѣли устроить подъ видомъ общественнаго обѣда большую манифестацію съ изъявленіями всенароднаго сочувствія къ политическимъ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ депешахъ; все это должно было быть въ

Библиотека "Руниверс"

духѣ самой вѣрноподданнической преданности Императору и его правительству. Само собою понятно, что генералъ Тучковъ*) не нашелъ возможнымъ взять на себя разрѣшеніе этого обѣда, на которомъ должно было присутствовать до двухъ тысячъ человѣкъ. Итакъ, онъ сдѣлалъ запросъ въ Петербургъ и, какъ слѣдовало ожидать, было рѣшено, что отъ этого лучше воздержаться. Все старая пѣсня! Въ Москвѣ этотъ знакъ тупой недовѣрчивости, столь противной здравому смыслу, произвелъ самое отвратительное дѣйствіе. Подъ живымъ впечатлѣніемъ его я написалъ нѣсколько словъ въ Петербургъ и мнѣ хотѣлось бы убѣдиться, что ихъ перехватили тѣ, кому они въ дѣйствительности и назначены. Съ моей стороны, увы! это ребячество, я это вполнѣ понимаю; но бываютъ обстоятельства, когда скорѣе станешь говорить рѣчь къ стѣнамъ, чѣмъ молчать.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся внѣшнія отношенія, если помѣтить свѣдѣнія сегодняшнимъ днемъ. Нашъ отвѣтъ свалился имъ какъ снѣгъ на голову: въ своемъ высокомѣрномъ самомнѣніи, державы не ожидали съ нашей стороны серьезнаго сопротивленія. Разсказываютъ, будто Наполеонъ, ознакомившись съ посланной ему нотой, воскликнулъ: *„это больше чѣмъ оскорбительно, это смѣшно.“* Въ этихъ словахъ приговоръ судьбы. Отнынѣ для него уже нѣтъ вопросовъ политическихъ, а остается только личный вопросъ, гдѣ съ одной стороны стоитъ Россія съ ея будущностью, а съ другой жалкій кощей Наполеонъ, готовый со дня на день испустить остатокъ живящаго его дыханія. Англія, удивительно понимающая это, какъ кажется, очень колеблется. Если же она рѣшитъ и вправду воздержаться, тогда этотъ жалкій искатель приключеній кончитъ, какъ началъ: самой смѣшной неудачей, отъ которой на этотъ разъ ему не оправиться. Но увы, кто знаетъ, что будетъ?

Moscou, 1 Août. Quant aux nouvelles, il y a un moment d'arrêt, et un de pays des coalition est quelque peu déconcerté par l'attitude décidement pacifique de l'Angleterre. A l'intérieur Муравьевъ continue à faire ses merveilles; tout à l'heure je viens de lire le texte d'une adresse des plus soumises et des plus loyales signée par 300 propriétaires nobles du gouvernement de Wilna. Quelle misérable engeance que les Polonais, tout braves qu'ils sont. Ici j'ai vécu au cours même de la presse de Moscou entre Katkoff et Aksakoff, comme une espèce d'intermédiaire officieuse entre la presse et le Ministère des Affaires Étrangères. Aussi je puis à la rigueur considérer mon séjour à Moscou comme une mission pas plus inutile qu'une autre.

Москва 1-го Августа. Что до новостей, то теперь время затишья: одно изъ государствъ коалиціи нѣсколько сбито съ толку рѣшительно-миролюби-

*) Тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

вымъ положеніемъ, занятымъ Англіей. Внутри Муравьевъ продолжаетъ свои чудеса: я только что читалъ текстъ адреса въ высшей степени покорнаго и вѣрноподданническаго, подписаннаго 300-ми помѣщиковъ изъ знати Виленской губерніи. Что за жалкое отродье Поляки, несмотря на всю ихъ храбрость! Я жилъ здѣсь въ самомъ руслѣ Московской прессы, между Катковымъ и Аксаковымъ, въ родѣ какого-то оффиціознаго посредника между прессой и Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ. Итакъ, я могу считать свое пребываніе въ Москвѣ, пожалуй, порученіемъ не болѣе безполезнымъ, чѣмъ многія другія.

S-t Pétersbourg, 16 Août. Me voilà depuis hier en repossession de Pétersbourg. C'est Samedi dernier que je suis revenu à Tsarskoe Sélo. Le lendemain j'y allai aussi dîner chez le prince Gortschakoff, qui m'a accueilli plus à bras ouverts que de coutume. Je le trouvais supportant très-dignement ses succés qui assurément ne sont pas médiocres. Il me raconta avec effusion le plaisir que lui avait fait ma première lettre écrite de Moscou et lui annonçant l'effet produit par ses dépêches. Aussi s'empressat-il de la communiquer à l'Impératrice, qui dans son ardeur politique peu bienveillante pour le prince, lui avait présagé que ses réponses seraient trouvées faibles et incolores à Moscou. Puis mon grimoire ayant été communiqué à l'Empereur; celui-ci, après l'avoir laborieusement déchiffré, ne put s'empêcher de dire qu'il fallait la faire lire à m-lle Anna pour la ramener à des appréciations plus équitables à l'endroit du p-ce Gortschakoff, et ce mot a été toute une révélation pour le prince, qui ne s'explique pas pourquoi la fille de son meilleur ami persiste à lui être hostile.

Quant à la situation politique, voici où on en est: les notes que j'ai lues chez le prince, sont rogues, malveillantes, mais émoussées; la pointe y manque, et elles n'expriment que la mauvaise humeur et le désappointement. La réponse qui y sera faite, sera courte, polie, se référera aux explications précédentes sans s'engager dans une polémique que l'on considère désormais comme épuisée. Cette réponse partira d'ici le dernier jour du mois, au moment même du départ du prince accompagnant l'Empereur en Finlande, où celui-ci doit ouvrir en personne la diète le 3 Septembre. Les journaux ont déjà donné la nouvelle de l'accueil qui lui a été fait en Finlande à sa première visite; celle-ci consumera l'oeuvre, et on s'attend aux démonstrations les plus significatives. Mais l'intérêt palpitant du moment c'est l'apparition très inopinée du Grand-Duc Constantin à Tsarskoe, arrivé d'avant-hier. Le soir de ce jour je rencontrai le prince Gortschakoff à la musique de Pavlovsk; il me donna quelques détails, mais rien d'explicite ni de satis-

Библиотека "Руниверс"

faisant. Il paraît que le Grand-Duc, qui est venu seul ici, compte dans dix jours retourner à Varsovie, malgré les efforts qu'on fait pour l'en empêcher. En général dans toute cette affaire éclate de nouveau de la manière la plus déplorable l'infirmité générale de tous et de chacun. D'une part le manque de l'intelligeance qui, en rendant impossible toute appréciation vraie de la situation, énerve et paralyse l'action, et d'autre part le sentiment de la famille, qui, grâce à la plate servilité de l'entourage, subordonne le plus naïvement du monde les plus grands intérêts du pays au plus mesquines considérations personnelles. J'ai rencontré aussi hier soir Арсеньевъ, arrivé avec le Grand-Duc, qui sur ce que je lui disais du désir très général et très vif qu'on avait de les voir revenir à Pétersbourg, m'a répondu ironiquement qu'il serait injuste de les frustrer d'un triomphe infaillible et imminent, attendu qu'on était persuadé parmi eux que les premières neiges enseveliraient l'insurrection etc. etc. Une circonstance à noter c'est que Michel Mouravieff a refusé sous prétexte d'indisposition de voir le Grand-Duc à son passage à Vilna.

С.-Петербургъ, 16 Августа. Вотъ со вчерашняго дня мною снова обрѣтенъ Петербургъ. Въ Царское Село я вернулся въ прошлую Субботу. На другой же день я отправился обѣдать къ князю Горчакову, встрѣтившему меня болѣе чѣмъ когда либо съ распростертыми объятіями. Я нашелъ, что онъ очень достойнымъ образомъ переноситъ свои успѣхи, конечно не маловажные. Онъ откровенно разсказалъ мнѣ, какое удовольствіе доставило ему мое первое письмо изъ Москвы, въ которомъ я сообщалъ ему о впечатлѣніи, произведенномъ его депешами. Онъ позаботился сообщить его Императрицѣ; въ своемъ политическомъ усердіи она не очень расположена къ князю и предсказывала ему, что въ Москвѣ его отвѣты найдутъ слабыми и безцвѣтными. Потомъ мою тарабарщину сообщили Императору; старательно разобравъ ее, онъ не могъ удержаться и сказалъ, что слѣдовало бы дать ее прочесть Аннѣ, дабы склонить ее къ болѣе справедливой оцѣнкѣ князя Горчакова. Эти слова были пѣлымъ откровеніемъ для князя, который никакъ не можетъ объяснить себѣ, почему дочь его лучшаго друга упорно остается ему враждебною.

Что же касается до политическаго положенія, то вотъ къ чему мы пришли: ноты, которыя я читалъ у князя, высокомѣрны, недоброжелательны, но въ нихъ не хватаетъ силы, и онѣ выражаютъ только дурное расположеніе духа и разочарованіе. Отвѣтъ на нихъ будетъ краткимъ, вѣжливымъ; онъ будетъ ссылаться на предшествующія объясненія, не вступая въ споры, которые отнынѣ считаются исчерпанными. Этотъ отвѣтъ будетъ отправленъ отсюда въ послѣдній день мѣсяца, въ то самое время, когда князь выѣдетъ вмѣстѣ въ Финляндію съ Государемъ, которому предстоитъ лично открыть сеймъ 3-го Сентября. Въ газетахъ уже были сообщенія о пріемѣ,

Библиотека "Руниверс"

оказанномъ ему въ Финляндіи при его первомъ пріѣздѣ; настоящій пріѣздъ увѣнчаетъ дѣло; жлутъ еще болѣе многозначительныхъ изъявленій радости. Но животрепещущую злобу дня составляетъ совершенно неожиданное появленіе въ Царскомъ Великаго Князя Константина, прибывшаго третьяго дня. Въ тотъ же вечеръ я встрѣтилъ князя Горчакова на музыкѣ въ Павловскомъ; онъ передалъ мнѣ нѣкоторыя подробности, но ничего точнаго и удовлетворяющаго. Кажется, Великій Князь, пріѣхавшій сюда одинъ, намѣренъ дней черезъ десять вернуться въ Варшаву, хотя и дѣлаются всѣ усилія, чтобы помѣшать ему въ этомъ. Короче, въ этомъ дѣлѣ самымъ плачевнымъ образомъ снова выступаетъ всеобщее безсиліе всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности.

Еще встрѣтилъ я вчера Арсеньева, пріѣхавшаго съ Великимъ Княземъ. Я сказалъ ему, что видѣть ихъ возвратившимися въ Петербургъ было всеобщимъ жгучѣйшимъ желаніемъ; онъ же насмѣшливо возразилъ мнѣ, что было бы несправедливо лишать ихъ несомнѣнно-предстоящаго тріумфа, такъ какъ среди нихъ всѣ были убѣждены, что съ первымъ же снѣгомъ возстаніе будетъ погребено и т. д. и т. д. Можно отмѣтить слѣдующее обстоятельство: М. Н. Муравьевъ подъ предлогомъ нездоровья отказался встрѣтить Великаго Князя въ его проѣздъ черезъ Вильну.

Библиотека "Руниверс"

PIA DESIDERIA

Барона Александра Павловича Николаи.

I.

Нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ прочитать книгу на Англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Бесѣды о преподаваніи, читанныя въ Кембриджскомъ Университетѣ въ 1880 г. инспекторомъ школъ Фитчемъ» *). Въ этомъ весьма полномъ и многостороннемъ сборникѣ между прочимъ обратилъ на себя мое особенное вниманіе отдѣлъ: «о преподаваніи Латинскаго и Греческаго языковъ въ среднихъ и низшихъ школахъ». При извѣстномъ, вѣками установившемся, преобладаніи въ среднихъ Англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ классическаго образованія, взглядъ на оное одного изъ современныхъ, и, какъ видно, изъ весьма дѣльныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ преподаванія и школьнаго воспитанія, привлекъ на себя особенное мое вниманіе, въ такое въ особенности время, когда и у насъ, въ Россіи, преподаваніе этихъ древнихъ языковъ занимаетъ такое первенствующее мѣсто въ гимназическомъ курсѣ, и когда мнѣнія о пользѣ такого преобладающаго мѣста, этимъ языкамъ предоставленнаго, встрѣчаетъ и много поборниковъ, и едва ли не меньшее число противниковъ. А потому считаю не лишнимъ остановиться нѣсколько на замѣчаніяхъ г-на Фитча. Вотъ что онъ высказывалъ въ Кембриджѣ, этомъ древнѣйшемъ оплотѣ Англійскаго классическаго образованія.

«Извѣстно, что словесное и филологическое образованіе, которое пріобрѣтается черезъ изученіе Латинскаго и Греческаго языковъ, есть то, которому было придаваемо наибольшее значеніе. И до нынѣ еще мы привыкли считать человѣкомъ образованнымъ «par excellence» того, который свѣдущъ въ обоихъ этихъ языкахъ, и расположены не признавать такого значенія за тѣмъ, кто, какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ въ другихъ отрасляхъ знанія, не познакомился съ авторами, которыхъ мы называемъ «*классическими*».

*) Lectures on teaching, delivered in the university of Cambridge, 1880, by Y. C. Fitch, one of H. M. inspectors of schools.

Библиотека "Руниверс"

Не слѣдуя примѣру тѣхъ, которые въ подобномъ взглядѣ усматриваютъ одно лишь предубѣжденіе, не лишне однако будетъ задаться вопросомъ: откуда такое мнѣніе возымѣло свое начало, и какъ могло случиться, чтобы языки Латинскій и Греческій признавались мѣриломъ образованности и почти единственнымъ, достойнымъ пріобрѣтенія, знаніемъ?

Для этого оглянемся за 300 лѣтъ тому назадъ, когда Лили (Lyly) писалъ свою грамматику, когда Ашамъ (Ascham) обучалъ чтенію Платона—леди Джанъ Грей и королеву Елисавету, когда были основаны знатнѣйшія изъ нашихъ школъ словесности. Если бы въ то время кто-либо спросилъ Эразма или серъ Филиппа Сидней: почему Латинскій и Греческій языки занимаютъ такое первенствующее, почти исключительное, мѣсто въ школьномъ образованіи, то отвѣчать на это было бы не трудно: «*книги, наиболѣе во всемъ мірѣ заслуживавшія прочтенія, были написаны на этихъ двухъ языкахъ*». Такъ, лучшими образцами историческихъ писателей были Ѳукидидъ и Титъ-Ливій; для знакомства съ отличнѣйшими драматическими произведеніями необходимо было читать Софокла и Еврипида; для изученія геометріи существовалъ Евклидъ; для риторики Квинктиліанъ и Аристотель; для нравственной философіи Платонъ или Цицеронъ. Въ то время серъ Матью Гели (Sir Matthew Hale) могъ писать къ своимъ внукамъ: «я желаю, чтобы вы дѣлали хорошіе успѣхи въ изученіи Латинскаго языка, дабы вы были въ состояніи читать, понимать и разбирать всякаго Латинскаго автора, и сами правильно и изящно выражались по латыни; и, хотя я желалъ бы, чтобы вы сколько нибудь поучились и Греческому языку, тѣмъ не менѣе придаю я бо́льшую цѣну Латинскому языку, потому что всякое знаніе передается на этомъ языкѣ».

Въ то время новѣйшая литература, послѣ долгой средневѣковой тьмы, только что зарождалась, и за нею признавали еще оттѣнокъ грубости и варварства. Хотя Чосеръ (Chaucer) и Данте уже писали, но, тѣмъ не менѣе, въ шестнадцатомъ столѣтіи никакому литератору не пришло бы на мысль допустить, чтобы сочиненія этихъ авторовъ могли служить руководствомъ для критическаго анализа, въ одинаковой степени съ произведеніями Горація или Овидія. Всемірное литературное богатство того времени почти все сосредоточивалось на языкахъ Греціи и древняго Рима.

Другая причина для изученія древнихъ языковъ заключалась въ томъ, что они были единственные, коихъ грамматика была правильно выработана и приведена въ стройную систему.

Библиотека "Руниверс"

Каждый изъ этихъ языковъ былъ почти вполнѣ самостоятельный, съ весьма малою иностранною примѣсью; каждый изъ нихъ обладалъ выработанною системою грамматическихъ формъ; притомъ, сдѣлавшись языкомъ мертвымъ и переставая быть общеразговорнымъ, онъ поэтому не подвергался болѣе той порчѣ, которая всегда угрожаетъ языку употребляемому для рѣчи необразованною массою. Поэтому оба эти языки представляли образцы правильно организованной философической грамматики и установившейся литературы. Напротивъ того, языки новѣйшей Европы были разнородны, полны неправильностей и въ состояніи постоянной измѣнчивости. Не сдѣлано было въ то время еще никакой попытки къ установленію ихъ формъ, къ отысканію въ нихъ грамматическихъ законовъ, и поэтому они были мало приспособлены для изученія словесности.

Независимо всего этого, Латинскій языкъ, хотя мертвый для обычнаго разговорнаго употребленія, былъ еще вполнѣ живымъ и мощнымъ языкомъ для большей части потребностей образовательныхъ. Онъ былъ общимъ языкомъ всей западной церкви; онъ служилъ посредникомъ для сношеній между лицами духовнаго званія и между учеными. Не только Бидъ и болѣе ранніе лѣтописцы, но даже сэръ Томасъ Муръ, Букананъ, Бэконъ, Гоббесъ, Мильтонъ и Ньютонъ находили Латинскій языкъ самымъ удобнымъ посредникомъ для сношеній съ иностранными учеными и съ образованнымъ классомъ своихъ соотечественниковъ.

Очевидно, что нынѣ многія изъ этихъ причинъ либо совершенно перестали существовать, либо потеряли очень многое въ своемъ значеніи. Нельзя уже болѣе утверждать, чтобы наилучшія и самыя изящныя произведенія ума человѣческаго были сосредоточены въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ. Возникла богатая новѣйшая литература, совершенно новыя науки получили жизнь; создалась наука исторической критики; математическія науки получили обширное развитіе; раскрылось широкое поле для физическихъ изслѣдованій; новѣйшіе языки, включая и нашъ отечественный, сдѣлались предметомъ филологическаго и критическаго анализа. *Но, рядомъ съ этимъ расширеніемъ поля знанія, продолжительность человѣческой жизни не увеличилась.*

Очевидно, что, сравнивая число книгъ нынѣ достойныхъ прочтенія и предметы современнаго изученія съ книгами и знаніями эпохи Елисаветинской, нужно признать, что мѣсто, занимаемое литературами Греческою и Латинскою, хотя и весьма почтенное, однако сравнительно много потеряло въ своей важности. Это нынѣ признается и нашими древними университетами. Учрежденіе въ Оксфордѣ курсовъ законо-

Библиотека "Руниверс"

вѣдѣнія и новѣйшей исторіи, а въ Кембриджѣ естественныхъ наукъ и философіи наглядно доказываетъ, что слово «*образованіе*» должно быть расширено въ своемъ значеніи, и что, напр., отличный студентъ по части естественныхъ наукъ, мало или вовсе незнакомый съ Греческимъ языкомъ, имѣетъ столько же права на признаніе его человѣкомъ образованнымъ и на полученіе въ томъ удостовѣренія отъ университета, сколько отличный студентъ по Греческой словесности, мало или вовсе незнакомый съ естественными науками.

Тѣмъ не менѣе въ нашихъ классическихъ школахъ grammar schools *), болѣе даже нежели въ нашихъ университетахъ, существуетъ еще сильная традиція, будто Латинскій и Греческій языки служатъ въ нѣкоторой степени мѣриломъ для воспитанія «*джентельмена*»; будто тотъ, кто владѣетъ этими языками, хотя бы и ничѣмъ инымъ, имѣетъ право на званіе образованнаго человѣка, а напротивъ того тотъ, кто имѣетъ много другого знанія, но не получилъ классическаго образованія, признается существомъ низшаго достоинства. Возрѣніе это не трудно объяснить: тѣ люди, которые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ по сему предмету, суть большею частью такіе, которыхъ раннее воспитаніе было основано на подобной теоріи. Каждый, естественно, цѣнитъ преимущественно то, чѣмъ онъ самъ располагаетъ. И у государственнаго дѣятеля, и у члена духовенства, и у писателя, при воспоминаніи о годахъ, въ продолженіе которыхъ онъ трудился надъ Латинскою грамматикою или надъ Греческимъ лексикономъ, глубоко запонилось такое убѣжденіе: *эта система образованія должна быть хорошая, ибо она произвела меня.* Въ позднѣйшемъ періодѣ жизни трудно человѣку освободиться отъ впечатлѣній, произведенныхъ на него классическимъ образованіемъ, а также разрѣшить передъ собою вопросъ: «какой, для развитія его способностей, былъ бы достигнутъ результатъ, если бы для этого былъ избранъ иной способъ».

II.

На сколько достойно вниманія такое отношеніе къ образовательному значенію классическихъ языковъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, со стороны лица, принадлежащаго къ составу педагогическихъ дѣятелей въ странѣ, которая и до нынѣ признается однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ классическаго образованія, на столько же изложенныя имъ соображенія объ историческомъ возникновеніи и развитіи этого образованія, а также объ измѣнившихся усло-

*) Къ числу такихъ училищъ принадлежатъ извѣстныя древнія школы Итонъ, Рёгби, Харро (Eaton, Rugby, Harrow).

Библиотека "Руниверс"

віяхъ его отношенія къ требованіямъ современной образованности должны быть признаны справедливыми. Примѣняются они ко всѣмъ западно-европейскимъ культурнымъ странамъ. Во всѣхъ преобладаніе въ общественномъ образованіи преподаванія древнихъ языковъ, Латинскаго и Греческаго, связано съ историческимъ ходомъ образованности. Если восходить гораздо ранѣе эпохи Елисаветинской въ Англіи до средневѣковыхъ, такъ называвшихся Латинскихъ школъ, преимущественно основанныхъ при монастыряхъ, то окажется, что въ тѣ отдаленныя времена, когда образованіе было по преимуществу духовно-церковное, одинъ Латинскій языкъ пользовался исключительнымъ правомъ служить основаніемъ всякаго преподаванія; появленіе же на ряду съ нимъ языка Греческаго совпадаетъ съ эпохою такъ называемаго возрожденія (renaissance) во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ столѣтіи, когда явился культъ древней классической цивилизаціи, въ которой эллинизмъ долженъ былъ занять по крайней мѣрѣ равное съ латинизмомъ мѣсто. А такъ какъ до конца прошлаго столѣтія Латинскій языкъ продолжалъ быть главнымъ, если не исключительнымъ языкомъ науки, уступивъ незадолго передъ тѣмъ Французскому языку мѣсто, какъ органу международныхъ сношеній, то весьма понятно на сколько въ учебныхъ заведеніяхъ классическое образованіе должно было сохранить исторически завоеванное имъ вѣковое значеніе. Способствовало такому сохраненію и то, что само развитіе наукъ точныхъ, естественныхъ, реальныхъ принадлежитъ по преимуществу нынѣшнему столѣтію, и что только сравнительно недавно самое народное образованіе, такъ сказать, демократизировалось, обнимая болѣе широкіе слои общества. Очень понятно поэтому, что въ учебныхъ заведеніяхъ западной Европы борьба между классицизмомъ и реализмомъ, вынужденная требованіями современной жизни, очень медленно ослабляетъ монопольное положеніе классическаго образованія. Весьма справедливо говоритъ Фитчъ, что классическое образованіе находитъ своихъ усерднѣйшихъ защитниковъ въ поколѣніяхъ на немъ выросшихъ.

Обращаясь за симъ къ нашему отечеству, мы встрѣчаемся съ обстоятельствами, если не прямо противуположными, то во всякомъ случаѣ весьма различными. Народное образованіе, въ видѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, у насъ существуетъ немногимъ болѣе столѣтія, а если считать очень широко, то рожденіе его нельзя опредѣлить ранѣе царствованія Петра Великаго, въ которомъ являются самые скромные его начатки. Не имѣя своихъ корней, какъ западная Европа, въ латинизмѣ, изъ котораго даже образовалась значительная часть новѣйшихъ языковъ, ни въ древнемъ эллинизмѣ, народное обра-

Библиотека "Руниверс"

зованіе въ Россіи было всецѣло позаимствовано изъ современнаго западно-европейскаго; но классицизмъ на нашей почвѣ не имѣетъ самородныхъ корней, а былъ искусственно привитъ къ программамъ нашихъ учебныхъ заведеній, въ подражаніе ихъ первообраза, преимущественно Германскаго.

Когда это позаимствованіе было первоначально совершено, классицизмъ въ Германскихъ школахъ царилъ еще вполнѣ; а потому неудивительно, что онъ воцарился и въ нашихъ школахъ. Нельзя однако не замѣтить, что, не имѣя той исторической опоры, которая ему обезпечивала монополію въ заграничныхъ школахъ, классицизмъ у насъ шелъ болѣе скромными шагами. И положенія царствованія Императрицы Екатерины II *) и разновременно изданныя въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, указывая древнимъ языкамъ, а въ особенности Латинскому, почетное мѣсто въ программахъ нашихъ гимназій, не предоставляли имъ преобладающаго мѣста, которое даровалъ имъ уставъ 1871 года. Пошли мы, слѣдовательно, путемъ совершенно противуположнымъ тому, которому слѣдуетъ среднее образованіе въ странахъ, въ которыхъ языки Греціи и Рима пріобрѣли гражданственность не по теоріи, а по историческому праву. Провозглашаемо было въ 1871 году, будто преобладаніе древнихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ основано въ западной Европѣ на отвлеченномъ убѣжденіи, что они составляютъ лучшее орудіе умственнаго развитія; тогда какъ это преобладаніе, чуждое отвлеченной теоріи, есть лишь данъ, платимая историческимъ традиціямъ, съ которыми иныя и болѣе широкія потребности современнаго образованія вступили въ борьбу, постепенно, хотя медленно, завоевывая себѣ болѣе или менѣе широкое право на уравненіе. Въ противуположность этому, уставъ 1871 года стремился поставить наше гимназическое образованіе чуть ли не на ту почву, на которой оно стояло въ описываемую Фитчемъ Елисаветинскую эпоху. Предоставляя прохожденію курса древнихъ языковъ исключительное право на открытіе доступа къ высшему научному образованію, безъ различія его отраслей, уставъ этотъ указалъ въ программахъ учебныхъ сравнительно приниженное мѣсто почти всякимъ познаніямъ внѣ тѣснаго круга древняго языкознанія, не исключая даже отечественнаго языка. И все это въ угоду какому-то мнимому отвле-

*) Многоуважаемому автору было неизвѣстно, что въ царствованіе Екатерины Великой отводилось у насъ столько же мѣста (хоть вовсе не больше) языку Греческому, какъ и Латинскому, что сама она замышляла распространить въ школахъ языкъ Греческій для чтенія твореній св. Отцовъ и Византійскихъ историковъ, и что при ней нѣкоторое время учились по Гречески даже въ Пажескомъ корпусѣ П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ченному убѣжденію нашихъ Германскихъ сосѣдей, что это есть единственный узкій путь къ научному блаженству. Съ того времени протекло болѣе 20 лѣтъ; подъ вліяніемъ этой теоріи образовалось уже нѣсколько молодыхъ поколѣній; должны бы быть уже замѣтны благотворные плоды этого слѣпого культа древности; но если спросить: возвысился ли общій уровень образованности, процвѣтаетъ ли болѣе прежняго наука вообще, а словесныя науки въ частности, пріобрѣла ли учившаяся подъ вліяніемъ этой теоріи молодежь болѣе, сравнительно со своими предмѣстниками, серіозное отношеніе къ знанію и къ жизни, любви къ труду, то думаю я, что всякій безпристрастный наблюдатель будетъ склоненъ дать отвѣтъ скорѣе отрицательный. Безъ колебанія можно утверждать, что знаніе отечественнаго языка въ гимназіяхъ едва ли не понизилось и что чаще прежняго слышатся и въ правительственныхъ учрежденіяхъ жалобы, что поступающіе на службу молодые люди, даже кандидаты Университетовъ, неправильно пишутъ по-русски. Рядомъ съ этимъ слышатся жалобы на переутомленіе учащихся, вредно отзывающееся на физическомъ и умственномъ ихъ развитіи, на поражающее развитіе близорукости, вслѣдствіе переутомленія глазъ, и на малое развитіе въ учащихся любви къ древнимъ языкамъ.

Далека отъ меня мысль эти печальныя явленія приписывать древнимъ языкамъ: корни ихъ нужно искать глубже, во всемъ устройствѣ гимназическаго преподаванія; одно лишь вѣрно, что нынѣшнее Министерство Народнаго Просвѣщенія нашлось вынужденнымъ приступить къ серіознымъ мѣрамъ врачеванія этихъ недуговъ, безъ сомнѣнія нанесенныхъ если не буквою нынѣ дѣйствующаго устава гимназій, то слишкомъ усерднымъ его примѣненіемъ и, между прочимъ, нѣсколько сократить требованія при изученіи древнихъ языковъ. Можно только отнестись съ признательностью къ такому благому направленію и пожелать, чтобы оно было преслѣдуемо съ послѣдовательностью и энергіею. Русское образованіе относительно свободы дѣйствій своихъ, при установленіи справедливой, согласно требованіямъ современной образованности, относительной важности научныхъ предметовъ, входящихъ въ учебныя программы среднихъ учебныхъ заведеній, было поставлено въ исключительно выгодныя, сравнительно съ западными его сосѣдями, условія: тогда какъ тѣ были связаны историческими традиціями, столь сильно дѣйствующими во всѣхъ отрасляхъ государственнаго развитія и съ особенною силою вліяющими въ дѣлѣ учебномъ, болѣе всякихъ другихъ справедливо требующемъ консерватизма, наше отечественное народное образованіе, не выросшее изъ непосредственнаго соприкосновенія съ древнеклассическою цивилизаціею, могло свободнѣе почер-

Библиотека "Руниверс"

нать изъ оной лишь то, что̀ оказывалось нужнымъ для полноты и достоинства Русскаго просвѣщенія. Присоединялось къ этому и то весьма важное обстоятельство, что Русскій языкъ не ищетъ своихъ корней въ языкѣ Латинскомъ.

Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что при опредѣленіи мѣста, указаннаго въ нашихъ учебныхъ гимназическихъ программахъ классицизму, кромѣ довольно слѣпого подражанія чужестранному, занимали едва ли послѣднее мѣсто соображенія, учебному дѣлу совершенно чуждыя. Такъ, изданіе устава 1871 года состоялось, хотя и негласно, подъ вліяніемъ предвзятаго предубѣжденія противъ сочинителей предшествующаго устава, будто бы поклонявшихся идеямъ такъ называемымъ либеральнымъ, въ противоположность охранительнымъ; предполагалось, вѣроятно и искренно, что усиленіе изученія древнихъ языковъ должно способствовать къ отрезвленію юношества отъ современнаго свободомышленія какъ религіознаго, такъ и политическаго. Если же вспомнить, что̀ памятно всякому перешедшему пятидесятилѣтній возрастъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе усилившихся въ то время у сосѣдей нашихъ революціонныхъ движеній, изученіе въ нашихъ гимназіяхъ древнихъ языковъ было значительно сокращено, а Греческаго почти исключено, сдѣлавшись необязательнымъ, и что довольно гласнымъ поводомъ къ тому послужило противуположное предубѣжденіе: будто знакомство съ древними литературами и съ условіями жизни классическихъ народовъ способствуетъ къ распространенію республиканскихъ идей и къ культу языческаго просвѣщенія: то можно безошибочно утверждать, что оба эти противорѣчащіе другъ другу взгляда были одинаково неосновательны, и что ни реальное, ни классическое образованіе не заслуживало ni tant d'honneur ni tant d'indignité *). Независимо этого, ограниченіе права поступленія въ университеты прохожденіемъ гимназическаго, строго-классическаго курса, имѣло, очевидно, цѣлью, затруднить доступъ къ университетскому образованію и съузить кругъ лицъ посѣщающихъ факультетскія аудиторіи, закрывая ихъ болѣе низшимъ классамъ общества. Что надежды эти не оправдались, можно было уже предъугадать, когда число гимназій быстро увеличивалось, въ ущербъ реальнымъ училищамъ, и когда первыя одни открывали путь къ осуществленію завѣтной мечты большинства посѣтителей нашихъ школъ: «*занять мѣсто въ табели о рангахъ*»; созданныя же въ то время реальныя училища, по своему учебному курсу, не готовили ни къ службѣ, ни къ промышленности, ни даже не открывали дверей въ высшія спеціальныя учебныя заведенія.

*) Ни столько почета, ни столько уничиженія.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя поэтому было удивляться частымъ просьбамъ городскихъ обществъ объ открытіи у нихъ гимназій и прогимназій, предпочтительно предъ реальными училищами, просьбамъ, которые весьма неосновательно приписывались развивавшемуся будто въ нашемъ обществѣ убѣжденію въ превосходствѣ строго-классическаго образованія. Такого убѣжденія никогда не было, да и быть не могло; а двадцатилѣтній опытъ существованія нынѣшнихъ нашихъ гимназій, очевидно, не могъ развить въ Русскомъ обществѣ пристрастія къ классическому образованію. Къ преобразованію и улучшенію реальныхъ училищъ нынѣшнее Министерство Народнаго Просвѣщенія приняло серіозныя и полезныя мѣры, такое направленіе желательно поддержать и развить.

III.

Излагая причины, по которымъ значеніе классическихъ языковъ въ программѣ учебныхъ заведеній должно сократиться, въ виду измѣнившихся условій, Фитчъ далекъ отъ мысли отказать этимъ языкамъ въ подобающемъ мѣстѣ въ этой программѣ. Въ этомъ отношеніи онъ говоритъ: «Существуетъ, быть можетъ, опасность, чтобы, при плодотворной реакціи противъ того мнѣнія, которое давало Латинскому и Греческому языкамъ исключительное и вредное преобладаніе въ учебномъ курсѣ нашей школы, не увлеклись въ противоположную ошибку, не соотвѣтственно понизить понятіе о пользѣ этихъ языковъ. Поэтому крайне необходимо уяснить себѣ вопросъ: «*какое мѣсто должно, по справедливости, быть предоставлено изученію древнихъ языковъ въ образовательномъ курсѣ, принимая во вниманіе нынѣшніе предѣлы человѣческаго знанія и требованія современной жизни?*» Отвѣтъ на такой вопросъ зависитъ, повидимому, вполнѣ отъ продолжительности періода времени, которое ученикъ посвящаетъ на свое образованіе. При этомъ необходимо имѣть въ виду три разряда учащихся: тѣхъ, которые, вѣроятно, поступятъ въ университетъ и преслѣдуютъ оконченное словесное образованіе; тѣхъ, которыхъ учебный курсъ, вѣроятно, не продлится далѣе 16 или 17-лѣтняго возраста и которые, по окончаніи онаго, изберутъ разныя профессіи; наконецъ, тѣхъ, которые ограничатся элементарнымъ образованіемъ, оканчивающимся въ 13-мъ или 14-лѣтнемъ возрастѣ. Латинскій языкъ имѣетъ соотношеніе со всѣми тремя этими разрядами; но соотношеніе это неодинаковое, и самый способъ преподаванія долженъ быть различный. Можно надѣяться, говоритъ далѣе Фитчъ, что всегда найдутся средства для поощренія въ Англіи изученія Греческой и Латинской словесности. Принимая во вниманіе то вліяніе, которое древняя литература имѣла на умственное развитіе Европы, что почти всѣ лучшія книги, писанныя на Англійскомъ языкѣ,

Библиотека "Руниверс"

переполнены ссылками и оборотами мысли, сознательно или несознательно позаимствованными изъ классическихъ источниковъ, при томъ имѣя въ виду признанное литературное и художественное достоинство классическихъ произведеній до насъ дошедшихъ, дѣлается очевиднымъ, что мы понесемъ тяжелую потерю, если когда нибудь этотъ источникъ богатства не будетъ подвергаться изслѣдованію, или будетъ оставляемъ въ пренебреженіи. Можно также надѣяться, что въ Англіи всегда найдутся нѣкоторыя личности, которыя на столько посвятятъ себя изученію древней литературы, чтобы не пренебрегать тѣмъ, что̀ можно назвать утонченностью и роскошью классическаго образованія. Но даже относительно такихъ лицъ весьма сомнительно, чтобы Латинскій языкъ когда либо ими употреблялся какъ орудіе для свободнаго выраженія мысли или для умственнаго обмѣна; даже и для нихъ Латинскій языкъ лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ можетъ пріобрѣсти значеніе живого языка. Тѣмъ не менѣе, однако, можно допустить, что для такихъ лицъ упражненія въ стихосложеніи Греческомъ и Латинскомъ, на которое столько времени тратится въ нашихъ древнихъ словесныхъ школахъ, могутъ имѣть еще нѣкоторое значеніе. Для такихъ же учащихся, которые, при поступленіи въ Университетъ по всей вѣроятности, изберутъ отдѣлъ математики, естественныхъ наукъ или другія отрасли новѣйшаго знанія, равно и для всего того большинства, которое, вѣроятно, никогда въ университетъ не поступитъ, а въ возрастѣ отъ 16 до 17 лѣтъ прямо вступитъ на путь профессіональной дѣятельности, занятіе классическими стихотвореніями или утонченностями классицизма, а также вообще изученіе Греческаго языка, оказывается ошибочно, уже главнѣйше потому, что изученіе это не можетъ быть доведено до какой бы то ни было плодотворной степени. Тѣмъ не менѣе и для такихъ учениковъ Латинскій языкъ имѣетъ положительную пользу, при томъ лишь условіи, чтобы цѣль, для которой это преподаваніе будетъ допущено, была бы тщательно опредѣлена и неуклонно преслѣдуема.

Существенная разница въ преподаваніи Латинскаго языка такимъ ученикамъ заключается въ томъ, что цѣлью его должно быть пониманіе онаго настолько, чтобы чтеніе авторовъ было доступно, не преслѣдуя способности письменно на немъ объясняться. Желательно ознакомить учениковъ съ сочиненіями нѣкоторыхъ изъ болѣе легкихъ, лучшихъ, Латинскихъ авторовъ, дабы они могли понимать ихъ содержаніе. Кромѣ того, и это быть можетъ еще важнѣе, Латинскій языкъ преподается такимъ ученикамъ: 1) потому что онъ представляетъ наилучшее практическое объясненіе грамматической науки и общихъ законовъ о

Библиотека "Руниверс"

строѣ языка; 2) потому что онъ служитъ дѣйствительнымъ орудіемъ для изученія того, какъ сложился и развился Англійскій языкъ и 3) потому что онъ служитъ пособіемъ для объясненія многаго, что безъ этого осталось бы темнымъ въ нашей отечественной литературѣ, и къ уясненію отношеній существующихъ между нею и литературами Греціи и Рима.

Установивъ такія цѣли, которыя должны быть преслѣдуемы, окажется, что наибольшая часть самой трудной задачи, которую представляетъ система изученія Латинскаго языка, принятая въ нашихъ классическихъ школахъ (grammar schools) окажется если не вполнѣ излишнею, то, во всякомъ случаѣ, имѣющею второстепенную важность Указанныя цѣли достижимы въ продолженіе времени довольно умѣреннаго, не посягая на то, которое должно быть посвящено иному знанію.

Имѣя въ виду, что главнѣйшая причина для преподаванія Латинскаго языка заключается въ его вліяніи *на лучшее пониманіе Англійскаго языка*, полезно вести преподаваніе обоихъ языковъ одновременно. Нѣсколько начальныхъ уроковъ о главнѣйшихъ частяхъ Англійскаго предложенія и о классификаціи Англійскихъ словъ должны бы предшествовать ознакомленію ученика съ Латинскою грамматикою; но послѣ того, какъ такіе уроки хорошо усвоены, казалось бы желательнымъ преподаваніе обѣихъ грамматикъ производить одновременно, дѣлая на каждомъ шагу сравненіе Англійской конструкціи словъ и Англійскихъ оборотовъ рѣчи съ Латинскими. Никогда не слѣдуетъ забывать, что пріобрѣтеніе знанія грамматики, какъ науки, не можетъ быть достигнуто черезъ изученіе одного языка — per se — но черезъ сравненіе и синтезисъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ. Только посредствомъ ознакомленія съ различіями и сходствами въ строеніи двухъ разныхъ грамматикъ мы проникаемъ въ пониманіе разности между тѣми началами, которыя суть *случайныя*, присущія отдѣльнымъ языкамъ, и тѣми, которыя должны быть признаны *общими*, принадлежащими одинаково всѣмъ правильно устроеннымъ языкамъ.

Не слѣдуя затѣмъ за Фитчемъ въ изложеніи частностей въ преподаваніи, примѣненныхъ къ Англійскимъ школамъ, достаточно будетъ упомянуть лишь о главнѣйшихъ его указаніяхъ, а именно: 1) чтобы съ самаго начала преподаваніе грамматики и упражненія въ простыхъ переводахъ производились рядомъ, pari passu; 2) что выставляемое многими преподавателями правило, будто прежде всего необходимо положить у учениковъ твердое основаніе въ грамматикѣ, неосновательно, потому что ихъ пониманіе о подобномъ основаніи обыкновенно выра-

Библиотека "Руниверс"

жается въ изученіи наизустъ многихъ грамматическихъ правилъ, прежде нежели ученикъ можетъ понять практическое примѣненіе подобныхъ правилъ къ дѣйствительному сложенію рѣчи, отчего подобное изученіе представляется ему сухимъ и противнымъ, создавая въ немъ отвращеніе къ преподаваемому предмету; 3) что ничего не можетъ быть тягостнѣе и неудовлетворительнѣе, какъ установленіе послѣдовательности въ чтеніи авторовъ на основаніи предполагаемой ихъ трудности, какъ то: посвящать столько то мѣсяцевъ на Евтропія, затѣмъ другой срокъ на Кесаря, переходя послѣ того къ Овидію и Виргилію, какъ будто эти авторы представляютъ собою послѣдовательныя ариѳметическія правила. Дитя, обучаемое Латинскому языку, для достиженія указанныхъ цѣлей, должно прежде всего быть заинтересовано въ этомъ изученіи и съ самаго начала приведено къ пониманію, что Латинскій языкъ, точно также какъ и его родной языкъ, отличается разнообразностью и привлекательностью своего содержанія, а не есть одинъ только рядъ упражненій въ грамматикѣ и словарѣ, и 4), однимъ изъ способовъ для пріученія ученика къ наслажденію литературою и для расширенія его знакомства съ значеніемъ словъ можетъ служить изученіе какого нибудь Англійскаго классическаго автора — pari passu — съ однороднымъ Латинскимъ или извлеченіемъ изъ онаго. На сколько желательно одновременное изученіе Латинской и Англійской грамматики, настолько же существуетъ правильное основаніе для одновременнаго упражненія въ Латинской и Англійской литературѣ. По мѣрѣ того, какъ ученикъ подвигается впередъ, полезно занимать его сравненіемъ и одновременнымъ изученіемъ цѣлыхъ отдѣловъ какого либо древняго и новѣйшаго автора; такъ напр. рядомъ съ «ars poetica» Горація критическіе опыты Попа или Байрона: «Намеки изъ Горація», «hints from Horace»; съ сатирою Ювенала подражаніе ей Джонсона или избранныя мѣста изъ Драйдена; съ рѣчью Цицерона извѣстный спичъ Берка или Маколе; съ одной изъ Георгикъ Виргилія извлеченіе изъ описанія сельской жизни Томсона; съ статьею изъ Тацита или Тита Ливія другую статью изъ Гиббона или Фруда, и т. п.

IV.

Не имѣя намѣренія входить въ обсужденіе частное указываемыхъ Фитчемъ способовъ преподаванія Латинскаго языка и предоставляя оцѣнку оныхъ болѣе меня опытнымъ въ этомъ дѣлѣ спеціалистамъ педагогамъ, нахожу однако, что главныя начала, имъ излагаемыя съ большою пользою могутъ быть примѣнены къ нашимъ гимназіямъ. Выразились бы они въ слѣдующихъ тезисахъ. 1) Преподаваніе древнихъ языковъ составляетъ полезную и желательную часть курса сред-

Библиотека "Руниверс"

нихъ учебныхъ заведеній. 2) Объемъ этого преподаванія, способы онаго и мѣсто, занимаемое имъ въ учебномъ курсѣ, должны быть согласованы съ требованіями другихъ научныхъ предметовъ, обязательно долженствующихъ входить въ программы такихъ учебныхъ заведеній. 3) Цѣль преподаванія древнихъ языковъ есть: а) нѣкоторое для всѣхъ учащихся, ознакомленіе съ разными произведеніями классической литературы, какъ однимъ изъ богатыхъ источниковъ изящной словесности общечеловѣческой, б) подготовленіе къ дальнѣйшему развитію этого изученія для тѣхъ, которые намѣрены посвятить себя высшему словесному образованію или къ такимъ отраслямъ высшихъ наукъ, которыя въ классическихъ авторахъ имѣютъ выдающихся представителей; отношу я сюда науки филологическія, философскія и юридическія, и в) дать болѣе прочное основаніе знанію отечественнаго языка, черезъ сравнительное языкознаніе. 4) Въ словесномъ образованіи почетнѣйшее и выдающееся мѣсто должно принадлежать изученію отечественнаго языка, къ лучшему познанію котораго ознакомленіе съ древними языками служитъ однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ по сему; 5) Изученіе классическихъ языковъ, не будучи цѣлью гимназическаго образованія, а лишь однимъ изъ факторовъ онаго, не должно занимать въ учебномъ курсѣ подавляющее мѣсто, въ ущербъ другимъ отраслямъ знанія, а лишь равноправное съ ними положеніе.

Охотно присоединился бы я, и въ отношеніи къ нашему отечеству, къ высказываемому Фитчемъ относительно Англіи пожеланію, чтобы нашлись нѣкоторыя личности, которыя бы на столько посвятили себя изученію древней литературы, чтобы вникнуть въ утонченности и роскошь классическаго образованія, иными словами, которыя бы древнюю филологію избрали предметомъ спеціальныхъ своихъ научныхъ занятій. Таковыхъ Европейская образованность представляетъ немало примѣровъ; но нельзя въ такой же мѣрѣ сказать это о Россіи. Русская наука имѣетъ, въ разныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, первоклассныхъ дѣятелей; имена Остроградскихъ, Пироговыхъ, Боткиныхъ, Карамзиныхъ, Соловьевыхъ, Костомаровыхъ, Менделѣевыхъ украшаютъ лѣтописи общечеловѣческой науки; но въ классической филологіи она не имѣетъ равноправныхъ соревнователей. Нельзя, конечно, отрицать, что между нашими учеными и литераторами бываютъ хорошіе латинисты и еллинисты; но спеціально, съ выдающимся отличіемъ, посвятившихъ себя древней филологіи, затруднился бы я назвать. Не происходитъ ли это, въ большой мѣрѣ, отъ того, что Русскій духъ болѣе склоненъ къ наукамъ точнымъ, прикладнымъ, нежели къ наукамъ отвлеченнымъ? Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, филологія,

Библиотека "Руниверс"

какъ наука спеціальная, принадлежитъ университетамъ, а не среднимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ и приноравлять учебный курсъ гимназій къ созданію филологовъ противно ихъ назначенію. Между тѣмъ, занимаемое въ учебной программѣ нынѣшнихъ нашихъ гимназій мѣсто Латинскимъ и Греческимъ языками и время посвящаемое ихъ изученію (75 уроковъ въ недѣлю) давало бы полное основаніе предполагать, что онѣ суть нечто иное, какъ приготовительныя учебныя заведенія къ филологическому факультету. Опытъ же 20-лѣтняго существованія этихъ программъ, безошибочно можно сказать, не увеличилъ число лицъ, посвящающихъ себя классической филологіи и не развилъ въ юношествѣ нашемъ расположенія къ изученію древнихъ языковъ, не вознаграждая этого достиженіемъ тѣхъ общевоспитательныхъ цѣлей, для которыхъ усиленное занятіе этими языками выставлялось специфическимъ средствомъ. Остаюсь я глубоко убѣжденнымъ, что не существуетъ учебнаго предмета, который самъ по себѣ имѣлъ бы монополію умственнаго развитія и образованія; что всякое серіозное и раціональное преподаваніе можетъ удовлетворить этой цѣли. Весьма вѣроятно, что неудовлетворительный результатъ непомѣрнаго времени посвящаемаго на уроки въ древнихъ языкахъ не въ малой мѣрѣ должно приписать и самому способу преподаванія, принятому въ нашихъ гимназіяхъ, мало-способному развить въ учащихся любовь къ этому занятію; излишнее сосредоточеніе на изученіи сухихъ грамматическихъ правилъ, напрасное время, которое тратилось на упражненіе въ такъ называемыя extemporalia, занятіе совершенно безполезное, при упражненіяхъ въ мертвомъ языкѣ, практическое употребленіе котораго никогда въ жизни для огромнаго большинства не представится, все это взятое вмѣстѣ, требуя напрасныя траты времени и напряженія умственныхъ силъ и памяти учениковъ, не можетъ быть оправдываемо. Министерство Народнаго Просвѣщенія это, отчасти, оцѣнило и въ послѣднее время дало полезныя указанія для сокращенія этихъ безплодныхъ занятій; но установившаяся, въ продолженіе довольно значительнаго періода времени, рутина, основанная на прежнихъ предписаніяхъ, нѣсколько замедляетъ, повидимому, исполненіе благихъ предначертаній. На сколько могутъ быть, въ извѣстный періодъ учебнаго курса, полезны переводы изъ Латинскаго или Греческаго языка на Русскій, для цѣлей лучшаго владѣнія отечественнымъ языкомъ, на столько же всякія письменныя упражненія на древнихъ языкахъ можно признать ни къ чему не ведущими. Составители нынѣ дѣйствующаго устава гимназій слѣпо перенесли на нашу почву программы Нѣмецкихъ гимназій, позабывъ значительную разницу какъ историческихъ, такъ и общественныхъ условій, существующую между Германіей и нашимъ отечествомъ.

Библиотека "Руниверс"

Что тамъ естественно выросло на почвѣ вѣковой и традиціонно сохраняется, то у насъ насильственно привито, и не соблюдена была мудрая поговорка: est modus in rebus. Пора ея дѣйствіе возстановить.

Нельзя не признать вполнѣ основательнымъ и то замѣчаніе Фитча, что преподаванію Латинскаго языка (которое онъ совѣтуетъ вести параллельно съ преподаваніемъ Англійскаго) должно бы однако предшествовать ознакомленіе съ главными частями Англійскаго предложенія и классификація Англійскихъ словъ. Если это вѣрно тамъ, гдѣ отечественный языкъ находится въ весьма близкой родственной связи съ языкомъ Латинскимъ, то оно несравненно еще болѣе необходимо въ отношеніи Русскаго языка, съ Латинскимъ столь тѣсной связи не имѣющаго. Перенявъ почти всецѣло программы Нѣмецкихъ гимназій, не было также достаточно принято во вниманіе, что въ Германіи, почти для всѣхъ поступающихъ въ гимназіи, предшествуетъ трехъ или четырехлѣтній курсъ начальнаго училища, удовлетворяющій съ избыткомъ первоначальному преподаванію отечественнаго языка. У насъ же, въ общей сложности, поступленіе въ гимназіи есть первый шагъ на пути систематическаго образованія. Особенно важное значеніе имѣетъ это еще въ виду довольно значительнаго количества инородческаго элемента, посѣщающаго наши гимназіи, преимущественно на окраинахъ, когда поступающіе ученики должны знакомиться съ государственнымъ языкомъ, для нихъ до того времени чужимъ: существующіе же приготовительные классы, болѣе или менѣе замѣняющіе начальную школу, для устраненія такого неудобства едва ли достаточны. При такихъ условіяхъ начатіе изученія Латинскаго языка съ перваго же класса гимназіи представляется слишкомъ рановременнымъ; если же къ этому прибавить, что, по дѣйствующему расписанію уроковъ, на Латинскій языкъ, даже въ первомъ классѣ, посвящается шесть уроковъ, а на Русскій только пять, то аномалія такой неравномѣрности является еще болѣе поразительною. Въ виду вышеизложеннаго, не могу не выразить убѣжденія, что преподаваніе Латинскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ должно бы начинаться не ранѣе третьяго, и, въ крайнемъ случаѣ, второго класса, когда ученики уже успѣли настолько твердо усвоить употребленіе роднаго или государственнаго языка, что параллельное съ нимъ изученіе Латинскаго языка можетъ быть нѣсколько осмысленное.

Вопросъ о полезности или необходимости одновременнаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *двухъ* древнихъ языковъ разновременно подвергался у насъ различнымъ рѣшеніямъ; было время, когда изученіе Греческаго языка вовсе не входило въ гимназическій

Библиотека "Руниверс"

курсъ; другое, когда оно признавалось необязательнымъ, т. е. также въ сущности не существовало. Не существуетъ оно и понынѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ которомъ воспитываются дѣти лицъ высшихъ сословій. Нельзя утверждать, чтобы ни это училище, ни бывшія гимназіи безъ Греческаго языка дали Россіи менѣе образованныхъ и менѣе талантливыхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, нежели нынѣшнія гимназіи съ ихъ подавляющимъ классицизмомъ. Не желалъ бы я возстановленія необязательности изученія Греческаго языка, признавая таковую по всякому учебному предмету, въ средне-образовательномъ училищѣ, въ воспитательномъ отношеніи, вреднымъ. Количество учебнаго матеріала, которое предлагается школою, должно быть строго согласовано съ среднимъ уровнемъ способностей учащихся извѣстнаго возраста и съ нужнѣйшими требованіями современной образованности. Всякій учебный предметъ, на основаніи подобныхъ соображеній, имѣющій право на включеніе его въ учебную программу, долженъ быть обязательный, а не зависящій отъ произвола неопытнаго ребенка или часто недостаточно просвѣщенныхъ родителей.

Не отвергая пользы преподаванія Греческаго языка въ гимназіяхъ, полагаю, однако, что оно не можетъ быть уравнено въ важности съ преподаваніемъ языка Латинскаго и, примѣняя къ нему основные тезисы, вышеизложенные, думаю, что оно должно ограничиваться нѣкоторымъ ознакомленіемъ съ избранными произведеніями классической Греческой словесности, преимущественно какъ подготовленіе къ дальнѣйшему развитію этого изученія для тѣхъ, которые намѣрены будутъ себя посвятить высшему словесному образованію. Грамматическое значеніе древняго языка, какъ вспомогательное средство для лучшаго изученія отечественнаго языка или для ознакомленія съ основными законами рѣчи, можетъ вполнѣ ограничиться однимъ такимъ языкомъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не признать за Латинскимъ языкомъ преимущественную передъ Греческимъ важность, какъ имѣвшимъ болѣе непосредственное вліяніе на обще-европейскую цивилизацію и на языкознаніе. Не придавая по сему Греческому языку того грамматическаго значенія, которое можетъ быть придано Латинскому, въ связи съ языкомъ отечественнымъ, слѣдовало бы причислить его изученіе къ словесному, а не къ грамматическому курсу, т. е. къ спеціально-гимназическому, а не прогимназическому періоду. Насколько нѣкоторое ознакомленіе съ лучшими произведеніями древне-Греческой литературы полезно, дабы вызвать въ учащихся охоту къ дальнѣйшему въ жизни изученію оныхъ, настолько же посвящать часы и годы на сухое занятіе Греческою грамматикою представляется едва ли оправдываемымъ.

Библиотека "Руниверс"

Присоединяется къ такому взгляду и то соображеніе, что на Русскихъ учениковъ, сравнительно съ ихъ товарищами Западно-европейскими, возлагается изученіе еще одной лишней грамматики, Славянской. Въ программахъ нашихъ гимназій изученію этимологіи и синтаксиса даже новѣйшихъ языковъ, на которыхъ ученику, быть можетъ, придется выражаться устно или письменно, придается лишь такое значеніе, чтобы оно способствовало пониманію читаемыхъ авторовъ; въ такихъ лишь предѣлахъ можетъ оправдываться преподаваніе грамматики Греческой, языка мертваго, на которомъ говорить или писать едва ли хоть одному изъ учениковъ гимназіи придется. Преподаваніе это казалось бы всего удобнѣе производить одновременно и параллельно съ чтеніемъ болѣе легкихъ авторовъ. Самое же это чтеніе удобнѣе было бы начинать не ранѣе 5-го класса, какъ долженствующее входить въ словесный курсъ. Такая постановка преподаванія Греческаго языка, значительно облегчая труды учащихся, имѣла бы не менѣе важнымъ послѣдствіемъ сократить то непомѣрное время, которое по всѣхъ классахъ предназначается на уроки изъ Греческаго языка, и это безъ всякаго ущерба общей цѣли гимназическаго обще-человѣческаго образованія.

Этимъ достигласъ бы еще другая, цѣль: посвятить болѣе времени на предметы слишкомъ пониженные въ своемъ значеніи. Къ такимъ не могу, прежде всего, не причислить исторію и географію. Сокращеніе числа уроковъ для этихъ двухъ предметовъ, сравнительно съ прежними программами, едва ли оправдывается. Для современнаго, образованнаго человѣка исторія составляетъ одинъ изъ наиболѣе умственно развивающихъ учебныхъ предметовъ; конечно не сухое, одну только память обременяющее, затверживаніе фактовъ, именъ и хронологическихъ цифръ, но болѣе осмысленное ознакомленіе съ ходомъ развитія человѣческихъ обществъ. Изданная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ 1891 г., къ руководству въ мужскихъ гимназіяхъ программа преподаванія исторіи не въ малой мѣрѣ соотвѣтствуетъ этой цѣли; но разумное выполненіе оной въ тѣ немногіе сравнительно часы, которые посвящаются преподаванію исторіи, едва ли возможно, а потому, въ дѣйствительности, изученіе исторіи въ гимназіяхъ сводится, болѣе или менѣе, къ выученію наизустъ учебника и извѣстной массы сухихъ фактовъ. Этой дѣйствительности, которая едва ли можетъ быть оспариваема, не соотвѣтствуетъ выраженное въ программѣ министерства: «*что курсъ исторіи долженъ главнымъ образомъ развить въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями, къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ*». Съ такими указаніями цѣли преподаванія исторіи въ гимназіяхъ можно бы

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ согласиться; но осуществленіе ея невозможно въ тѣ немногіе часы, которые предназначены для этого: ибо, если изъ общаго числа 13 уроковъ, посвящаемыхъ на исторію въ 8 классахъ гимназій, исключить два урока, въ 3 классѣ, гдѣ преподается лишь элементарный курсъ отечественной исторіи, и 4 урока посвящаемыхъ въ 4 и 8 классахъ исключительно на древнюю исторію, то на систематическій курсъ всеобщей и отечественной исторіи, среднихъ вѣковъ и новѣйшей, въ продолженіе всего курса, предоставляется всего 7 уроковъ. Представляется ли какая-нибудь физическая возможность въ столь ограниченное время обнять огромный матеріалъ пятнадцати вѣковой исторіи человѣчества въ томъ разумномъ смыслѣ, на который указываетъ министерская программа? На такой вопросъ можетъ быть только отвѣтъ: это невозможно. Не можетъ, равнымъ образомъ, такое недостаточное преподаваніе исторіи развить въ учащихся любовь къ этой наукѣ и привлечь ихъ, какъ на то указываетъ министерская программа, къ чтенію, послѣ окончанія курса, историческихъ сочиненій на отечественномъ или иностранномъ языкѣ. Для этого, независимо расположенія къ исторической наукѣ, необходимъ досугъ; а многіе ли изъ окончившихъ курсъ Гимназіи, часто въ борьбѣ за существованіе, располагаютъ досугомъ? Поэтому необходимо, чтобы они изъ гимназіи могли вынести такой запасъ осмысленныхъ свѣдѣній по исторіи, который необходимъ для каждаго образованнаго человѣка. Для Русскихъ юношей конечно преобладающее значеніе имѣетъ отечественная исторія, и для современныхъ Русскихъ юношей, въ особенности исторія со времени великаго преобразователя, когда въ продолженіе послѣднихъ двухъ вѣковъ создались и развились всѣ наши государственныя учрежденія и Россія заняла въ средѣ Европейскихъ государствъ то почетное мѣсто, которое ей теперь принадлежитъ. Посвятить на этотъ спеціальный отдѣлъ исторіи послѣдній годъ гимназическаго курса, послѣ котораго юноши часто вступаютъ прямо въ жизнь, казалось бы полезнымъ; между тѣмъ большая часть этого года предназначается на повтореніе исторіи Греціи и Рима. Опять рабское подражаніе программамъ Нѣмецкихъ гимназій! Помнится мнѣ живо, что въ 1862 году, осматривая, по званію товарища министра народнаго просвѣщенія, учебныя заведенія бывшаго Дерптскаго учебнаго округа, въ Ригѣ имѣлъ я вечерній частный диспутъ съ тогдашнимъ почтеннымъ директоромъ Рижской гимназіи, Крангельсомъ, и высказывалъ ему свои сомнѣнія относительно слишкомъ преобладающаго мѣста, предоставленнаго въ этой гимназіи изученію древней исторіи, сравнительно съ другими періодами исторіи человѣчества; онъ же отстаивалъ пользу и необходимость такого преобладанія для обще-образовательныхъ цѣлей.

Библиотека "Руниверс"

Не убѣдилъ онъ тогда меня и не убѣдилъ и я его; остался и я до сего дня при тогдашнемъ своемъ мнѣніи; но составители устава 1871 года, очевидно, пристали къ мнѣнію моего собесѣдника. Казалось бы, что главное сосредоточеніе изученія исторіи на событіяхъ, связанныхъ съ именами Аѳинъ, Спарты и древняго Рима, было понятно и простительно въ вѣкѣ Англійской королевы Елисаветы, когда древне-греческая и древне-римская образованность не имѣла себѣ соперниковъ въ тогдашней Европейской культурѣ; но въ концѣ XIX вѣка, когда Европа шагнула гораздо далѣе на пути наукъ и знанія, нежели когда либо достигалъ древній міръ, для современнаго образованнаго человѣка знакомство съ этимъ древнимъ міромъ и его судьбами, какъ историческими, такъ и культурными, полезное и необходимое какъ часть цѣлаго, не можетъ сравниться съ важностью знакомства съ событіями ближайшаго прошедшаго, въ особенности своего отечества; и это въ особенности тамъ, гдѣ современная культура не выросла непосредственно изъ корней Греко-римскихъ, но перенесена изъ самостоятельно уже развившейся новѣйшей Западно-европейской цивилизаціи. По всему этому казалось бы желательнымъ: 1) чтобы на преподаваніе исторіи было посвящаемо болѣе времени, съ тѣмъ конечно, чтобы оно въ дѣйствительности выполняло предначертанную Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программу, отдѣливъ для этого часть уроковъ, нынѣ съ излишествомъ предназначенныхъ на древніе языки, и 2) чтобы преподаваніе это, въ 8 классѣ, сосредоточивалось на повтореніи отечественной исторіи, въ особенности двухъ послѣднихъ столѣтій, обращая особенное вниманіе на развитіе государственнаго нашего устройства и дѣйствующихъ государственныхъ учрежденій, дабы оканчивающій курсъ гимназіи юноша имѣлъ ясное и осмысленное, хотя бы въ общихъ чертахъ, понятіе о постепенномъ развитіи государственнаго строя своего отечества. Тѣмъ болѣе это кажется необходимымъ, что для поступающихъ, послѣ экзамена зрѣлости, въ университеты, въ одномъ только историко-филологическомъ факультетѣ читаются лекціи по исторіи.

Подобныя замѣчанія, хотя въ меньшей мѣрѣ, относятся и къ преподаванію географіи. Весьма еще недавно у географіи почти отрицалось значеніе науки, и она низводилась на степень простого перечисленія извѣстнаго количества именъ рѣкъ, горъ, морей и городовъ, съ характеромъ исключительно описательнымъ; но въ послѣднее время значеніе ея было лучше оцѣнено, и она опять завоевала каѳедру въ нашихъ университетахъ. Если принять во вниманіе то огромное развитіе, которое, въ нынѣшнемъ столѣтіи въ особенности, приняло земле-

Библиотека "Руниверс"

вѣдѣніе, вслѣдствіе открытій и столь сильно развившихся сношеній между народами, а также значеніе, которое развитіе это имѣло и продолжаетъ имѣть на самое могущество различныхъ государствъ, находящееся въ прямой зависимости отъ ихъ богатства: то трудно не придти къ заключенію, что нѣкоторое раціональное ознакомленіе не только съ географическими наименованіями мѣстности, но и въ главныхъ чертахъ съ промышленною и торговою дѣятельностью различныхъ странъ, начиная съ отечества, является необходимымъ условіемъ всякаго обще-человѣческаго образованія. Не менѣе важна и связь существующая между изученіемъ исторіи и географіи. Излишне указывать, на сколько историческое развитіе народовъ и государствъ соединено съ расширеніемъ географическихъ границъ ихъ дѣятельности; а потому возможно параллельное преподаваніе этихъ двухъ наукъ крайне желательно. Съ этимъ находится, можно сказать, въ прямомъ противорѣчіи то мѣсто, которое предоставлено изученію географіи въ нашихъ гимназіяхъ, ограниченное прогимназическимъ курсомъ, и то скудное время, которое оному посвящается: всего 8 недѣльныхъ уроковъ въ теченіе 8 лѣтъ. Какъ ни скромна примѣрная программа географіи, предложенная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и даже, смѣю сказать, недостаточна, но и она едва ли выполнима въ то короткое время, которое на выполненіе ее предоставлено. Придерживаясь традиціонному порядку преподаванія географіи, которое всегда начиналось съ такъ называемой математической и физической географіи, таковая назначена къ изученію въ первомъ классѣ; излишне указать на то, какое значеніе такое преподаваніе можетъ имѣть для 9, 10 или 11-лѣтнихъ мальчиковъ, изъ коихъ многіе еще плохо владѣютъ языкомъ преподаванія. Ничего осмысленнаго тутъ быть не можетъ, и все должно ограничиваться механическимъ изученіемъ наизустъ нѣкоторыхъ, безсознательно, на вѣру, въ дѣтскій мозгъ принимаемыхъ общихъ данныхъ. Что подобныя предварительныя понятія необходимы для пользованія географическою картою и для общихъ свѣдѣній распредѣленія свѣта, теплоты и т. п., составляя какъ бы введеніе въ преподаваніе фактическаго землеописанія, оспаривать не буду; но трудно согласиться съ тѣмъ, чтобъ этимъ имѣло въ настоящее время ограничиваться знакомство оканчивающаго курсъ гимназіи юноши съ устройствомъ земного шара и съ его отношеніемъ къ мірозданію. Нѣсколько болѣе осмысленное ознакомленіе съ онымъ, въ болѣе развитомъ возрастѣ, казалось бы желательнымъ. Удобнѣйшимъ для того способомъ было бы повтореніе этого преподаванія въ одномъ изъ старшихъ классовъ. Самое же преподаваніе географіи разныхъ частей свѣта не должно бы ограничиваться прогимназическимъ курсомъ, въ особенности по географіи отечественной; едва ли возможно

Библиотека "Руниверс"

преподать въ достаточномъ объемѣ, какъ того требуетъ программа, изученіе географіи Россіи *физической*, *политической и этнографической* въ тѣ жалкіе два урока, которые для этого предназначены въ четвертомъ классѣ. Россійская имперія по своему пространству, по разнообразности своего физическаго и этнографическаго состава, равняется, можно сказать, части свѣта. Ознакомленіе, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ условіями почвы, климата, распредѣленіемъ рѣчныхъ бассейновъ, населеніемъ, промыслами и торговлею на пространствѣ «отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды» необходимо всякому образованному Русскому, но невыполнимо въ посвящаемое ему время. Гораздо это, по моему убѣжденію, въ нашъ вѣкъ полезнѣе для гимназиста, нежели болѣе или менѣе успѣшный переводъ нѣкоторыхъ трагедій Софокла, или даже нѣкоторыхъ рѣчей Цицерона. Пусть онъ успѣваетъ въ этомъ, но не въ ущербъ знакомства съ родиною. Не Римлянъ и Грековъ мы готовимъ, а Русскихъ гражданъ. Справедливо говорится, что обще-образовательный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣетъ преимущественною цѣлью умственное развитіе и подготовленіе къ жизненному умственному труду; но развѣ исторія человѣчества, ознакомленіе съ планетою, на которой намъ суждено жить и съ тою частью оной, въ которой намъ придется быть умственнымъ дѣятелемъ и гражданиномъ, не достигаютъ этой цѣли, при разумномъ преподаваніи, на столько же, на сколько это способны исполнить грамматическія упражненія? А потому suum cuique!

V.

Изъ всего сказаннаго можно, надѣюсь я, заключить, что въ мои намѣренія отнюдь не входитъ оспаривать пользу занятія древними языками въ гимназическомъ курсѣ; но лишь возразить противъ односторонняго, все поглощающаго преобладанія, которое дано изученію этихъ языковъ. Нельзя не признать, что самое значеніе гимназическаго образованія весьма измѣнилось съ того времени, какъ составъ учащихся въ гимназіяхъ и числомъ и свойствомъ расширился. Въ былое время въ гимназіи поступали, по преимуществу, дѣти сословій болѣе состоятельныхъ, для которыхъ прохожденіе этого курса составляло необходимое условіе для подготовленія къ высшему образованію и для занятія впослѣдствіи мѣста въ высшихъ общественныхъ кругахъ; теперь большинство учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ къ средамъ менѣе состоятельнымъ, которыя въ образованіи ищутъ средства для пріобрѣтенія, на разныхъ практическихъ поприщахъ, честнаго куска хлѣба, и которыя весьма часто, не имѣя возможности посвящать время на прохожденіе университетскаго курса, должны ogra-

Библиотека "Руниверс"

ничиваться курсомъ среднеобразовательнымъ, а потому таковой долженъ имѣть характеръ не исключительно, если можно такъ выразиться, отвлеченно-художественный. Не вывожу я отнюдь изъ этого заключенія, чтобы гимназическій курсъ имѣлъ бы обратиться въ подготовительный къ реальнымъ профессіямъ; долженъ онъ всегда сохранить характеръ общеобразовательный, но лишь въ томъ смыслѣ, чтобы таковой былъ примѣненъ къ потребностямъ современной общей образованности. Нельзя ожидать, чтобы въ наше время большинство обучающихся въ гимназіяхъ посвящало свою жизнь словесному поприщу, и трудно надѣяться, чтобы юноши, которыхъ восемь лучшихъ лѣтъ жизни было преимущественно пожертвовано на занятія, въ дальнѣйшей жизни ихъ не имѣющія примѣненія, послѣ того самостоятельно пополнили оставленные въ общей ихъ образованности пробѣлы. Даже къ поступающимъ, послѣ окончанія гимназическаго курса, въ университеты такое замѣчаніе примѣнимо; далеко не большинство посѣтителей университетскихъ аудиторій подготовляютъ себя служенію отвлеченной наукѣ; ищутъ они въ нихъ преимущественно пути къ поступленію на государственную или общественную службу, или на посвященіе себя такимъ научнымъ поприщамъ, на которыхъ короткое знакомство съ тонкостями двухъ классическихъ языковъ и съ судьбами боговъ языческаго Олимпа не замѣнитъ недостатка въ общей современной образованности. Спеціальность же каждаго изъ университетскихъ факультетовъ не можетъ дополнить то, чего гимназія не дала въ общемъ образованіи.

Относительно преподаванія отечественнаго языка должно прежде всего привѣтствовать распоряженіе нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, выразившееся въ увеличеніи, въ послѣдніе годы, числа уроковъ, посвящаемыхъ на этотъ первостепенной важности предметъ. Количество этихъ уроковъ могло бы по видимому, признаваться достаточнымъ, если-бы они преимущественно посвящались на главную цѣль преподаванія всякаго языка, т. е. пріобрѣтеніе правильнаго и, по возможности, изящнаго владѣнія языкомъ для практическаго его употребленія въ рѣчи и письмѣ. Если же эта цѣль, какъ должно думать, не вполнѣ достигается, то не слѣдуетъ ли это приписать способу преподаванія, въ которомъ слишкомъ преобладаетъ сухая грамматическая теорія въ ущербъ письменнымъ упражненіямъ? Покажется вѣроятно многимъ педагогическою ересью мое (основанное впрочемъ на личномъ опытѣ по четыремъ языкамъ) убѣжденіе, что можно выучиться вполнѣ правильно владѣть языкомъ при маломъ знакомствѣ съ теоріею грамматики, но что такая цѣль никогда не достигнется при недостаточномъ практическомъ упражненіи, какая бы ни была полнота теоретическихъ

Библиотека "Руниверс"

познаній изъ грамматики. Между тѣмъ, въ нашихъ гимназическихъ программахъ изученіе грамматическихъ правилъ поглощаетъ наибольшее время учащихся и хотя само Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ своихъ указаніяхъ, обращаетъ вниманіе на усиленіе письменныхъ упражненій, но благая цѣль едва достижима при выполненіи преподанной программы распредѣленія занятій по классамъ. Не одна Русская грамматика преподается съ мелочною подробностью; присоединяется теперь и Славянская. Можно согласиться съ тѣмъ, что нѣкоторое знакомство съ грамматическимъ строемъ Церковно-славянскаго языка, какъ вспомогательное средство при изученіи Русской грамматики, полезно, но далѣе этого польза такого изученія въ гимназіи едва ли можетъ идти; самое же знакомство съ Славянскимъ языкомъ, необходимое для всякаго православнаго, какъ языкъ церкви и богослуженія, и полезное для пониманія произведеній древне-славянской литературы, не требуетъ для пріобрѣтенія онаго въ той мѣрѣ, которая нужна, того времени и труда, которые посвящаются на изученіе теоріи Славянской грамматики. Таковое, не имѣющее ни обще-образовательнаго значенія ни практическаго въ жизни примѣненія, входитъ уже въ предѣлы филологическаго курса, принадлежащаго университету, а не гимназіи. Въ то время, когда учились Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Пушкинъ, Тургеневъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они получили свое образованіе, Славянская грамматика, сколько извѣстно, даже вовсе не преподавалась; между тѣмъ можно только пожелать, чтобы современные ихъ послѣдователи писали по-русски такъ, какъ писали они. Самыя-же письменныя упражненія на Русскомъ языкѣ должны имѣть главною цѣлью пріуготовленіе къ самостоятельному творчеству; для этого необходимо, чтобы избираемыя, въ старшемъ классѣ, темы сочиненій были доступны способностямъ и познаніямъ учениковъ и чтобы они были конкретныя, дабы ученикъ могъ ихъ исчерпать въ разработкѣ; въ противномъ случаѣ онѣ только ведутъ либо къ слѣпому заимствованію, либо къ изложенію общихъ мѣстъ, иначе говоря—къ пустословію.

VI.

Признавая гимназіи и реальныя училища двумя равноправными типами общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, изъ коихъ первыя даютъ образованіе преимущественно по словеснымъ наукамъ, а вторыя по точнымъ, прикладнымъ, полагаю, что, сохраняя за обоими ихъ спеціальный характеръ, желательно, чтобы въ общихъ началахъ оба эти типа преслѣдовали одну общую цѣль: дать своимъ ученикамъ, будутъ ли они продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ

Библиотека "Руниверс"

заведеніяхъ, удовольствуются ли курсомъ средняго учебнаго заведенія, соотвѣтствующія требованіямъ времени «*необходимыя*», какъ было выражено въ уставѣ гимназій 1804 г., «*для благовоспитаннаго человѣка свѣдѣнія*». На сколько въ нынѣшнее время, при разнообразности научныхъ свѣдѣній, существованіе двухъ типовъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній является необходимымъ, на столько же однако установленіе такой бифуркаціи съ самаго начала учебнаго курса не можетъ быть оправдываемо. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ для родителей, такъ въ особенности для самихъ учащихся весьма неудобно, въ дѣтскомъ еще возрастѣ, когда ни способности, ни наклонность еще не выяснились, опредѣлить избраніе того или другого пути для прохожденія средне-образовательнаго курса; весьма часто встрѣчается, что мальчикъ, поступивъ въ гимназію, не имѣетъ достаточно способностей или расположенія, чтобы осилить курсъ классическій, или поступившій въ реальное училище, чтобы справиться съ усиленнымъ занятіемъ математикою; переходъ же изъ одного учебнаго заведенія въ другое затрудняется, по несогласованности ихъ учебныхъ курсовъ, съ низшихъ-же класовъ. Гораздо было бы раціональнѣе, чтобы бифуркація курсовъ происходила въ возрастѣ, въ которомъ и способности, и наклонности учащихся успѣли уже опредѣлиться. Таковымъ можно признать тотъ возрастъ, въ которомъ, обыкновенно, оканчивается прогимназическій курсъ, т. е. съ переходомъ въ 5-й классъ гимназіи. Для достиженія подобной цѣли простѣйшимъ средствомъ представлялось бы, чтобы учебный курсъ прогимназическаго періода былъ одинъ и тотъ же для всѣхъ, безъ различія, среднихъ учебныхъ заведеній, называются ли они гимназіями или реальными училищами, и чтобы спеціализація курсовъ начиналась послѣ прохожденія этого курса. Пусть ученики реальныхъ училищъ нѣсколько поучатся по латини, а ученики гимназій пріобрѣтутъ нѣкоторыя элементарныя познанія въ естествовѣдѣніи; для тѣхъ и для другихъ можетъ это быть только полезно: реалисты воспользуются достоинствами Латинской грамматики для языковѣдѣнія и ознакомятся съ нѣкоторыми изъ болѣе легкихъ Латинскихъ писателей, а гимназисты узнаютъ кое-что о царствахъ природы, ихъ раздѣленіи и признакахъ; многіе, конечно впослѣдствіи, сожалѣютъ о томъ, что въ продолженіе всего періода своей учебной жизни они не слышали ни слова объ окружающей ихъ природѣ; достаточно будетъ самыхъ доступныхъ дѣтскому возрасту описательныхъ, наглядныхъ свѣдѣній, безъ всякой учено-мудрой окраски. Польза такого объединенія начальнаго средне-образовательнаго курса едва ли могла бы быть серьезно оспариваема; дошедши до 15—16-лѣтняго возраста, юноша уже самъ можетъ оцѣнить, какой дальнѣйшій путь соотвѣтствуетъ его склонностямъ

Библиотека "Руниверс"

и способностямъ. Установленіе такимъ образомъ четырехлѣтняго, вмѣсто восьмилѣтняго *спеціальнаго* гимназическаго курса не было бы явленіемъ новымъ въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія: было бы оно нѣкоторымъ возвращеніемъ къ уставу 1804 года, опредѣлявшему такой четырехлѣтній гимназическій курсъ. Былъ онъ тогда основанъ на предварительномъ прохожденіи курса уѣзднаго училища, что въ настоящее время, независимо даже отъ послѣдовавшаго упраздненія уѣздныхъ училищъ, было бы несоотвѣтственно нынѣшнимъ потребностямъ общаго образованія; но не подлежитъ сомнѣнію, что основная мысль, опредѣлявшая продолжительность спеціальнаго словеснаго курса въ четыре года, предпосылая ему общій курсъ округленный, имѣла много справедливаго. Какое-бы названіе ни было дано такому общему подготовительному курсу, весьма безразлично. Не подлежитъ сомнѣнію, что такое коренное преобразованіе въ строѣ средне-учебныхъ заведеній потребовало бы серьезныхъ и довольно сложныхъ измѣненій въ учебныхъ программахъ и вѣроятно также уравненія въ продолжительности курсовъ реальныхъ училищъ и классическихъ гимназій, а потому не предполагается осуществленіе такой реформы въ непосредственномъ будущемъ; но будь основная мысль одобрена, исполненіе ея можетъ быть произведено послѣдовательно. Прямымъ послѣдствіемъ такой реформы должно быть уравненіе двухъ разрядовъ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ предоставленіи окончившимъ въ оныхъ курсъ права на поступленіе въ университеты. Пусть для вооруженныхъ аттестатами зрѣлости двери всѣхъ факультетовъ остались бы открытыми: но окончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ должны пріобрѣсти право на поступленіе въ физико-математическій и медицинскій факультеты. Въ первый изъ таковыхъ и теперь не существовало бы разумныхъ причинъ воспретить входъ реалистамъ; но надѣяться на такое снисхожденіе не рѣшаюсь, пока наша учебная атмосфера такъ сильно еще пропитана Греко-латинскими бациллами. И противъ самой проведенной здѣсь основной мысли вѣроятно явится много возраженій. Въ числѣ ихъ немалое, быть можетъ, мѣсто займетъ и нерасположеніе вступить въ разладъ съ учебнымъ строемъ сосѣдей, отъ которыхъ нашъ строй заимствованъ; но меня это бы не смутило. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ слѣпой преданности нашихъ руководителей къ вѣковымъ своимъ педагогическимъ преданіямъ, думаю, что можетъ настать день, когда Русское образованіе, не связанное этими историческими традиціями, пойдетъ своимъ, раціональнымъ, самостоятельнымъ путемъ. Россіи нужны люди образованные; для нея безразлично, пріобрѣтется ли это образованіе по рецепту иностранному или собственному.

Тифлисъ.
Ноябрь 1893 г.

Библиотека "Руниверс"

*

3-го Іюля сего года скончался на своей дачѣ подъ Тифлисомъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи, статсъ-сетретарь и членъ Государственнаго Совѣта. Внукъ приглашеннаго въ Россію изъ Эльзаса на должность секретаря къ великому князю Павлу Петровичу, Андрея Львовича Николаи, который былъ нѣкогда президентомъ Императорской Академіи Наукъ, и сынъ барона Павла Андреевича, въ теченіе многихъ лѣтъ служившаго нашимъ начальникомъ въ Даніи, баронъ Александръ Павловичъ, родился въ 1821 году и, окончивъ въ 1839 г. ученье въ Царскосельскомъ Лицеѣ съ серебряной медалью, поступилъ на службу въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора, графа М. С. Воронцова, который воспитывался въ Англіи вмѣстѣ съ его отцомъ *). Въ 1845 г. баронъ Александръ Павловичъ перешелъ на службу на Кавказъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ князя Воронцова. Еще Пушкинъ писалъ, что въ Россіи ни съ кѣмъ такъ легко служить какъ съ М. С. Воронцовымъ. Служба при немъ была прекрасная школой, и баронъ Николаи навсегда остался блюстителемъ законности и строгаго порядка, не хоронящимъ однако живого дѣла въ пучинахъ канцелярской переписки, прекрасно образованнымъ, обладающимъ широкими государственными взглядами.

Баронъ принималъ участіе въ Даргинскомъ и Салтинскихъ походахъ и проявилъ здѣсь личную храбрость. Его воспоминанія о томъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1890 и 1891 годы.

Послѣдовательно баронъ занималъ мѣсто директора походной канцеляріи, члена совѣта главнаго управленія и попечителя Кавказскаго учебнаго округа Призванный въ 1861 году замѣнить Пирогова, въ должность Кіевскаго учебнаго округа, баронъ вскорѣ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, въ 1863 пожалованъ въ званіе сенатора и статсъ-секретаря. При Великомъ Князѣ Михаилъ Николаевичѣ, Баронъ Николаи получилъ должность начальника главнаго управленія намѣстника Кавказскаго.

Съ 1875 г. членъ Государственнаго Совѣта, а съ 1878 почетный опекунъ и управляющій Петербургскимъ Воспитательнымъ домомъ, онъ въ самое трудное время, 24 Марта 1881 года, получилъ назначеніе быть Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Черезъ годъ онъ долженъ былъ сложить съ себя эту должность и остался въ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдателемъ Департамента Законовъ.

Судьбы Русскаго просвѣщенія всегда занимали покойнаго и, живя на покоѣ, онъ написалъ помѣщенную выше статью свою Pia desideria и отпечаталъ ее въ видѣ рукописей въ нѣсколькихъ оттискахъ. Почтивъ и насъ доставленіемъ такого оттиска, баронъ Александръ Павловичъ письменно выразилъ намъ позволеніе помѣстить ее въ „Русскомъ Архивѣ“. Да сохранится она памятникомъ его усердія ко благу родины.

---

*) См. XXII т. Архива кн. Воронцова и Русскій Архивъ 1891. I, 334.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА О ДВУХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ВЪ Г. ШЕСБУРГѢ: ГЕНЕРАЛУ СКАРЯТИНУ И ПОЭТУ ПЕТЭФИ.

30-го Мая текущаго года мнѣ пришлось быть проѣздомъ въ городѣ Шесбургѣ (по венгерски Шегешваръ) и посѣтить находящуюся вблизи долину рѣки Большой Кокель, гдѣ 19 (31) Іюля 1849 года Русскія войска подъ начальствомъ Лидерса разбили Венгерскій корпусъ Бема. Неподалеку отъ поля сраженія, на высокомъ холмѣ, на которомъ былъ смертельно раненъ начальникъ штаба 5-го корпуса генералъ-маіоръ Скарятинъ, поставленъ Австрійцами памятникъ изъ бѣлаго камня: на четырехугольномъ пьедесталѣ, украшенномъ фигурами ангеловъ и орнаментами въ готическомъ стилѣ, лежитъ спящій левъ.

На одной изъ широкихъ сторонъ пьедестала выбита Русская надпись:

„Генералъ-Маіору Григорью Яковлевичу Скарятину, павшему при г. Шесбургѣ (19) 31 Іюля 1849 года, сражаясь за возстановленіе законнаго порядка, воздвигнутъ памятникъ сей офицерами Семиградскаго корпуса Австрійской арміи".

На другой широкой сторонѣ пьедестала Нѣмецкая надпись:

„Gregor Jacovlevitsch Skariatin, dem heldenmüthigen Kaiserlich Russischer General-Major in der Suite Seiner Majestät des Kaisers von Russland, Chef des Generalstaabes des 5 Armeekorps im Revolutions Kriege am 31 Juli 1849 durch eine feindliche Kanonenkugel bei Schässburg gefallen. Als Denkmal dankbarer Anerkennung des gemeinschaftlichen Kampfes und Sieges der allirten Heere und des freundschaftlichen Bundes der erhabenen Kaiser von Österreich und Russland Franz Joseph des I und Nicolaus des I das K. K. Siebenbürgische Armeekorps".

Надъ памятникомъ устроена деревянная покатая крыша. Приближающагося къ памятнику посѣтителя встрѣчаетъ дай привязанной собаки, на который является изъ сосѣдняго домика сторожъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Шесбургѣ, противъ зданія Комитата, откуда открывается видъ на долину Большаго Кокеля, поставлена Венгерцами бронзовая статуя поэту Петэфи, бывшему адъютантомъ у Бема и павшему въ сраженіи 19 (31) Іюля.

Поэтъ изображенъ во весь ростъ въ гусарской формѣ и стоитъ на пьедесталѣ спиной къ полю сраженія.

На пьедесталѣ надпись на разныхъ языкахъ, между коими и Русская:

„Любовь и свобода
Моей души нужда!"

П. Щукинъ

Москва
12 Іюля 1899 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1899 года

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

361. Указъ **князя А. М. Черкаскаго** управителю его Воронежскихъ деревень, Абросиму Семенову. 1739. Съ послѣсловіемъ **графа С. Д. Шереметева**.

5, 473. Письма **А. Я. Булгакова** къ его брату изъ Неаполя и Палермо. 1802—1807.

363. Рескрипты **императора Александра Павловича** князю А. А. Прозоровскому. 1807.

368. Письмо **графа Аракчеева** къ князю А. А. Прозоровскому. 1807.

367. Письмо **И. И. Михельсона** къ князю А. А. Прозоровскому, съ его отвѣтомъ. 1807.

161. Грузія. Историческій очеркъ. **А. С. Хаханова**.

169. Письма **князя П. Д. Циціанова** и **А. П. Тормасова** къ свѣтлѣйшей княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ Мингрельской. 1804—1817.

80. Два письма великаго князя **Николая Павловича** къ инженеру фонъ-Ферстеру. 1818—20.

290. Разсказъ очевидца о событіи 14 Декабря 1825 года.

292. Письмо о томъ же **А. Ѳ. Воейкова** къ княгинѣ Е. А. Волконской, изъ Петербурга, 20 Декабря 1825 года.

297. Выдержки изъ писемъ профессора Московскаго университета **П. С. Щепкина** о поѣздкѣ его въ Петербургъ въ 1828 году. Съ предисловіемъ его внука **Д. М. Щепкина**.

218. Изъ воспоминаній леди **Блумфильдъ** о Россіи. 1845—1846.

447. Замѣтка о Д. П. Сѣверинѣ. **А. П. И.**

47, 245, 428, 515. Изъ воспоминаній **Н. Д. Богатинова**. 1848—1861 (Гимназія и Университетъ въ Кіевѣ.—Опредѣленіе на службу.—Н. Р. Ребиндеръ.—Учителемъ Кіевской гимназіи. — Е. А. Кублицкая. — Печатные труды. — Попечительство И. И. Пирогова. Баронъ А. И. Николаи. — Л. Я. Ростовцевъ).

92. 271. 584. Изъ писемъ **Ѳ. И. Тютчева**. 1859—1863.

369. Воспоминаніе о Польскомъ мятежѣ 1863 года, (по разсказамъ генералъ-адъютанта **И. С. Гонецкаго**). **И. Корнилова**.

185. Письма митрополитовъ **Филаретовъ** и **Серафима**, архіепископовъ **Симеона** и **Авраама** и епископа **Никодима** къ Воронежскому архіепископу **Парѳенію**. Съ предисловіемъ и примѣчаніями профессора **И. Н. Корсунскаго**. 1818—1852.

217. Письмо архіепископа **Смарагда** къ графу Д. Н. Толстому. 1863.

459. Письма **Василья Львовича Пушкина** къ Д. Н. Блудову. 1812.

83. С. Н. Глинка. Два письма о немъ князя П. А. Вяземскаго и его письмо къ В. А. Жуковскому.

464. Письма **А. С. Хомякова** къ его брату и къ братьямъ Мухановымъ. 1828—1831.

242. Письмо **А. С. Хомякова** къ А. И. Кошелеву о допетровскомъ бытѣ и о Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

581. Замѣтка къ стихотворенію **А. С. Хомякова** „Звѣзды".

142. Изъ автобіографіи Прасковьи Ивановны **Орловой** (ея бенефисъ 1841 года).

549. Юрій Никитичъ Вартеневъ. Отрывки изъ его Крымскихъ дневниковъ (жизнь въ Симферополѣ. 1843).

159. Письмо **А. С. Пушкина** къ В. Д. Сухорукову (1836).

146, 310. А. С. Пушкинъ по Запискамъ **А. О. Смирновой. Ю. В.**

340. А. С. Пушкинъ въ Кишеневѣ.

348. Анекдотъ о Пушкинѣ.

350. Изъ Записной книжки **Н. В. Путяты** (знакомство съ А. С. Пушкинымъ).

354. Разныя замѣтки о А. С. Пушкинѣ (изъ Записной книжки „Русскаго Архива").

160. О Запискахъ А. О. Смирновой. Замѣтка ея дочери **Н. Н. Соревъ.**

137. Памяти А. С. Пушкина (о его пребываніи въ Оренбургѣ и Астраханскіе подписчики на его сочиненія). **Л. Юдина.**

479. Замѣтка о первомъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина. **М. А. Веневитиновъ.**

607. Pia desideria (о классическомъ образованіи въ Россіи) Барона **А. П. Николаи.** Съ некрологическою замѣткою издателя.

133. Замѣтки о портретахъ Суворова и альбомъ Антинга. **А. И.**

456. О Грузинскихъ церквахъ въ Москвѣ. **В. К. Помандопуло.**

106. Донскіе атаманы за послѣдніе полвѣка. **А. А. Карасева.**

287. Какъ прихожане искали себѣ батюшку. **Н. И. Соловьева.**

117. Le roi de Volga (Волжскій царь). **П. Л. Юдина.**

453. О князѣ Е. А. Грузинскомъ и переводѣ Макарьевской ярмарки въ Нижній. **А. Н. Шишкова.**

358. Замѣтка о **княжнѣ Таракановой.**

359. О пятой части Щукинскаго Сборника старинныхъ бумагъ.

633. О двухъ памятникахъ въ г. Шлиссельбургѣ: генералу Г. Я. Скарятину и поэту Петефи. П. И. **Щукина.**

— **И. П. Гиларовъ.** Сборникъ сочиненій т. I. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Со введеніемъ кн. Н. В. Шаховскаго. П. Б. (На обложкѣ 6-й книжки).

— Воспоминанія о студенческой жизни. М. 1899. П. Б. (На обложкѣ 6-й книжки).

— О XIII кн. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. И. В. **Помяловскаго** (на обложкѣ 8-й книжки).

— О VIII томѣ Архива князя Ѳ. А. Куракина Ю. Б. (на обложкѣ 7-й книжки).

— Матеріалы для исторіи рода князей Прозоровскихъ. Генеалогическое наслѣдованіе **князя М. М. Голицына.**

(Въ приложеніе къ Іюльской книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

первые пять вѣковъ родной старины (1862—1362).

Н. М. ПАВЛОВА.

2 тома. М. 1896—1899. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к. Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ конторѣ «Русскаго Архива».

В. П. ГОРЛЕНКО

УКРАИНСКІЯ БЫЛИ.

ОПИСАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Кіевъ. 1899 г. Малая 8-ка. 168 стр. Цѣна 1 рубль.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

Москва. 1899. 16°. 272 стр. Цѣна 40 копѣекъ, съ пересылкою 50 к.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"